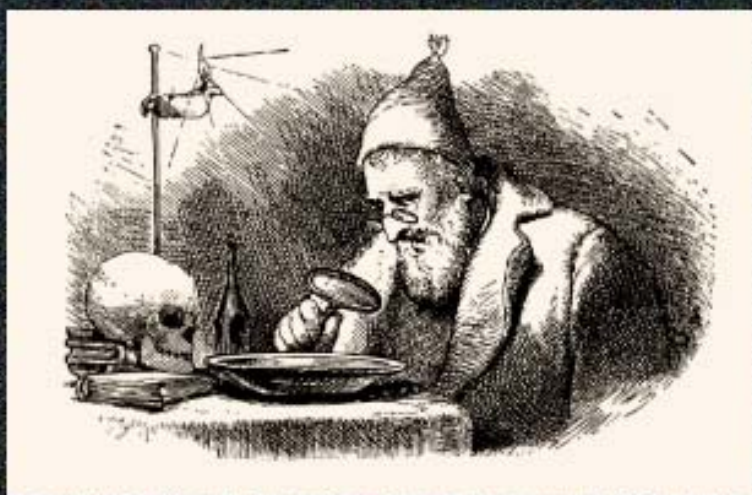

[Polaris]

ГЛОТАЙТЕ

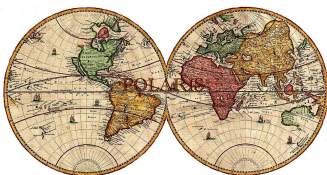

ХИРУРГА

Приключения в микромире

Том VI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ХСII

Salamandra P.V.V.

ГЛОТАЙТЕ ХИРУРГА

Приключения
в микромире

Том VI

Salamandra P.V.V.

Глотайте хирурга: (Приключения в микромире. Том VI).
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 178 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ХСII).

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев, отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах – проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

Настоящее издание продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире». В него вошли рассказы авторов разных стран и эпох – датчанина Г. Х Андерсена, американца Т. Старджона, советских фантастов 1920-х-1970-х гг.

Г. Х. Андерсен

КАПЛЯ ВОДЫ

Илл. В. Педерсена

Вы, конечно, видали увеличительное стекло — круглое, выпуклое, через которое все вещи кажутся во сто раз больше, чем они на самом деле? Если через него поглядеть на каплю воды, взятой где-нибудь из пруда, то увидишь целые тысячи диковинных зверюшек, которых вообще никогда не видно в воде, хотя они и есть. Смотришь на каплю такой воды, а перед тобой, ни дать ни взять, целая тарелка живых креветок, которые прыгают, копошатся, хлопчут, откусывают друг у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тут уголок, то там кончик и при этом радуются и веселятся по-своему!

Жил-был один старик, которого все звали Копун Хлопотун, — такое уж у него было имя. Он вечно копался и хлопотал над всякой вещью, желая извлечь из нее все, что только вообще можно, а нельзя было достигнуть этого простым путем — прибегал к колдовству.

Вот сидит он раз да смотрит через увеличительное стекло на каплю воды, взятой прямо из лужи. Батюшки мои, как эти зверюшки копошились и хлопотали тут! Их были тысячи, и все они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали друг друга.

— Но ведь это отвратительно! — вскричал старый Копун Хлопотун. — Нельзя ли их как-нибудь умиротворить, ввести у них порядок, чтобы всякий знал свое место и свои права?

Думал-думал старик, а все ничего придумать не мог. Пришлось прибегнуть к колдовству.

— Надо их окрасить, чтобы они больше бросались в глаза! — сказал он и чуть капнул на них какую-то жидкостью, вроде красного вина; но это было не вино, а ведьмина кровь самого первого сорта. Все диковинные зверюшки вдруг приняли красноватый оттенок, и каплю воды можно было теперь принять за целый город, кишевший голыми дикарями.

— Что у тебя тут? — спросил старика другой колдун, без имени, — этим-то он как раз и отличался.

— А вот угадай! — отозвался Копун Хлопотун. — Угадаешь, — я подарю тебе эту штуку. Но угадать не так-то легко, если не знаешь, в чем дело!

Колдун без имени поглядел в увеличительное стекло. Право, перед ним был целый город, кишевший людьми, но все они бегали нагишом! Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу — непременно выбивался наверх, кто был наверху — попадал вниз.

— Гляди, гляди! Вон у того нога длиннее моей! Долой ее! А вот у этого крошечная шишка за ухом, крошечная, невинная шишка, но ему от нее больно, так пусть будет еще больнее!

И они кусали беднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрят, кто-нибудь сидит себе смирно, как красная девица, никого не трогает, лишь бы и его не трогали, так нет, давай его тормозить, таскать, теревить, пока от него не останется и следа!

— Ужасно забавно! — сказал колдун без имени.

— Ну, а что это такое, по-твоему? Можешь угадать? — спросил Копун Хлопотун.

— Тут и угадывать нечего! Сразу видно! отвечал тот. —
Это Копенгаген или другой какой-нибудь большой город,
они все ведь похожи один на другой!.. Это большой город!
— Капля воды из лужи! — промолвил Копун Хлопотун.

В. Гончаров

ЖИЗНЬ НЕВИДИМАЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНЫЕ В СХОДЫ

№ 1 (2)

Орган Закавказского
краевого комитета
РКДМ.

1923
январь.

Известно ли вам, что кроме мира видимого, существует мир невидимый? И не какой-нибудь сверхъестественный или чудесный... Нет. В наше время чудесного ничего не происходит, — не потому, что мы не удостоены от бога этой благодати, а потому, что мы стали культурней, умней, и все чудесное умеем объяснять научно: просто естественно.

Мы сумели обойтись без богов, существование которых нужно было нашим предкам для того, чтобы божественной тайной объяснять себе те вопросы, что не поддавались их разуму... Да разве еще попам, чтобы дурачить простой народ.

Мы отбросили веру в богов, как ненужный и вредный хлам, мы во всем положились на свой разум, и если у нас есть еще стороны жизни, до сих пор непонятые нами и необъясненные, то это лишь потому, что или сама наука недостаточно окрепла, или же наши технические, вспомогательные к науке средства не успевают достаточно быстро развиваться, отстают от движения современной теоретической науки.

Поясим на примере. Существует болезнь, известная каждому, — сыпной тиф. Это — зло большой руки. И человечество долго ломало себе голову, пока уяснило причины, вызывающие его. Узнали, что сыпной тиф — передается вшами от больного человека здоровому. Додумались, что зараза тифа — это мельчайшие существа, невидимые простым глазом. Додумались, что они находятся в крови больного, и что их можно увидеть только через микроскоп. — Это теоретическое завоевание науки. — А когда взяли микроскоп, да впустили на его предметное стеклышко каплю крови сыпнотифозного больного, — жестоко разочаровались... Никакой заразы не увидели...

Очевидно, зараза эта до того мелка, что современный микроскоп для нее слаб. Нужно найти возможность большего увеличения, нужно усовершенствовать микроскоп. — Техника отстала.

И до сих пор вопрос о сущности заразы сыпного тифа стоит открытым. Мы не знаем возбудителя этой злой болезни.

Но мы не отчаиваемся и богов не призываем... Порешили: всеми возможными способами разыскать-таки виновника сыпного тифа, обойдя или преодолев затруднения, а пока, не полагаясь на милость божью, от которой толку всегда было мало, заняться просвещением народа, так как можно и с теми знаниями, что у нас есть, стереть с лица земли заразу сыпного тифа.

На самом деле, без вшей нет тифа, уничтожить вшей — значит, уничтожить тиф. Как видите, исход найден. Пускай возбудитель тифа в настоящее время еще не обнаружен, пускай он совсем невидим, — придет время, и его увидят. Это так же верно, как дважды два — четыре.

Мы говорим так твердо потому, что верим в науку. Раз она сумела открыть тысячу одних мелких существ, тоже сильно заразных, как холерного вибриона, брюшнотифозную палочку и пр., она откроет и тысячу первое.

Вот про этот-то «невидимый мир» и будет речь впереди. Причем здесь будет говориться и о тех «невидимых», что уже стали видимы при помощи микроскопа, и о тех, которые еще стоят на очереди.

Действие происходит под микроскопом. Капля воды на предметном стеклышке микроскопа — это целое море для наших «невидимых» врагов.

Представьте себе, что в такую каплю попали: холерный вибрион, дизентерийная и брюшнотифозная, палочки, туберкулезная палочка, сифилитическая спирохета, спирилла возвратного тифа и некоторые другие, и вообразите, что все они наделены человеческой речью.

Мы увидели бы занятное зрелище и услышали бы много интересного. Но сначала необходимо познакомить вас с их наружным видом и со свойствами каждого из них.

Холерный вибрион — лицо весьма оригинальное — вызывает у человека холеру, — небольшое, сравнительно со всеми остальными, непоседливое и вечно болящее существо в виде согнутой сосиски, или запятой, на одном конце имеет хвостик — жгутик, шевеля которым, довольно быстро передвигается, местом для своей жизнедеятельности избирает сырую воду и кишечник человека.

Туберкулезная палочка — вызывает туберкулез, а иначе — чахотку, поэтому и сама длинна, чахоточна и даже немного согнута, как бы под бременем собственных злодеяний. Палочка — неподвижная, поэтому больше предпочитает носиться в воздухе вместе с пылью, чем в какой либо другой среде. С воздухом и пылью обыкновенно и попадает в организм человека.

Брюшнотифозная палочка — вызывает брюшной тиф — нечто солидное, похожа больше на колбаску, чем на палочку. Толста, обрамлена кругом — целым рядом хвостиков — жгутиков, из-за них предпочитает больше воду, вообще жидкости, не брезгует сырым молоком, квасом, пивом и прочими прохладительными напитками, приготовленными на сырой воде. Подвижна, но с известной солидностью. Кипячения не любит так же, как и все предыдущие и последующие, ибо более склонна жить, чем умирать.

Дизентерийная палочка — вызывает дизентерию, иначе — кровавый понос, похожа наружностью на брюшнотифозную, и хотя не имеет жгутиков, жидкости обожает. Собственным движением не обладает.

Сифилитическая спирохета — вызывает сифилис, нитевидное существо изогнутое, в форме пробочника; размерами превышает всех вышеописанных, но грациозности не теряет и довольно миловидна. На каждом заостренном конце имеет по жгутику и, как бы кивая ими приветливо, движется очень быстро. Собственно, ни вода, ни воздух, ни почва не являются средой ее жизни и деятельности. Она живет и размножается только в человеке, вызывая у него разрушительную болезнь, да еще в обезьяне, чем подтверждает близкое родство по крови того и другого.

Возвратно-тифозная спирилла — вызывает возвратный тиф; по извилистости строения похожа на сифилитическую спирохету, но больше ее, неотесанней и грубей... Грации совсем не имеет, не имеет и приветливых жгутиков; движется, извиваясь всем корпусом, как змея. Живет лишь в крови человека да во вше. Почему она избрала таких непохожих друг на друга хозяев, — оставляем на ее совести.

И вот вся эта компания собралась вместе, предположим, — для обсуждения каких-либо жизненно важных вопросов в связи с укреплением Советской власти в России и в других республиках. Эта власть им ничего хорошего не сулит, почему — увидим ниже. Будет вполне естественным, когда наши «невидимые» враги, обеспокоенные таким положением вещей, устроят, скажем, мировой слет, или конференцию, как теперь говорят. Предположим, что они ее уже устроили в капле воды под микроскопом.

В том количестве, что мы описали, конечно, участники конференции не представляют собой представителей всех эпидемий и болезней. Далеко нет. Их должно быть гораздо больше, судя по числу существующих зараз. Но обойдемся пока с этими: может, остальные со временем подлетят.

Прежде всего, в собрании под микроскопом поднялся ожесточенный спор — кому быть председателем. Каждый выставял свою кандидатуру и каждый с яростью защищал ее. Согласия не было.

Холерный вибрион, помахивая задорно хвостиком и юля между собравшимися, лепетал:

— Граждане, граждане, я вызываю самую страшную болезнь, я вызываю корчи, судороги, рвоту, понос... Я заставляю человека в час так похудеть, что от него остаются кожа до кости... Он в час может потерять чуть не пуд своего веса... Граждане, послушайте, вы должны меня избрать председателем...

Но его никто не слушал: каждому хотелось быть председателем, каждому лестно было занять этот пост, и все горланили, восхваляя себя, свои силы, свою ядовитость и смертоносность... Трудно было разобраться в их гвалте. И лишь когда спирилла возвратного тифа, превышающая всех своим ростом, возвысила свой и без того громовой голос, собрание притихло и воцарился некоторый порядок. Спирилла говорила:

— Граждане, потрудитесь замолчать и ведите себя благородней, иначе я вас отхлещу каждого по очереди, а то и

всех зараз, своим хвостом... Рук марать вами я не стану, тем более, что их у меня нет... Кто желает что-либо возразить?

Но никто не желал. Внушительные размеры спириллы заставили всех проникнуться к ее словам должным уважением, и собрание совсем притихло. А спирилла продолжала:

— Граждане, я выступила со своею примирительной речью в ваших же интересах... Вряд ли мы добьемся большого толку, говоря все вместе. Мы потеряем лишь драгоценное время... А нам дорога каждая минута. Ведь Советская власть не спит, она придумывает и проводит в жизнь все новые и новые мероприятия против нас. И поэтому я предлагаю: каждому из участников настоящего собрания выступать с речью по очереди и говорить спокойно, не крича (потому что у меня слабые нервы) и дать свою краткую характеристику! А всем остальным сдержанно и вполне прилично вести себя: не перебивать оратора, даже если он заврется, не вставлять в его речь своих пояснений и т. п. Впрочем, я сама буду следить за порядком и при случае энергично вмешаюсь... Согласны?

— У-гу!.. — ответило собрание, а холерный вибрион постарался-таки пролезть вперед, чтобы попасть на глаза спирилле. Уж очень ему не терпелось — наступали теплые деньки, и он заранее чувствовал себя героем, имея намерение сейчас же после собрания пробраться в городской водопровод, а своих братьев и сестриц разослать по колодцам, водоемам и речкам, чтобы вместе с водой проникнуть в человеческий желудок. И вот он юлил и суетился от нетерпения, но в то же время мечтал и о председательском звании. Спирилла, наконец, его заметила:

— Что ты, малыш, вертишься под ногами?.. Тоже в председатели хочешь? Ишь ты! Ну-ну, рассказывай, чем ты особенно замечателен?

— Я, тетенька, — залепетал вибрион, — страшную болезнь вызываю: корчи, судороги...

— Слышали!.. Слышали!.. — прервали его недовольные голоса. — Скажи что-нибудь посвежей!..

Вибрион замялся, но быстро оправился, забрав нос кверху:

— Я всеильное существо: я могу в 2 часа так скрутить человека, что от него только холодный и иссохший труп останется... Мало вам этого? Ну-тка, кто из вас способен на это?

Все угрюмо молчали, так как ясно видели, что вибрион воспользовался случаем; на съезде отсутствовала чумная палочка, лишь она могла равняться с ним в смертности. И всем стало горько и обидно... Помилуйте, этакий несчастный вибрионишка, какая-то жалкая не то сосиска, не то запятая с какой-то закорючкой вместо хвоста и, пожалуй, еще в председатели попадет! Попадет благодаря тому, что сумел вовремя вспомнить о своей смертнеспособности...

Но спирилла нарушила гнетущее молчание своим внушительным голосом:

— Ты, сынок, не задавайся! Скажи-ка лучше, много ли ты смертей вносишь в человечество? И имеешь ли ты теперь такой успех, как, скажем, я?

Вибрион, покрутив нагло хвостиком, постарался уклониться от прямого ответа:

— Я, тетенька, даже во льду выживаю и, хотя могу действовать без перерыва лишь в теплых странах, как например, в Индии — моей родине, но благодаря своей живучести и в России большой успех имею... я...

— Прямо, прямо, детеныш, нужно отвечать на вопрос: какая заболеваемость холерой в России и какая смертность?

— Я, тетенька, прямо и отвечаю... Вот смотрите: например, с 1823 года по 1895-й от меня в России заболело 5,030,632 человека, а умерло 2,076,957... Вот...

— Эка невидаль! — перебила его туберкулезная палочка, — прежде всего, это было при царе горохе... Да и циферку ты привел, почитаю, за целых 72 года... Теперь-то тебя Советская власть уже прихлопнула! Большое ли тебе раздолье было прошлую твою эпидемию в 1922 году, скажем, здесь в Тифлисе? А?

Вибрион виновато потупился и незаметно постарался очутиться в задних рядах, где и замер.

А туберкулезная палочка продолжала:

— И чего он здесь нам головы морочил? Совсем ему нечего задаваться!.. Что он с водой может попасть в желудок человека?.. Или с пищей через мух?.. Так, небось, не один он эдак пробирается!.. Какая-нибудь брюшнотифозная палочка и дизентерийная того же пути придерживаются...

— Вы, мадам, потише, — вставили свое слово задетые палочки, — а то мы не посмотрим, что вы такая длинная...

Задремавшая спирилла очнулась и внесла порядок:

— Да, да, потише, по очереди, пожалуйста, и не горланьте!..

— Я — ничего, мадам спирилла, — невинно продолжала туберкулезная палочка, — я вот говорю, что нечего вибриону кичиться, а председателем, конечно, быть мне... Вы спросите — почему? Извольте. Прежде всего, я имею на себе такую шкурку, какую никто из вас не имеет, — восковая она — и благодаря ей я выживаю при таких обстоятельствах, при которых вам никогда не выжить. Я могу вынести 10-ти градусный мороз...

— А солнышко как на вас действует, мадам? — вынырнул из-за спины холерный вибрион.

— Гм... Что? Солнышко? — сконфузилась было туберкулезная палочка, но сейчас же оправилась. — Солнышко, правда, на меня плохо действует: оно может убить меня в несколько минут... Но я этого легко избегаю — я не показываюсь на солнышке... Я селюсь всегда в темных, сырых квартирах, у бедняков преимущественно. У них редко встретишь солнечный свет... Вы вот ответьте: кто из вас дает такую заболеваемость и смертность, как я?..

— А я-то? — не унимался холерный вибрион.

— Ну, уж ты! — презрительно фыркнула туберкулезная палочка, — помолчал бы лучше, когда старшие говорят...

— Прошли те времена, тетенька, когда вы нам рты-то зажимали, — начал было холерный вибрион, но подоспевшая спирилла таким подзатыльником угостила его, что он от боли свернулся в точку.

— Продолжайте, мадам, — вежливо промолвила спирилла, и мадам, вынув из кармана записную книжку, продолжала:

— В России туберкулезом болеет в настоящее время более 3,000,000 человек... Запомните. И это по самым приблизительным и скромным подсчетам. Из них я ежегодно уношу в могилу свыше 500,000 человеческих жизней... В один год, заметьте, граждане?! А сколько это будет в 73 года? Где он, этот хвастливый вибрионика? Спрятался? Ну, и ладно, без него обойдемся!.. Только за 10 лет я уношу из России свыше 5-ти миллионов человеческих жизней... На всем земном шаре ежегодно умирает от меня более 3,000,000 человек.

Конечно, цифры, приведенные туберкулезной палочкой, заставили общество тоскливо призадуматься, и уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что председателем съезда будет она. Все угрюмо молчали — ждали, что скажет спирилла... Но та опять задремала. Не дожидаясь ее пробуждения, выступила перед собранием сифилитическая спирокета и, ехидно хихикая, загнусавила:

— Товарищи, хи-хи!.. Мне странно — вы молчите... Вы забываете, что между вами есть еще более могущественные, чем уважаемая туберкулезная палочка... К примеру, возьмем меня... хи-хи... Если принять население всех федеративных Советских республик в 131,500,000 человек, то знаете ли вы, что из них пораженных мною, или, как их называют на земле, сифилитиков... хи-хи, будет, пожалуй, больше 13 000,000 человек... Что? Какие у меня данные? Данные — хорошие... Вон, в Германии считают, что из каждых 1000 человек населения 100 больны сифилисом... Может быть, вы предполагаете, что Россия отстала от Германии в этом отношении? Напрасно, не предполагайте этого... В России есть целые деревни, села и аулы, пораженные вашим покорнейшим докладчиком... Хи-хи!.. А на всем земном шаре... право, я боюсь говорить — как бы с вами чего не случилось... Ну, да бог с ней, с цифрой... Надеюсь, вы мне поверите, что моими верноподданными сифилити-

ками можно заселить целую страну такой площади, как, скажем, Германия, а может, и большую...

Пока сифилитическая спирохета поражала публику своей декларацией, увлекаясь цифрами и делая невероятные выводы относительно связи цивилизации с сифилизацией, — холерный вибрион не дремал и, конечно, не слушал излияний азартного оратора, считая свои притязания на председательский пост неудачными. Отыскав дизентерийную и брюшнотифозную палочку и оттащив их в самый дальний угол, он, как хороший делец, развивал перед ними свой план объединения водных зараз для совместного действия.

— Товарищи, я вам говорю, — убедительно напевал вибрион, — так как мы заражаем людей одним общим путем, мы должны поэтому тесно сплотиться...

— В самом деле, вы, гражданка дизентерия, так же, как и я, заражаете через посредство питьевой воды, сырых овощей, — фруктов, молока и через съестные припасы, загрязненные мухами. Не исключается возможность и прямого переноса заразы: через соприкосновение с больными...

— Вы, вроде меня и в отличие от брюшнотифозной палочки, имеете обыкновение селиться лишь в кишечнике человека — и то не на всем его протяжении. И обыкновенно так же, как и я, из кишечника выходите с испражнениями, для дальнейшего заражения... Верно я освещаю вопрос?

— Совершенно верно! — подтвердили слушатели, очарованные обходительностью и галантностью вибриона, а тот продолжал, польщенный вниманием:

— Таким образом, испражнения человека становятся разными и заражают все, куда только попадают... В последнем нам энергично помогают бескорыстные мухи... Не так ли?

Слушатели любезно согласились.

— Видите, сколько у нас одинаковых свойств, — обрадовался своему выбору вибрион. — Теперь, что касается уважаемой брюшнотифозной палочки, то мы и с ней имеем много одинаковых черт... она тоже выводится наружу, главным образом, с человеческими испражнениями... Но — не

в укор нам будь сказано, — брюшнотифозная гражданка имеет и некоторые преимущества...

— Большие преимущества, очень большие... — перебила брюшнотифозная палочка.

— Конечно, большие, — угодливо поспешил согласиться вибрион. — И ваше главное преимущество в том, что вы, кроме кишечника, умеете пробираться и в кровь человека, и в мочу, и в печень, и в желчь, даже в костный мозг, не говоря о том, что вас можно встретить и во рту больного — на зубах... Не правда ли?

Брюшнотифозная палочка захлебнулась от восторга:

— Д-да-да!..

— Все-таки, главные источники заражения, — клонил к своему вибрион, — остаются у нас общими: это — испражнения, а отсюда — вода, молоко, мухи, съестные припасы и прочее...

— Извините, гражданин вибрион, — капризно прервала брюшнотифозная палочка, — вы забываете, что я могу заражать еще через мочу и слюну!..

— Нет, нет... — залепетал вибрион, пугаясь, что достигнутое согласие вдруг нарушится, — я это имел в виду... Как же. Имел! Только я хотел упомянуть об этом после! Ведь это же второстепенные ваши пути распространения...

Пользуясь своей обаятельностью и красноречием, вибрион, в короткое время, уговорил собеседников на образование тройственного союза в целях истребления человеческого рода. И они даже решили скрепить свой союз наименованием: «Лига водных инфекций».

Но в конце соглашения чуть-чуть не сорвалось: брюшнотифозная палочка не могла проявить себя во всей своей силе с началом теплых дней, как того хотели вибрион и дизентерийная палочка; она больше любила осеннее и зимнее время, чего как раз недолюбливали первые. Но холерный вибрион и тут уладил дело. Согласились на том, что в теплое и жаркое время года будут действовать вибрион и дизентерийная палочка, а затем, когда их деятельность ослабнет, с наступлением холодов начнет проявлять себя всю брюшнотифозная палочка. На том и ударили по рукам.

А на собрании ораторствовала проснувшаяся спирилла:

— Итак, граждане, последнее слово остается за мной... Насколько я помню, говорил здесь вибрион, много говорил — все уши прожужжал, говорила туберкулезная палочка, говорила сифилитическая спирохета... Будто слышала я, как бормотали что-то дизентерийная и брюшнотифозная палочки... Но все, что здесь говорилось и бормоталось, для меня недостаточно губительно... По крайней мере, для того, чтобы кому-нибудь из вас быть председателем... А время уже позднее... И я даже, кажется, успела задремать под вашу однообразную музыку...

— Вы даже всхрапнули, тетенька, изрядно, — пояснил холерный вибрион.

— Ну, положим, не всхрапнула... — возразила спирилла, — впрочем, не в этом дело... Председателем собрания все-таки буду я... Так я решила. Кто против, прошу высказаться!

Высказываться никто не пожелал, и быть бы спирилле председателем, если бы не случилось следующего:

Бурно рассекая воду, увлекая в водяной круговорот всех малорослых и даже великорослых участников съезда, извне под микроскоп ввалилось какое-то существо...

Кто это был — никто не знал.

И, главное, никто не мог определить, что это была за личность — так умело напустила она в глаза всем туману, — какую форму она имела, и чем, собственно, была так замечательна, что вела себя столь развязно и даже, пожалуй, неприлично.

Прежде всего «оно» (ввалившееся под микроскоп существо), конечно, отдавило хвост беспокойному вибриону; тот даже не успел взвизгнуть в виде протеста... Затем, верчением своего собственного тела, оно, как уже было замечено, образовало круговорот, в который втянулись многие участники съезда. С некоторыми вследствие этого случилась неприятная история. Так, у дизентерийной палочки, не обладавшей особенно большими размерами, закружилась го-

лова от чересчур быстрого вращения и произошло нечто вроде морской болезни.

Но все в мире движется вперед, следовательно, все проходит, меняется и успокаивается. Улеглась и вода под микроскопом, успокоилось и собрание; и хотя дрожь перед таинственным существом продолжала трясти некоторых, — спирилла, которой досталось меньше всего, чтобы не потерять окончательно авторитета, сумела выдавить из себя пару-другую слов:

— Кто вы, милостивый государь?

Милостивый государь сделал попытку повторить волнение воды, волчком закрутясь на месте, но этот номер у него уже не прошел, так как участники съезда плотным кольцом сгрудились вокруг него, чем не позволили производить дальнейшие эксперименты над своими телами.

И существу осталась одно — заговорить. Он, к немалому удивлению всех, так и сделал, причем речь повел с самого начала довольно странную:

— Кто я?.. Меня никто не знает! Я — никто! Меня еще нет! Нет, по крайней мере для человечества... Вы-то, наверняка, догадываетесь, видя мою необъятную мощь и силу, что я вам не пара, что я вызываю самую свирепую из всех свирепых болезней, и в этом смысле стою далеко впереди вас.

— Хи-хи-хихи! — раздался вдруг звонкий, ядовитый смешок, который, как вы уже догадались, принадлежал холерному вибриону.

— Хи-хи-хи!.. Да это наш старый друг, сыпнячок! Смотрите, как он ловко пускает в глаза пыль... Подумаешь бог весть что!..

— Позвольте, — оскорбленным тоном прервал жизне-радостность вибриона тот, которого называли сыпнячком, — что это за фамильярность? Прежде всего — какой я вам друг, да еще старый? А затем — что такое: сыпнячок? Правда, я возбудитель сыпного тифа, но это не дает никому права называть меня «сыпнячком»! Людьми я еще не открыт, поэтому имени не имею, о чем, конечно, не жалею; наоборот, — в этом моя гордость!

— Позвольте, уважаемый товарищ, — решилась вставить свое слово спирилла, — ввиду того, что мы с вами орудовали всегда рядом, по одним и тем же странам, как Россия, Галиция, Венгрия, Испания и Ирландия...

— К чему это вы? — возразил надменным тоном возбудитель сыпного тифа; — не хотите ли вы сказать, что вы мне сродни?

— Да, да! Именно это я имела ввиду, — невозмутимо продолжала спирилла. — Конечно, я не настаиваю на том, что у нас папаша и мамаша были общие, но мы ведем себя почти как два близнеца.

— Гм! — промычал неопределенно возбудитель сыпного тифа.

— В самом деле, — продолжала спирилла, — мы имеем распространение в одних и тех же странах, мы царствуем одинаково в зимние и весенние месяцы, мы поражаем, главным образом, некультурные страны и некультурных людей.

— Ну! — перебил возмущенный возбудитель сыпного тифа. — Против этого я должен возразить самым энергичным образом!.. Скажите, уважаемая спирилла: Францию вы считаете тоже некультурной страной? А?

— И не думаю, — спокойно ответствовала спирилла.

— Ага, — злорадно подхватил возбудитель сыпного тифа: — так позвольте вам доложить, что и во Франции (очень культурной стране!) я имел поле для своей деятельности. Так, в 1838-1899 гг. там было отмечено 3 случая сыпного тифа, а в 1902 г. — целых 7 случаев, а в 1905-1906 — даже 14! Что вы на это скажете?

— Скажу, — ответила спирилла, — что эти исключения лишний раз подтверждают правило. Правило все-таки остается правилом: сыпной тиф, возбудителем которого являетесь вы, и возвратный, который вызываю я, все-таки — болезни некультурных стран...

— А Франция!? — не унимался возбудитель сыпного тифа.

— Невежливо, милостивый государь, перебивать чужую речь, — отвечала уже вполне овладевшая собой спирилла,

— я дала вам понять, что сыпной тиф во Франции — явление чисто случайное... Что же вам еще?..

— Итак, я продолжаю далее: мы поражаем некультурные страны, мы селимся в беднейших городских кварталах и деревнях, мы свирепствуем там, где царствует бедность, теснота, скученность, грязь, а главное вшивость... Вот наша главная и наиболее важная общая черта — мы попадаем в кровь человека через вошь. Так?

— Ну-ну, что вы этим хотите сказать? — тихо и скромно отвечал сбитый с толку противник.

— Этим я хочу сказать, — отвечала спирилла, — что вам не приходится особенно высоко поднимать носа...

— Я и не поднимаю. А теперь позвольте немного сказать и мне... — уже совсем скромно начал возбудитель сыпного тифа. — Конечно, у нас с гражданкой спириллой много, очень много общего, но есть и кое-какие различия, которые, смею думать, дают мне известный перевес над нею.

— Начну с того, что разве можно, скажем, сравнивать границы наших распространений?! Всегда это было и всегда будет, что сыпной тиф в 3 раза больше поражал людей, чем возвратный. Не так ли?

Собрание молчало, и даже спирилла не могла ничего ответить.

— Это — первое, — более бодро и уверенно продолжал возбудитель сыпного тифа.

— Второе: — ответьте, кто дает большую смертность, я или уважаемая спирилла? Конечно, я! На это тоже никто не будет возражать?

— И — третье, — почти торжественно закончил он, — это — то, что я еще не открыт, меня никто не знает.

Последняя отповедь произвела на публику такое впечатление, что уже через несколько минут возбудитель сыпного тифа сидел на председательском месте и вел собрание... Какие вопросы на нем поднимались? Чем оно кончилось?

А вот что: единогласно порешили соединенными силами сделать набег на многострадальную землю, и так как самое слабое сопротивление эпидемиям могла оказать Россия,

ввиду общей разрухи, царящей там, порешили главный свой удар направить на нее.

* * *

Товарищи, дело серьезное! Следует призадуматься. Следует организовать и пойти общим фронтом, дружным и могучим союзом против этого врага — эпидемий.

Нашим оружием против них будет знание. Чем больше мы будем знать о «невидимом мире», тем легче будет для нас борьба, тем скорее мы займем место в ряду культурных стран; а с нашим строем это очень возможно и легко.

1923 г.

Н. Копылов

НЕВИДИМКИ

Илл. М. Кочергина

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№:9 1926

Изд-во

«П.П.СОЙКИН»

ЛЕНИНГРАД СТРЕЛАННАЯ 8

Вот как это было...

Стояло раннее весеннее утро. Из риги вышел работник, потянулся и так сладко зевнул, что у «старшины» Ивана Андреича сразу же явилось неодолимое желание последовать его примеру. Запустив руку за пазуху, он поскреб там и только что раскрыл рот для зевка, как во двор вошел пастух Сережка, держа в руках полученный им на день ломоть хлеба. Ни на кого в частности не глядя, Сережка равнодушно протянул:

— А начесь в болото змей упал. За Яфанами озимями... — для вящей убедительности добавил: — Вот!

— Какой змей, чего плетешь? — резко оборвал Сережку старик Илюшка, ночной сторож, а Иван Андреич, перестав созерцать скворешницу и выпростав руку из-за пазухи, воззрился на левый, закрытый бельмом глаз Сережки.

— А змей! — не глядя ни на кого, ответил Сережка. — Все робята видели... кра-сный с хваа-стом! Прямо в озимя дяди Яфана упал... Ванька Яфанин напужался, с ночного убер... Пра!..

На крыльцо вышел квартирант Ивана Андреича, приезжий из Москвы лектор по естествознанию Егор Иванович Муромцев, и, закинув за плечи затейно расшитое полотенце, собрался умываться пред чугунным пузатым умывальником, висевшим у крыльца; Муромцев через очки вскинул глаза на пастуха, и испуганный Сережка, косо глядя на важного «товарища», сразу же перевел разговор на деловую почву:

— Тялушку, дядя Илья, встрявай за тыном... не доходя... — И надев шапку, пастух пошел со двора.

— А начесь в
болото змей
упал...

По селу заходил глухой слух о падучем змее, но заходил лениво, ибо более важные интересы занимали умы местных граждан: у дяди Кондрата телка издохла, у дяди Анфима ветеринар мерина прирезать велел; на сходке толковали «о земельной банке», о ссудах и кооперации.

Интересы дня не выделялись из обычного, и слух о змее вызвал лишь несколько мимолетных насмешек по адресу баб и ребят.

Дни стояли все это время чудесные, теплые; вечер был на редкость тихий, полный пьяного дыхания спеющих хлебов, весь в золотистой дымке

заходящего солнца, замирающий в теплоте слабых, почти бледных тонов бедных окрестностей. Лишь спеющая рожь желтела на солнце, как расплавленное золото.

— Вот благодать-то стоит, — сказал Иван Андреич, когда после купания трое — он, приезжий лектор и учитель — уселись в этот вечер у изгороди старого сельского кладбища над рекой.

— Самое теперь время сенокоса... Сена стоят! Во! — по пояс... В совете косить начали, — сообщил тощий, с длинными усами, сельский учитель Гаврила Петрович. Лектор лежал, облокотившись на могилу, и молча жевал папиросу. Двое других растянулись на мягкой траве и жмурились от лучей заходящего солнца.

Вдруг учитель вскочил и ударил себя по шее.

— Ишь, проклятые! — выругался он.

— Много у вас их тут! — заметил лектор.

— Чисто комариная республика, — подтвердил Иван Андреич, а учитель, взяв в зубы травинку, вновь развалился, но вдруг опять вскочил, на этот раз поймал злосчастного комара и, глядя себе на пальцы, сказал:

— Ишь, твердый какой. Глядите, товарищи, чудной комар!

— Это не комар, а жучок, — возразил Иван Андреич, и, за неимением иного интереса, все трое уставились на ладонь Гаврилы Петровича...

Егор Иваныч, любитель энтомологии, вытащил из кармана очки, оседлал ими нос и, взяв двумя пальцами комара, начал его внимательно рассматривать.

— Занятный экземпляр, надо сказать, — произнес он после минутного осмотра и навел на пойманного комара вынутую из кармана лупу.

Было тихо. Где-то в кустах чирикали и дрались воробьи, стрекотали кузнечики, голубые и черные стрекозы порхали от цветка к цветку; снизу, из-за церкви, время от времени доносилось надорванное «Но!» пашущего мужика.

— Удивительно, — бормотал лектор, — крыльев нет... Личинка или...

Учитель и председатель с почтением глядели на его левую руку, державшую лупу, и молчали.

Вдруг лектор густо покраснел, папироса беспомощно вывалилась у него изо рта, и весь он, всей своей фигурой, изобразил картину глубочайшего изумления и недоумения. Сжав кулак, он медленно повернул к спутникам красное, как свекла, лицо и с бессмысленно немимым вопросом перевел на них глаза.

— Что с тобой, Ягор Иваныч?.. А? — спросил Иван Андреич, но лектор опять вонзился одним глазом в лупу, затем вдруг вскочил на ноги и, произнеся только одно слово: «микроскоп», помчался галопом с кладбища. Учитель и председатель глупо посмотрели друг на друга.

— С ума сошел!.. — с испугом решил Иван Андреич; Гаврила Петрович, видимо, подумал то же самое, так как добавил:

— Вот беда-то!..

И оба пустились вслед за лектором.

По дороге от кладбища до села в этот вечер разыгралась сцена, весьма соблазнительная для встречных мужиков и баб. Гнавший из овсов телку мужик, поддерживав-

ший штаны, и с ним двое белоголовых мальчишек, старуха-богомолка с посохом и сумой и в пыльных лаптях — с безмолвным изумлением, разинув рты, смотрели, как, размахивая длинными руками, бежал в видимом волнении «товарищ», за ним с выражением недоумения спешили известный всем им глумиловский председатель и длинноногий учитель; как они догнали «товарища» и оживленной жестикуляцией привели в удивление мужика, в восторг босоногих мальчишек и в негодование богомолку, принявшую их за пьяных. Последняя в сердцах плюнула и зашагала дальше по пыльной дороге; мальчи-

шки же и мужик долго глядели вслед удалявшейся троице.

— Егор... Ах... Иваныч! — переводя дух, крикнул Иван Андреич. — С чего это ты?.. Чево тебя разорвало?!

Ответ приезжего был настолько странен, что его спутники только захлопали глазами.

— Чепуха! — отвечал лектор. — Чепуха! Ничего не приму! Но если я с ума не сошел... Это корабль, понимаете, живой корабль!..

— Эх-ма! Рехнулся! — прошептал Иван Андреич и решил: «Это с жары»... Учитель вздохнул, и оба уже шагом поплелись за лектором.

— А ведь хороший был человек!.. — проговорил учитель. — А поди ж ты!..

Иван же Андреич мог только пробормотать:

— Неожиданность!..

Придя домой, он застал приезжего вытаскивающим из-под кровати дорожный чемодан. Пред заинтересованным хозяином и учителем на столе появился небольшой, но, видимо, дорогой микроскоп. Председатель притворил дверь, махнул рукой своей любопытной «бабе» и, сложив руки за спиной, с сознанием собственного достоинства, начал созерцать невиданный инструмент.

Неведомое насекомое было заключено между стекол... Прошло несколько мгновений, в течение которых беспечный мир не подозревал, что на земле готово свершиться нечто необычайное. Учитель откашлялся, и в ответ ему предупредительно чирикнул из-за печки сверчок. Иван Андрич по привычке почесал поясницу и осторожно наклонился...

Оторвавшись от микроскопа, бледный, с каплями пота на лбу, откинулся Муромцев на спинку дивана и, наморщив брови, задумчиво вперил глаза вдаль.

— Ну, что? — спросил Гаврила Петрович, с нетерпением ожидавший очереди взглянуть в микроскоп. Лектор бесильно указал одной рукой на прибор, а другой устало подпер голову с длинными, спутанными волосами и погрузился в размышление. Учитель наклонился к окуляру...

И увидел картину, более уместную на страницах фантастического журнала, чем наяву в микроскопе.

Под стеклом двигался взад и вперед крошечный сигарообразный снаряд, ярко сверкавший своей черной полированной поверхностью, напоминавший видом металлического безногого и бескрылого жучка. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это не жучок, а самый обыкновенный — правда, бесконечно малый — летучий корабль из неведомого металла.

Летучий корабль! Откуда?!

По бокам корабля были расположены два ряда иллюминаторов, то открывавшихся, то закрывавшихся, снизу спускался трап, но для какой цели, кто смотрел в эти иллюминаторы, кто спускался по трапу — на эти вопросы микроскоп ответа не давал.

— Эх, слаб микроскоп-то! — проворчал Гаврила Петрович и снова принял к окуляру. На его лице отразилось сначала недоумение, затем растерянность и, наконец, испуг. Учитель точно прилип глазами к микроскопу. С минуту он молча созерцал невиданное зрелище, затем мотнул головой, словно хотел стряхнуть какой-то кошмар, и подергал себя за длинные усы, желая, видимо, убедиться, не во сне ли все это ему видится.

Наконец он оторвался от микроскопа и, обведя присутствующих мутным взором, пробормотал:

— Нда... Действительно!..

Наступила очередь Ивана Андреича. Стараясь не дышать и не прикасаться к столу, наклонился он над микроскопом и сейчас же восторженным шепотом сообщил:

— Чудеса!.. Шевелится!.. Прыгает!..

Жена Ивана Андреича, притворив тщательно дверь, заглядывала и ничего не понимала. За ее спиной сын Василий, с гармонией под мышкой, вытягивался, разевал рот.

— Чего там, маманя? — громким шепотом спрашивал он.

— Бог и во знает, — отвечала мать, — говорит: «шевелится». Должно, блоху ай кузнечика барин-то поймал... Мой-то — дурак аж в раж вошел, весь трясется...

Дверь тихонько прикрылась.

— Что ж это значит? — произнес наконец Гаврила Петрович.

— Чудеса! — убежденно сказал председатель.

Лектор очнулся от задумчивости.

— Нет, друзья, — сказал он, — не чудеса, а реальность, но реальность чудеснее всякого чуда. Ведь это что ж такое? Поймите — если эдакий крохотный механизм движется, значит — он приводится кем-то разумным в движение и, значит, этот «кто-то» сидит там, внутри. Живое, разумное существо! Там, в кораблике! Так какого же размера, т. е., вернее, роста должно быть это существо! А может быть, и много существ! Сверхпигмеи! Я с ума схожу! Ущипните меня!

В это время со двора донеслись громкие бабьи голоса и чей-то визг.

— Экие бабы! — проворчал почувствовавший непорядок председатель. — Чево они там? — И вышел из комнаты.

На дворе стояло несколько баб и ребятишек, окружив босоногую, растрепанную девчонку, все лицо которой было в кровавых подтеках. С подоткнутым подолом и босыми ногами, баба голосила благим матом, в промежутках ругалась и дергала за вихры хныкавшую и утиравшую нос девчонку.

— Чего такое, бабы, стряслось? — степенно спросил с крыльца председатель.

— Подралась, што ль, ай лошадь ударила? — спросила «баба» Ивана Андреича, рассматривая со всех сторон девчонку.

— Комари ее покусали, — решил один из мальчишек.

— Ну тебя, — возразил старик Ильюшка, — нешто комары до крови... В муравельник нешто попала?

Девчонка, испуганно хлопая глазами, стояла среди толпы и молча утирала нос, размазывая кровь.

— Не-е, — ответила девчонка.

— А где ж?..

Девчонка не ответила, ребята же, перебивая друг друга, принялись объяснять.

— Не комари... я сам видел... Чисто шмели, гудят и на нее напали и полетели... в болото... Яремкину лошадь напугали...

— Чего это? — спросила «баба», вынимая нечто из щеки девчонки. Глядь-кось, Андреич, заноза, да черная...

Андреич быстро вырвал из рук жены занозу и встретился глазами с вышедшими из комнаты гостем и учителем.

— Еще... — произнес он кратко, но выразительно.

Лектор внимательно осмотрел второй экземпляр «кораблика» и, присев на ступеньки, опустил голову на руки. Так прошло несколько секунд, затем, очнувшись, Муромцев заставил мальчишек рассказать, как летели «комари»,

и вновь опустил голову на руки. Наконец, он как бы оторвал руки ото лба и взлохматил космы.

— Не-нет!.. Не понимаю! Ничего не понимаю! Откуда они, откуда их занесло?

— С необитаемых островов, должно быть, — произнес учитель.

— Глупости, — оборвал его лектор, — земля не приспособлена для их величины... Это организмы не земные... — закончил он медленно и вдруг, вскочив, ударил себя по лбу.

— Дурак! Старый дурак! — закричал он неистово, так что все шарахнулись от него в стороны. — Забыл, забыл, этакий осел! Метеорит! Неведомая планета, упавшая на землю!

Вихрем взбежал он на крыльцо и в своей комнате принялся строчить телеграмму своему другу, профессору одного из московских рабфаков Игнатию Казимировичу Старчевскому, которого он вызывал в Глумилово и рисовал ему самые заманчивые перспективы необычайных научных открытий и мировой славы.

Весь мир в один день и в один час был взволнован, оглушен, потрясен и повергнут в недоумение невероятным сообщением о том, что где-то в Советской России, в глухом углу Вятской губернии, с упавшего метеорита слетели микроскопические существа в чудесных, подвижных неизвестною силою металлических кораблях.

Понятно, сначала это известие повсюду было сочтено довольно неудачной уткой и плодом чьей-то досужей фантазии. За границей общество, устав от политики, с удовольствием читало статью о «столкновении планет». В одном из парижских журналов остроумно усмотрели в статье политический памфлет с намеком на последнее столкновение с Совроссией и даже указывали имена некоторых «микроскопических» членов Палаты, которым не по нутру это столкновение

Но каждый день из какого-то Глумилова появлялись все новые и новые сведения, пока, в конце концов, неясные слухи не стали фактом.

Внимание мира, отвлеченное от вопросов политических, экономических, торговых договоров, биржи и новых группировок, сосредоточилось на двух коробочках из горного хрусталя, находившихся в Московском N-ском рабфаке.

Со всех сторон мира, из всех частей света полетели запросы в Москву и в уездный городишко в 40 верстах от Глуилова.

Слово «Невидимки» получило необыкновенную популярность, появились мыло, пудра, ботинки и духи «Невидимки»; даже одна компания воров в Лондоне решила переименовать себя в «Невидимок», о чем и объявила на страницах некоей «независимой» газеты.

Мысли кабинетных ученых пришли в хаотический беспорядок, и отчаянная полемика в университетских кулуарах разделила профессоров на враждующие лагеря. Воззрения ученых на обитаемость миров, на делимость материи, на свойства атомов были потрясены в корне и взамен, кроме гигантского неожиданного знака вопроса, — не дали ничего. Вопрос о делимости материи приобрел внезапно острую жгучесть и показал возможность деления ее почти беспредельную и, по крайней мере, неведомую для человечества, и притом в форме законченного, сложного и живого организма.

Каждый день кинематографы громадными рекламными плакатами оповещали публику о получении лент со снимками кораблей Невидимок и их обитателей. Именно: и «их обитателей».

И вот как удалось достичь этого: из Москвы, ставшей, независимо от своего политического значения, еще и аренной самой безудержной ученой склоки, на столбцах газетного мира появились обращения из Советской России ко всем ученым с предложением громадной суммы денег за изобретение в кратчайший срок сильнейшего микроскопа.

С лихорадочной поспешностью заработали умы ученых над конструкцией подобного микроскопа, пока, наконец, профессору Рихарду Бускэ из Геттингена не удалось сконструировать микроскоп такой силы, что под его объективом, к величайшему восторгу всего ученого мира, оказа-

лось возможным не только увидеть живые существа «на кораблике», но и подробно рассмотреть их наружность и структуру. Уже по одному тому факту, что Невидимки сумели соорудить «летающий корабль», можно было вывести заключение об их высоком интеллектуальном развитии. Наблюдения над их наружностью вполне подтвердили это заключение. У обитателей микроскопического корабля, видимо, умственные способности развивались за счет физических сил; соответственно этому, при непомерном развитии органов мышления, органы чисто физического обслуживания тела атрофировались и были развиты в гораздо меньшей степени. Ноги представляли небольшие отростки со слабыми ступнями (вероятно, Невидимки мало ими пользовались), зато руки говорили о том, что физический труд не был чужд этим странным существам.

Проще говоря, Невидимки были лишены туловища и представляли собой шарики, т. е. одну голову, на которой росли руки и ноги.

Шумиха, вызванная необычайными Невидимками, все усиливалась, расходясь по миру, как круги по воде, и втягивая в свою орбиту все новые и новые пространства.

Были сфотографированы не только невиданные насекомообразные обитатели кораблей, но и Иван Андреич, старик сторож Илья и, наконец, косматая Машутка с пальцем в носу, портрет которой появился на страницах элегантных парижских журналов.

Какая-то предприимчивая американская фирма предложила Советскому правительству сумасшедшие деньги за право отыскивать и оставить себе остальные экземпляры Невидимок, а также поднять из болота упавший метеорит.

В Глушилове происходило невиданное зрелище. Понаехало столько «товарищей», сколько даже фельдшер Ефим Агапыч не видал за всю свою жизнь.

Все Глушилово с обитателями и окрестностями было запечатлено и увековечено историей; изображения Машутки и ее матери, испуганной внезапной популярностью дочери (за какую мать стала колотить ее нещадно каждый день), попали даже в ученые рефераты. Машуткина семья

сразу разбогатела, когда за бешеную до глупости цену, потребованную обалдевшим от популярности отцом Машутки, известный оператор из Берлина вытащил из Машуткиных волос третий экземпляр корабля, но, увы, уже неподвижный. Очевидно, обитатели его, долго пробыв под кожей Машуткиной головы, да еще под одуряющим влиянием Агапычевой мази, все погибли.

Машутка с пальцем в носу и ее мать сделались необычайно популярными...

Множество молодых людей и не меньшее количество старых, странных, полусумасшедших, выползших из заплесневелых кабинетов, с лупами в руках рыскали в окрестностях Глумилова в поисках Невидимок. Берега болота под селом сплошь были вытоптаны, но, несмотря ни на что, «Туча», вторично замеченная ребятами в полуверсте от села, пропала бесследно. Ученые решили, что по каким-то неизвестным причинам, может быть, просто по непригодности к земному притяжению, чудесные летчики упали в болото.

Берлинский Мюнц-кабинет, завладевший драгоценным «мертвым кораблем», подверг его спектральному, химическому и всяческому иному анализу и определил, что корабль состоит не из стали, а из сплава серебра, платины и ураня с каким-то неизвестным еще земле металлом. Обитателей, задохнувшихся в Машуткиных волосах, не найде-

но; вероятно, пагубное действие мази, которой фельдшер Ефим Агапыч натирал голову девочки, растворило их нежные организмы.

Чтобы не постигла подобная же участь живых обитателей двух других кораблей, русские ученые занялись вопросом питания Невидимок. Здесь пришлось столкнуться с большими трудностями.

— Приемлема ли для их организмов земная пища?

— Не нужно ли им какое-то особое, специфическое питание?

Ведь волей-неволей необходимо было считаться с соображением первостатейной важности: а вдруг Невидимки отравятся?

Один промах, один неудачный опыт — и организмы Невидимок могут погибнуть. Какая потеря для науки! Какой позор для русских ученых, не сумевших уберечь такие научные ценности. С другой стороны — надо принимать немедленное решение, ибо при промедлении возникала другая опасность: Невидимки могли погибнуть от голода. Ученые долго ломали головы, наконец, путем логических посылок, пришли к такому выводу: судя по внешнему виду, организм Невидимок состоял почти из одного головного мозга, следовательно, чтобы питать их, надо давать им пищу, полезную для мозга. И вот Невидимкам было предложено угощение, составленное из фосфора, белков и глюкозы с примесью безразличных вкусовых веществ. Надо было видеть, с какой быстротой подходили Невидимки к накопанной им пище.

Право, с сотворения мира не было такого энтузиазма в ученом мире, как в тот момент, когда заметили, что обитатели кораблей охотно окружили капли, представлявшие для них, конечно, большими холмами, и, очевидно, были довольны вкусом земной пищи. Для того, чтобы дать им понять, что они не во власти стихийных сил природы, а что о них заботятся разумные существа, вкусовые свойства пищи менялись ежедневно.

Далее была сделана попытка завязать сношения с Невидимками. Необходимо было, по мнению ученых, пока-

зять Невидимкам некоторые геометрические фигуры и основные формулы механики, которые любое разумное существо неизбежно должно было знать. Задача не из легких, принимая во внимание микроскопические размеры будущих собеседников. Затруднения, главным образом, заключались вот в чем: ни один чертежник не был в состоянии начертить настолько малую, но вместе с тем безусловно правильную фигуру таким образом, чтоб на Невидимок она произвела впечатление точной геометрической фигуры, а не огромной размазни.

Наконец в Москву был привезен прибор итальянского изобретателя, подходившего к делу совсем с другой стороны. Итальянец теоретически высчитал, что если поставить на известном расстоянии от корабля его прибор, то обитатели корабля неминуемо должны видеть через систему сферических больших и малых стекол все то, что будет находиться за объективом, но, конечно, в уменьшенном в несколько сот тысяч раз виде.

Вновь ученый мир взволновался: Невидимки увидели! Они поняли чертеж почти мгновенно.

И вот зрители, глядя в многоокулярный микроскоп новейшей системы, соединенный с аппаратом и доступный сразу для нескольких наблюдателей, увидели удивительную картину. Странные создания вынесли из неподвижно стоящего корабля белый квадрат и на нем начертили ту же фигуру, и затем перед изумленными и наэлектризованными зрителями появилась формула и чертеж: «квадрат гипотенузы = сумме квадратов двух катетов».

$$(AC^2 = AB^2 + BC^2).$$

С этого момента начался безмолвный, самый тихий и в то же время самый оживленный разговор, за которым с волнением следил весь образованный мир, забыв политику и экономику, устремив все свое внимание лишь на ежечасные сообщения из тихого кабинета в N-ском рабфаке о

разговоре человека с существами неведомой мировой системы, существами, очевидно, более интеллигентными, чем человек.

Додумались давать им целые кинематографические сеансы и видели, что Невидимки были поражены изображением человека и воспроизведением его жизни и целыми часами толпились перед экраном.

Обитатели кораблей обладали прожекторами, и часто по ночам сквозь хрустальные стены их дворца протягивался длинный синий луч, в котором летало два корабля — два блестящих создания нечеловеческого гения.

День за днем умы ученых поражались все новыми необычайными сообщениями. И самую бурную сенсацию среди ученых кругов, сенсацию, непонятную для широких слоев публики, произвело сообщение о том, что Невидимками разгадана проблема **з а р о ж д е н и я с в е т а**: они обладали тайною производить свет без лучей и без тени, свет, как облако, не знающий препятствий, проникающий через металл, дерево, рассеиваемый на любое расстояние без уменьшения силы.

Первый раз это было 23 октября 1926 года. Однажды ночью директор-хранитель кораблей увидел овальное облако света, тихо колыхавшееся над хрустальным дворцом Невидимок, и этот свет не давал теней и проникал через металлический стол.

А эта загадочная энергия, поднимавшая на воздух их корабли без всякого двигателя?!

Было очевидно, что насколько эти создания малы, настолько же далеко ушли вперед в знании тайн природы. И пристыженное, ошеломленное человечество лихорадочно спешило.

Все успехи науки, науки последнего дня, даже момента, касающиеся микроорганизмов, микровзвучков, применялись, совершенствовались, и можно сказать, — за целое прошедшее столетие наука и искусство в этой области не подвинулись так, как за несколько месяцев 1926 года.

Уже через два месяца после появления первого известия о Невидимках весь мир слушал их музыку, уловлен-

ную тончайшим микрофоном. Музыка странную, полную чуждых для человеческого уха переходов.

Мальчишки всех стран надували щеки, изображая свистящие резкие звуки музыки Невидимок; все без исключения шарманки испортили себе голоса, и скоро деловое человечество проклинало и Невидимок, и их немзыкальность, конечно, с точки зрения человека.

Негры из штата Новой Георгии устроили демонстрацию, на которой цветной проповедник сказал речь, приведшую весь юг в дикий восторг своею заключительной частью, в которой говорилось, что обитатели неведомой планеты безусловно тоже негры, ибо их музыка оказалась удивительно похожей на негритянскую. Впрочем, по этому вопросу поднялась полемика между готтентотами и некоторыми китайскими композиторами, а белая раса по своей некомпетентности не могла принять участия в споре и решить, на чьей стороне истина.

Словом, толпа — *vulgus* — была увлечена всей этой шумихой и жадно ловила все, что появлялось из таинственного кабинета, но для нее проходила незаметной и неслышной та мучительная работа мысли, которая кипела в мозгу ученых. Ведь, в сущности, достигнуто было очень мало; чем дальше, тем пред большею тайной становилось человечество; чем более видели, тем менее понимали. Что это за существа? Откуда они? Из какой мировой системы? Какова тайна их появления на Земле? — все эти вопросы оставались загадками для ученых.

То, о чем так много говорилось, на что более всего возлагалось надежд — извлечение из болота упавшего болида, еще не было осуществлено. Сперва неудачи сваливались на инертность местных властей, упоминалось имя какого-то предвика* Черкашина, почитавшего начавшиеся работы по изысканиям за махинации бандитов, которыми еще со времени прохода Колчака было напугано окрестное население, и арестовавшего французских инженеров, слишком

* Предвик — председатель волостного исполкома (*Прим. изд.*).

поторопившихся приездом. Потом, когда Москва заставила кое-кого пошевелиться и нажать административный аппарат, работа двинулась, но ненадолго: не хватило технических средств. Дело казалось безнадежным. А тут, к вящему раздражению самолюбия, появились изумительные известия о результатах экспертизы берлинского Мюнц-кабинета над мертвым кораблем. Найдено, что в числе элементов корабля имеется неизвестный ученым элемент, который по своим свойствам близко подходит к радию, но отличается от него многими свойствами. Ученые считали его именно той движущей силой, которая поднимала на воздух корабли Невидимок, притом силою невероятно могучей, так как она была способна преодолевать земное притяжение.

Весь ученый мир завопил благим матом, и глас его был, наконец, услышан. Особым декретом Наркомата приказано было содействовать ученому конгрессу в отыскании метеорита. Ассигнованы были огромные средства, даны льготные пропуски в Россию членам главнейших ученых обществ. Со всех концов мира началось паломничество жрецов науки.

События в Глумилове, как в центре мира, разрастались, вращались и возвращались в Глумилово же.

Никогда еще с момента начала своей популярности Глумилово не шумело так, как в одно бодрое осеннее утро.

Еще с вечера к поповскому двору подкатили две тройки с новыми приезжими и затем уже поздно в ночь прибыло до двух десятков подвод с частями каких-то машин, прибыло множество новых людей и расположилось на луговине около пожарного навеса.

С самого утра все глумиловские обыватели, могущие ходить, собрались на выгоне пред поповским домом. От него и до красной вывески исполкома как бы протянулся оживленный беспроволочный телеграф. Стаи ребятишек вскарабкались на церковную ограду и расселись на ней, как воробы.

В восьмом часу от поповского дома по направлению к полю вышло несколько человек, и тут толпа разделилась: часть пошла за «аньжинерами» и «хранцузами», а часть

осталась, чтобы всласть пощупать машину и заглянуть под брезенты.

Впереди шел сухой, серьезный человек, в опушенном мехом полушубке, с острым взглядом умных темных глаз и седой бородой, профессор Игнатий Казимирович Старчевский. Рядом с ним шел его французский коллега, известный инженер Поль Монкарде, маленький тощий старик с физиономией рыси; несколько отстав, посвистывая и засунув руки в карманы брюк, следовал помощник Старчевского, молодой, но уже много обещающий ученый, инженер Андрей Петрович Осокин; за ними шли несколько механиков, представители профессиональных организаций и союза, два корреспондента лондонских и нью-йоркских газет и, наконец, один японский ученый, оживленно споривший с тощим немцем.

Словом, вся Европа и Азия выслали в Глумилово своих представителей.

Бабы, мужики и ребята выбегали из калиток и, разекая рты, смотрели на невиданное зрелище. Толпа все сгущалась, пока наконец желчный Старчевский, обернувшись назад, сердито не крикнул:

— Черт знает, что такое! И чего эти обезьяны глазают?

Человек в кожаной куртке поморщился и обратился к толпе:

— Товарищи! Зачем напираете? Разве мы звери какие допотопные, что вы в рот смотрите. Разойдитесь! — Откуда-то появился местный милиционер, и толпа подалась.

— Антиречно ведь, кум, — смущенно отговаривались мужики, которых расталкивал милиционер.

С этого дня Глумилово не знало покоя. И день и ночь на улице теснилась и болтала толпа; все более или менее чистые избы заняты были приезжими. Около избы-читальни по целым дням галдел народ и местные ораторы произносили бесконечные речи.

Страшно подорожало молоко. С трудом можно было раздобыть даже десяток яиц.

К вечеру первого же дня за селом пыхтел паровик, и горбатая лебедка тащила и выкидывала на берег кучи черной грязи, полной раков и всякой нечисти.

Суеверные старухи крестились на диковинные машины...

Суеверные старухи с испугом крестились на диковинные машины, а когда вечером около машины и лагеря рабочих вспыхнул яркий электрический свет, то едва ли не вся волость высыпала на косогор перед селом, так что рабочим, в конце концов, даже надоело разгонять назойливых ротозеев.

На следующее утро оказалось, что украдено много проволоки, очевидно, на тяжи для телег, и разворованы гайки у машины. Старчевский ругался немилосердно и грозил вызвать красноармейцев.

На второй день оказалось, что не хватает рабочих, что конгресс прислал больше распорядителей, чем опытных рабочих специалистов. Тут-то пришлось впервые непосредственно столкнуться с населением. Мужики наотрез отказались идти на «грешную» работу.

— Нутро у земли ворочать! — галдели они на сходке.

— Не пойдем! Никто не пойдет!

— Дураки! Черти!.. — ругался Старчевский. — По два рубля в день получите!

— Хошь пять! — орали мужики свое. — Не надо твоих рублей, и без рублей жили!

Работе грозил перерыв, к счастью, благополучно устраненный старшим милиционером, которого мужики почему-

то поголовно звали «кумом». Этот гражданин оказался добрым гением всей экспедиции.

По уходе Старчевского он долго беседовал с мужиками в избе-читальне; до поздней ночи «протоколили» и подписывались мужики, а наутро почти все село в лице группы комсомольцев, молодых парней и охочих мужиков с вилами стояло у болота. Старчевский косо оглядел разбитную артель комсомольцев, но ничего не сказал, тем более что работа закипела. Результаты ее сказались уже на третий день: тысяч до ста пудов грязи и тины было переворочено в вековом болоте, и берега его представляли такой же вид, какой, наверное, в день творения представляла земля. Но членов экспедиции не радовали кучи черной грязи и тины. Пока не было и намека на болид.

На четвертый день приехала партия рабфаковцев, немецких и японских студентов, с увлечением принявших участие в лазании по грязи.

Вся легкомысленная часть населения Глумилова потешалась над перепачканными в грязи и более похожими на чертей косоглазыми и низкорослыми японцами.

В тот же день обнаружился недостаток в пище. Глумиловские бабы осатанели от жадности и за крынку молока драли рубль, а за пяток яиц — полтинник и более.

Японцы жаловались, что одному их уважаемому профессору какая-то старуха наплевала в лицо.

В одном доме древний седой старик, девять лет не слезавший с печи, с перепугу встретил японцев с иконой и, дрожа, начал читать молитву на изгнание нечистой силы:

— Аминь, аминь, рассыпся!

В каком-то закоулке пьяные мужики вздумали убить студента-японца; убить не убили, но избили его основательно, пока не были с позором принуждены к отступлению его подошедшими товарищами, в чем большую роль сыграло японское джиу-джитсу.

Вечером кум, Евграф Архипыч, вновь держал долгую речь в избе-читальне, и вновь до полночи расписывались мужики. Слава о джиу-джитсу прошла повсюду, и японцев стали бояться.

Подобные инциденты развлекали, впрочем, только молодежь, увлеченную новизной и необычностью поисков, для серьезных же ученых, собравшихся не за развлечениями, являлось жгучим вопросом чести и славы извлечение болида.

Был сделан опрос почти всех обывателей, когда, в каком направлении был услышан гул от падения болида. Но оказалось, что в ту ночь почти все крестьяне как нарочно почему-то спали мертвым сном и мало кто слышал этот гул; показания же ребят были настолько разноречивы, что строить на них какие-либо выводы было невозможно. Во время опроса в сельсовет приплелась убогая старушонка и терпеливо дожидалась своей очереди.

Когда старуха, наконец, ее дождалась, то оказалось, что старуха глуха на оба уха, никакого шума, понятно, слышать не могла и пришла лишь потому, что «господа» спрашивают, «у кого болит».

Старуха долго и пространно, шамкая и пожевывая беззубым ртом, объясняла, где у ней болит: «правый бок пожжет, пожжет, да как саданет»... Насилу развязались со старухой, объяснив, что здесь не больница. Кум Архипыч понюхал оставленный ею старый рецепт и тоже пришел к протоколу.

А работа не подвигалась к цели ни на шаг. Работали уже с неделю; работали поспешно, ввиду приближавшихся заморозков; погода портилась, и крестьяне всячески отлынивали от удовольствия месить холодную, как лед, трясину. По селу развивалось страшное недовольство.

Мужики иначе не называли инженеров, как «нехристи» и «потрошильщики».

По вечерам старики, сидя на завалинках, вели тихую, но ехидную агитацию против работ:

— Матушку-землю потрошить... — скрипел какой-нибудь поросший мхом, вроде гриба, древний дед Яфан или Хведор. — Ена нас кормит и поит, а ее потрошат. Грех... смертный грех, мужички!..

Мужики слушали подобные речи, и их темные, заветренные лица становились еще темнее, и все неохотнее шли

они в воду, несмотря на красноречие кума Архипыча. Реакционная часть Глумилова откровенно возненавидела «кума» и за спиной на «собраниях» по его адресу отпускались неудобные для печати эпитеты.

Пришел какой-то странник и возмущал мужиков, подговаривая против «нечистого дела». Кум-милиционер вынюхал проповедника и засадил его в холодную, но наутро его не оказалось: мужики выпустили.

По вечерам старики, сидя на заплатах, вели тихую, но едкую агитацию...

Собрание на этот раз было бурное; в избе-читальне клубами плавал дым махорки и было жарко до одурения. Несмотря на то, что кум совместно с председателем Иваном Андреичем несчетное число раз взывали: «Товарищи!», мужики были неумолимы. А один молодой мужик, бросив шапку на стол, прямо сказал:

— Хоша ты и кум!... да эх!..

Это решило все дело.

— «Единогласно», — орало все собрание. Кум был бессилен.

Такое положение продолжалось до ноября. Однажды около двенадцати часов темной ноябрьской ночи Архипыч пришел со сходки охрипший и красный. Не раздеваясь и вертя в руках мокрую фуражку, он доложил Старчевскому и Осокину о том, что мужики на собрании держали себя до странности демонстративно и на все просьбы и уговоры от-

вечали одним словом: «Грех, не пойдем, никто не пойдет». Очевидно, здесь пришлось уже натолкнуться на стачку, и работу продолжать было невозможно.

Старчевский вспылil:

— Как невозможно? Когда цель еще не достигнута, когда зима на носу! Останавливать работу! Сумасшедшие! вызывать красноармейцев, кавалерию...

Милиционер молча пожал плечами и, вздохнув, поглядел на потолок избы.

— Ну что же? — вскричал нетерпеливый профессор.

— Не то время, гражданин Старчевский, — пробормотал сухо и даже как будто враждебно Архипыч.

Круто повернувшись, Старчевский сел и принялся писать телеграмму.

Наутро начальников экспедиции ожидала неприятная новость. На заре мужики с крестным ходом пошли кругом болота и, что куда хуже, испортили землечерпательную машину и потопили много инструментов. Это выходило уже за рамки обычных недоразумений.

Старчевский в дрожках помчался на место происшествия. Около машины, под мелким осенним дождем, стояли Осокин, инженер-француз, ругавшийся резким фальцетом, и корреспонденты. Больше никого.

Подойдя к раздраженному Старчевскому, Осокин комически развел руками.

— Работать нельзя. Машина испорчена, разбит паровой котел и сшиблено в трясину до десятка черпаков...

Старчевский собрал в барак всех членов экспедиции, но, обеда лица всех, не встретил, к своему удивлению, сочувствия. Все были переутомлены, разбиты тяжелой работой в холодной воде, под пронизывающим ветром, и в ночном безобразии видели лишь комическую сторону. Старчевский разразился громовой речью и пристыдил всех сотрудников.

Собрались охотники исследовать старую гать. Разноплеменная молодежь, легко находящая веселую сторону в любом, даже неприятном факте, со смехом потащилась по грязи с вилами и шестами на плечах.

Старчевский, старик-француз и немец, раздосадованные скверным ходом работ, возвращались на дрожках обратно. Осокин с англичанами предпочел шлепать по грязи. Он рассеянно слушал рассказ своих спутников о прелестях утиной охоты в здешнем краю. Дойдя до поповского дома, они увидели Старчевского; красный от гнева, он что-то громко внушал стоявшему перед ним смущенному маленькому попику.

— стыдно! Позорно! — кричал профессор. — Возмущать темную, слепую массу!... Позор, преступление!

— Не возмущал я! — оправдывался батюшка.

— Крестный ход! — кричал, не слушая его, Старчевский. — Как на нечистую силу ополчились... Это позор, на всю Европу позор! И вы, человек образованный, хотели нас выгнать крестом! Машины портить... Это так вам не пройдет, я сообщу в губком!..

— Довольно, коллега! — кричал с дрожек замерзший француз.

Профессор в сердцах плюнул и вскочил в дрожки; дернувшая лошадь обрызгала смущенного батюшку с ног до головы грязью.

Часу в 12-м дня собралась сходка перед сельсоветом, около пожарного навеса. Дождь на время утомился. Мужики были пасмурны и сидели молча на завалинке и на корточках, когда подошли старшие члены экспедиции; лишь комсомольцы с шестами на плечах постукивали нога об ногу и пересмеивались.

Из мужиков кое-кто встал и снял шапки, а большинство провожало их злыми взглядами; кто же позубастее — то и насмешками вполголоса.

Разбрызгивая грязь, подскакала пара лошадей, и из коляски вышли начальник губмилиции, высокий угрюмый человек с бритым лицом, и ответственный секретарь Н-ского губкома тов. Филатов, знакомый лично Старчевскому, с которым весело поздоровался. Страхивая комья грязи с плащей, приезжие вошли в совет. Придерживая болтавшийся на боку револьвер, подбежал кум Архипыч. Мужики столпились перед крыльцом.

Сначала говорил т. Филатов, говорил долго и пространно о пользе образования, о международном положении и буржуазии. Мужики вздыхали, обменивались сигарками и, видимо, были во всем согласны с оратором.

После него вышел высокий начальник милиции и сразу попал в точку, но время уже было упущено и мужики не хотели новых поисков «планиды». Едва он замолк, мужики разом загалдели; красные лица, заломленные шапки мгновенно смешались в общую кашу.

— Грех!.. Смертный!.. — неслось из толпы. — Матушку-землю потрошить! Не пойдем!

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на конце улицы не показался верховой. Подлетев на неоседланной лошади к сельсовету, он, еще не осаживая ее, уже крикнул на скаку только одно слово:

— Нашли!

Это слово, как удар грома, упало в толпу и водворило внезапное молчание. Старчевский покраснел, а один из американских корреспондентов, без шапки, бегом пустился но улице. Толпа посыпалась вслед за ним.

Старчевский хотел было идти, но верховой заявил, что найденный болид уже везут сюда.

— Везут? — в недоумении спросил профессор. — Неужели он так мал?

Верховой показал размер болида руками. Старчевский недоуменно пожал плечами. В этот момент показалась подвода. Толпа бросилась встречать диво, упавшее с неба. Старрики облегченно крестились.

— Слава-ти, господи, отмаялись!

— Разойдись, разойдись, мужички, — вежливо покрикивал развеселившийся Архипыч, — не напирай очень, предмет хрупкий.

— Антиресно ведь, кум, — отвечали, как полагается, мужички и расступались.

Старчевский и все ученые подошли к подводе, и профессор сдернул рогожу. Круглый, футом в диаметре, черный, весь в иле предмет лежал на подводе. Нашедших метеор обступила толпа, но Старчевский махнул им идти в

совет. Ученый был серьезен и в каком-то ошеломлении. Двое мужиков, сгибаясь под тяжестью, осторожно внесли аэролит, и пока они его несли, вокруг него раздавались шутки и остроты.

— Глядите, товарищи! Степка целу землю несет!

— Держись, Степа! Крепче руками за одну, ногами за другую, не упадешь.

Толпа, довольная окончанием постылой работы, развеселилась.

Болид был положен на стол... Наступило молчание. Старчевский с минуту смотрел на этот черный безобразный предмет, великую цель их тяжелых трудов, и снял шапку.

— Товарищи, — сказал он тихо и задумчиво, — настал великий момент...

Все также сняли шапки и затаили дыхание. Профессора молча разделись и, засучив рукава, приступили к очистке болида от грязи.

— Странно, — произнес Осокин, — чувствуется металл...

— Осторожней, осторожней, — приговаривал немец.

Грязь комьями спадала с круглой, как шар, поверхности болида и раскладывалась на белой клеенке стола...

Корреспонденты что-то лихорадочно заносили в записные книжки...

— Ни малейшего намека на минерал... гм... — произнес немец и скребнул ножом.

Старчевский становился все мрачнее и серьезнее.

— Это что? — произнес он вдруг странным, сдержанным голосом, указывая на два круглых, правильных возвышения, словно от излома. — Это что?

Двое мужиков,
сгибаясь под
тяжестью, осто-
рожно внесли
аэролит...

Осокин осторожно стер тряпкой грязь и наклонился. Один из корреспондентов поспешно налаживал кинематографический аппарат. Осокин что-то бормотал под нос.

— Что? — спросил Старчевский.

— Пять пудов... — сказал Осокин.

— Что — «пять пудов»?

— «Пять пудов» написано, — ответил тот и поднял глаза. В них бегали какие-то искорки, и сам он был красен, как рак.

Старчевский бесцеремонно повернул метеорит к свету. Щелкнул затвор, послышался треск, — великий момент был увековечен...

— Гирия!! — крикнул Старчевский. — Пятипудовая заводская гирия!! Олухи!!

Присутствующие, как оглушенные, разинули рты. В это время протолкался к столу мужичонка и с радостно расширенными глазами объявил:

— Батюшки! Да ведь это дяди Яхвана гирия-то! Прошлого лета робята с гати уронили... вишь ты, нашли!

И, высунувшись в окно, он крикнул:

— Дядя Яхван! Иди скорей! Товарищи твою гирию нашли!..

Все окаменели от неожиданности. Лондонские корреспонденты стояли молча. Немец-профессор от недоумения разинул рот так широко, как не разевал его, вероятно, никогда в жизни. Осокина одолел пароксизм гомерического веселья; ухватившись за живот руками, он корчился от хохота, а француз-профессор вторил ему визгливым фальцетом, как потерявшая голос дворняга.

Старчевский словно взбесился: сбросил гирию со стола, сбил с ног спешившего дядю Яфана, свалил злосчастный кинематографический аппарат и, как сумасшедший, вылетел из сельсовета.

Толпой овладел приступ безудержного веселья, и около совета началась «воинственная пляска диких» с гамом, свистом и визгом гармошки.

Прошло пять месяцев. Но Старчевский был не из тех, кто отступает от раз намеченной цели. Весной следующего

года он снова появился в Глумилове в сопровождении новой экспедиции — подвод с машинами, разными приспособлениями и достаточным количеством живой рабочей силы. Но на этот раз, наученный горьким опытом, он избежал ошибок прошлого: работы по изысканию и извлечению болида инженеры производили втихомолку, не предавая гласности результата своих трудов.

Впрочем, сделать это было им не трудно. Не только у местных крестьян, но и у всего ученого мира пропал интерес к болиду. Жизнь настоятельно выдвинула новые вопросы. Химическая война, омоложение, открытия в области радио отвлекли внимание ученых от Невидимок и нашумевшего болида. Поэтому, когда, в конце концов, труды Старчевского увенчались успехом и осколки болида были найдены, газеты, да и то далеко не все, поместили об этом многострочное сообщение в отделе «научной хроники».

Осколки были отправлены в Московский Н-ский рабфак, где их подвергли самому тщательному исследованию, но никаких следов органической жизни там найдено не было, оставалось предполагать, что все живое, если таковое и находилось на болиде, погибло от страшного жара, развившегося во время прохождения аэролита через земную атмосферу. Таким образом, единственным звеном между живой жизнью и болидом оставались Невидимки, которые по-прежнему жили в своих хрустальных ящиках под наблюдением профессоров Московского рабфака. Но теперь, после подробного исследования болида, загадка их появления на Земле стала еще более неразрешимой.

Болид ли был их родиной? С ним ли вместе низверглись они из мирового пространства на Землю или явились к нам каким-нибудь другим путем, совершенно независимо от падения аэролита?

На эти вопросы ученые не находили ответа, и в скором времени им суждено было окончательно лишиться всякой возможности получить его.

Однажды, когда дежурный член «Комиссии по питанию Невидимок», по обыкновению, впустил в их ящик определенное число капель питательного вещества, он с удивле-

нием заметил, что вся масса Невидимок не поспешила, как раньше, к источнику своего питания. Это его обеспокоило, и он вызвал всю комиссию. Произведенное тщательное исследование констатировало печальный факт: оба летучих корабля недвижно лежали на дне ящичков, дно же было усеяно мертвыми телами Невидимок.

Что явилось причиной их смерти — ученым определить не удалось. Из многих высказанных по этому поводу догадок наиболее близким к истине казалось предположение, что Невидимки отравились теми безопасными (с точки зрения земной физиологии) веществами, которые прибавлялись к пище Невидимок для вкуса.

Единственный случай, представившийся людям для ознакомления с жителями других планет, был потерян!

И прав был 84-летний профессор Козяволотский, старейший член комиссии, отпраздновавший все свои ученые юбилеи, когда он всплеснул руками и с неподдельной горестью воскликнул:

— Теперь жди такого случая!

Сергей Голубь

ТАЙНА МИКРОКОСМА

От редакции.

Четверть века назад французами Кюри был открыт новый элемент, получивший название «радий». С тех пор человечество много узнало о строении материи, т. е. того вещества, из которого состоят окружающие нас предметы. Теперь мы знаем, что всякое вещество состоит из мельчайших частиц — молекул, представляющих собой соединение некоторого числа еще более мельчайших частиц — атомов. Атомы различных элементов соединяются в молекулу в определенной пропорции: так, два атома водорода и один атом кислорода, соединяясь посредством химического синтеза, дают молекулу воды.

Но и атомы, в свою очередь, представляют собой не неделимые частицы материи, как это думали ранее (атом — значит «неделимый»), а сложные системы из центрального ядра — протона, заряженного положительным электричеством, и электронов — частиц, имеющих вращательное движение вокруг протона и заряженных отрицательным электричеством. Положительное и отрицательное электричество, как известно, притягивают друг друга, поэтому электроны и протон не могут оторваться один от другого, центробежная же сила, развивающаяся при движении электронов вокруг ядра, не дает им упасть на него, как и центробежная сила Земли мешает ей упасть на Солнце.

Если провести параллель между этим крошечным миром — атомом и нашей солнечной системой, то получится довольно интересное сходство: ядро атома занимает такое же место, как наше солнце: электроны — тела, вращающиеся наподобие планет вокруг него.

Но, вместе с тем, есть много различий: так, расстояние электронов от ядра, сравнительно с их величиной, больше, чем расстояние планет от солнца, а скорость вращения электронов — несравненно больше, чем скорость планет.

В настоящем рассказе автор развивает сходства и делает занимательные выводы о строении вселенной.

Профессор Роберт Свенсон был мой друг детства. В молодости это был веселый, жизнерадостный человек, и мы с ним жили душа в душу. Но меняются времена, меняются люди. Кто бы мог узнать его теперь — тихого, даже угрюмого человека с вечно задумчивыми глазами! О, эти глаза! Где бы он ни был: читал ли лекции перед многочисленной аудиторией, или беседовал с товарищами-профессорами, — всегда эти глаза были устремлены куда-то вдаль, в пространство, через головы слушателей... Говорил он всегда медленно, тягуче. Жил замкнутой жизнью в загородной вилле и, кроме университета, почти нигде не бывал. Глядя на этого человека, ни за что нельзя было подумать, что он когда-то был жизнерадостным, и жизнь была в нем ключом...

Нужно заметить, что уже давно носились слухи, будто он непрерывно работает над каким-то изобретением, но в чем оно заключалось, никто не мог дать мало-мальски определенный ответ... Тем не менее нельзя сказать, чтобы этим слухам не верили — ведь Свенсон был загадкой. Нередко, зная, что я раньше был очень близок к нему, профессора донимали меня расспросами. Они думали, что я знаю что-либо по этому поводу. Я, конечно, только мычал и отнекивался, что еще более возбуждало их интерес. Нечего и говорить, что я был заинтересован не менее их в опытах моего друга. И вот, представьте мою радость, когда, однажды вечером, Свенсон по телефону пригласил меня к себе. От волнения я едва не выронил телефонную трубку и прямо спросил:

— Это по поводу изобретения?

Продолжительное молчание и, наконец, короткое:

— Да.

В одну минуту я был одет и помчался в первом попавшемся авто за город, по направлению к вилле Свенсона.

Свенсон крепко пожимал мои руки и улыбался, глядя добродушными, веселыми глазами. Это уже не был задумчивый, угрюмый ученый — это был тот самый Свенсон, которого я так привык видеть в детстве. Я был удивлен про-

исшедшей с ним переменной и сказал ему об этом. Он весело рассмеялся. Признаюсь, у меня даже проскользнула была мысль о его безумии. Он, угадав эту мысль, обратился ко мне:

— Ты не думай, Эдуард, что я сошел с ума. Я, право, теперь готов расцеловать каждого встречного... Я ведь пригласил тебя по поводу моего изобретения и...

— Вот, вот — по поводу изобретения,— подхватил я.

— ...и открытия, которое удалось сделать при помощи изобретенного мною аппарата, — продолжал Свенсон. — Я сейчас не буду говорить тебе ни слова об устройстве аппарата — это ни к чему. Когда будут установлены некоторые части, в том числе и предохранительный клапан, над которым работают мои ассистенты, тогда я приглашу всех наших уважаемых коллег и объясню все подробно. А сейчас я тебе покажу то, что уже достигнуто мною. Но позволь задать тебе один небольшой вопрос: что, по-твоему, было бы, если бы весь мир, который нас окружает, включая и нас самих, внезапно уменьшился в неисчислимо количество раз, то есть наша Земля стала бы не более электрона, Солнце — протона и т. д. Возможно было бы тогда существовать на Земле и произошли бы какие-нибудь изменения?

Я задумался, но думал не столько над вопросом, сколько над тем, куда Свенсон клонит. Наконец, ответил, что теоретически, пожалуй, изменений никаких не должно произойти, но на самом деле...

— А на самом деле, — перебил Свенсон, — и тем более! Ты скоро это увидишь своими глазами и тогда, конечно, убедишься, что это так.

Мне показалось, что мой приятель, действительно, сошел с ума. Я попытался возражать:

— Но...

— Никаких «но»! Чем ты докажешь, что наша Земля не есть лишь ничтожная пылинка, затерянная во вселенной, на которой, по счастливой случайности, зародилась и эволюционировала жизнь и... и ее населяют такие тупоголовые субъекты, как ты, дорогой Эдуард, которые воображают,

будто эта пылинка — все! Чем ты докажешь, что наша солнечная система не атом? Ничтожный атом!

Помолчав и немного успокоившись, он продолжал с оттенком раздражения в голосе, точно разъясняя недогадливому ученику сказанное:

— Величину надо понимать относительно, как и движение. Если движется, например, поезд, то его движение будет таковым в отношении к земной поверхности; Земля же, в свою очередь, имеет вращение вокруг оси и движется вместе со всей солнечной системой. С величиной то же самое. У нас величина измеряется и воспринимается относительно величины Земли, солнечной и звездной систем. А что представляет собой хотя бы наш Млечный Путь со всеми звездами, в том числе и с нашим солнцем? Не представляет ли он из себя лишь крошечную молекулу высшей материи? Кто решится утверждать обратное?..

— Во всяком случае, не ты со своим «но»! — закончил Свенсон после небольшой паузы, испытующе посмотрев на меня. Он был возбужден до крайности. Я понял, что спорить в такую минуту с ним не стоит, и только скромно заметил, что как это, так и обратное доказать очень трудно.

— Но возможно! — подхватил Свенсон.

— Может быть, но насколько мне известно, до сих пор это еще никому не удалось.

— А мне известно, что удалось! — с ударением произнес Свенсон.

Вероятно, на моем лице достаточно ясно отразилось недоумение, так как он сейчас же прибавил:

— Да, удалось. И для того я позвал тебя, чтобы ты сам мог воочию убедиться в этом.

Свенсон толкнул узенькую дверь, и мы вошли в необычайно крошечную каморку. Полый цилиндр из довольно толстого стекла соединял противоположные ее стены.

— Ты видишь что-либо внутри цилиндра? — спросил Свенсон.

Я пристально всмотрелся.

— Какое-то очень тонкое острие.

— А на острие?

— Право, ничего не вижу.
Он подал мне лупу.
— Посмотри теперь.
— Вижу какую-то пылинку.
Свенсон взял меня за руку.
— Довольно, теперь пойдем дальше...

Свенсон подал мне лупу. В нее я увидел какую-то пылинку на тонком острие...

Если бы не чересчур высокий потолок да не огромный, во всю стену, металлический экран, то просторная зала, в которую мы вошли, не представляла бы собой ничего особенного. Впрочем, внимательно осмотревшись, можно было в стене, напротив экрана, заметить небольшое круглое отверстие, на высоте приблизительно двух с половиной метров от пола, да несколько небольших рычажков чуть пониже. Это — все, что я успел увидеть.

Свенсон предложил мне сесть в стоявшее в сторонке кресло и, попросив обождать, побежал к рычажкам. Что он там делал, я не видел. Наконец, он обернулся и поднял руку:

— Внимание!

Я насторожился. Свет погас. Наступила напряженная тишина. Но вот откуда-то донеслось еле слышное жужжание, будто над головой закружил москит, и вдруг из отверстия брызнул сноп лучей. Экран засветился невообразимо красивым голубым светом, на фоне которого медленно рисовывался большой, пористый, бесформенный кусок.

— Это пылинка, которую ты смотрел недавно! — пояснил неслышно подошедший сзади Свенсон.

Я не мог удержаться от возгласа удивления — такого увеличения я не представлял себе, — но сейчас же, с удвоенным вниманием, впился взглядом в экран. Кусок медленно расплывался... Уже нельзя было назвать его цельным — вместо него появилось несметное количество отдельных туманных пятен, медленно двигавшихся в разных направлениях.

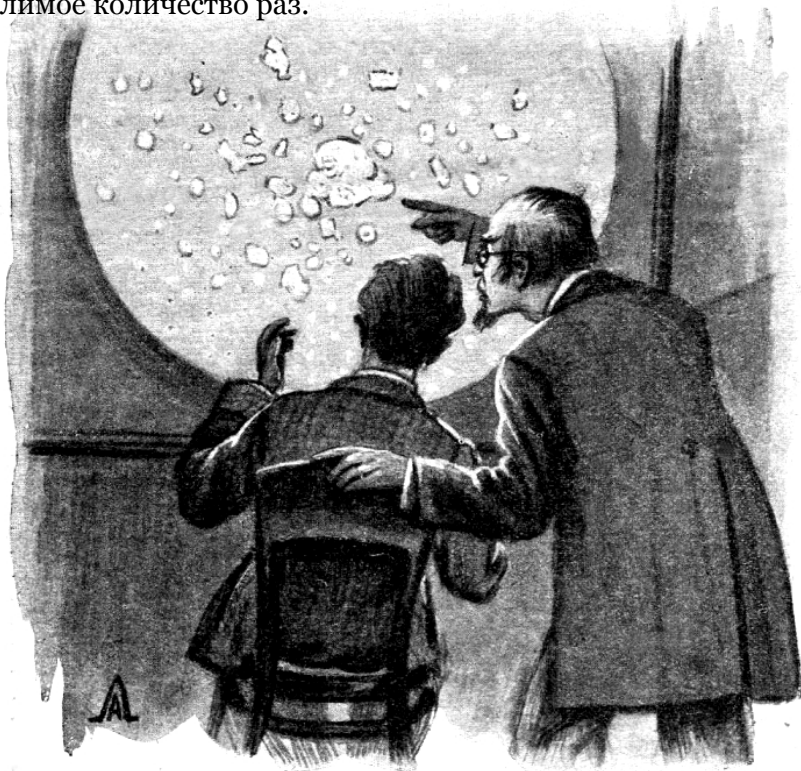
— Как видишь, уже видны отдельные молекулы. Они движутся довольно медленно, ибо температура пылинки близка к абсолютному нулю, — продолжал Свенсон.

Я невольно сравнил эти туманные пятна с туманностями, виденными мною однажды в телескоп, и, признаюсь, сходство было поразительное.

Жужжание постепенно стало громче; теперь казалось, что по комнате летала большая муха. Пятна делались все больше и больше и, вместе с тем, их в пределах экрана становилось меньше. Наконец, весь экран заняла одна сплошная туманность, которая продолжала так же медленно, но неуклонно расширяться. И вдруг... Перед глазами уже не существовало цельного пятна: оно превратилось в рой крошечных круглых шариков, медленно двигавшихся...

— Как видишь, молекула пылинки, — объяснял Свенсон, — представляет собой нечто, похожее на туманности, виденные на небе, которые в большинстве тоже представляют далекие скопления звезд, наподобие Млечного Пути. Каждый отдельный шарик — ядро атома — представляет из се-

бя как бы звезду, только, конечно, уменьшенную в неисчислимое количество раз.

На экране уже не было цельного куска, вместо него появилось несметное количество отдельных туманных пятен, медленно двигавшихся в разных направлениях...

— Это гениально! — воскликнул я, пораженный его словами. — Но все-таки этого не может быть!

— Смотри, — невозмутимо продолжал Свенсон, не обращая внимания на мои слова. — Многие шарики светятся. Они раскалены, как наши звезды, их температура меньше температуры звезд во столько раз, во сколько они сами меньше звезд. Я говорю это не наобум, я вычислил, измерил ее так же, как измерена температура звезд, но при помощи более чувствительных приборов...

Жжж... жжж... жжж...

Казалось, монотонно и надоедливо басил шмель. Теперь экран представлял собой усыпанное звездами небо, но как я ни всматривался, я не находил ни одного знакомого созвездия — то было другое небо, далекое, незнакомое...

— Да, это далекое небо, — как бы читая мои мысли, говорил Свенсон. — Но, друг мой! — голос ученого сделался звонким, торжественным. — И под этим небом также есть живые существа и даже разумные существа. Ты их скоро увидишь, и тогда ты узнаешь, что вселенная действительно бесконечна, и познаешь эту бесконечность.

Я не видал Свенсона, но ясно представлял себе его величественную фигуру с горящими глазами. Сердце мое запрыгало от непонятной необузданной радости. Хотелось броситься к нему, пожать руку, расцеловать... Но экран словно приковал меня, и я не мог оторвать от него взгляда. Между тем, светившиеся шарики все росли и росли. Несколько минут спустя на экране их было всего несколько штук, величиной с яблоко. Потом всего три. Наконец, когда в левом углу экрана оставался один блестящий шар, величиной с дыню, я с удивлением заметил несколько штук темных крупинок, разбросанно тянувшихся за светилom.

— Электроны, — заметил Свенсон. — Они, как известно, представляют собой тела, вращающиеся вокруг ядра атома, наподобие нашей Земли и вообще планет, также вращающихся вокруг ядра солнечной системы — Солнца. Некоторые вращаются быстро, другие медленнее. При этом характер их притяжения тот же, что и у планет. До сих пор электроны считали неоднородными, то есть состоящими из того элемента, к которому принадлежит тело. Но это было неверно. На самом деле, когда в 1924 году Мите и Штамрейх нашли способ оторвать от атома ртути, имеющего 80 электронов, один электрон, то получился уже не атом ртути, а атом золота, имеющий 79 электронов. Изменилось ли от этого вещество отдельных электронов? По-видимому, нет. Если хочешь, то на самом деле все 94 элемента — это не отдельные элементы, однородные вещества, а лишь видоизменения, обуславливаемые количеством электронов в атоме одного и того же «основного элемента». Я позабыл,

— спохватился Свенсон, — сказать тебе, что пылинка, которую мы рассматривали, — это пылинка «основного элемента». Как я добыл ее, расскажу тебе после.

Голос Свенсона почти заглушался таинственным шумом, по своей силе напоминавшим теперь гудение пропеллера.

На экране неясно расплывалась масса одного электрона, и, по мере увеличения, начали появляться кое-какие подробности на поверхности этой микроскопической планеты.

Появились светлые пятна, беспорядочно разбросанные на темном фоне, причем на одной и другой стороне шара виднелись белые пятнышки, похожие на полярные «шапки» Марса.

Казалось, сама вселенная раскрывала свои сокровенные тайны. Перед нами раскрывалось строение крошечного мира — микрокосма, — и как он был похож на тот большой мир, незначительную частицу которого представляет Земля! «Большой» мир... Но кто знает, может быть, и прав Свенсон, говоря об относительности величин!..

Перед глазами, занимая весь экран и далеко уходя за его пределы, расстилалось светлое и, по мере увеличения, темневшее пятно.

— Один из материков, — прокричал мне на ухо Свенсон.

Я, не отрываясь, кивнул головой. Поверхность быстро приближалась; казалось, будто стремительно падаешь вниз. Летчики, быстро спускающиеся с заоблачных высот, испытывают, вероятно, то же самое ощущение... Я инстинктивно-крепко ухватился за ручки кресла...

Вот какие-то неопределенные линии, квадраты... Ниже — невиданной архитектуры и красоты циклопические постройки. Все ближе и ближе несутся зубчатые, ярко отличающиеся золотом конусы крыш... Крутом необычайно высокие, ярко-зеленые растения, похожие на папоротники... На одно мгновение, между нами и ближайшей крышей, появляется — похожий на гигантского допотопного птеродактиля — странной конструкции летательный аппарат... Затем он стремительно исчезает из поля зрения... Мне пока-

залось, что я видел на нем странное существо: голое, с желтой, как лимон, кожей, похожее на большую, скорчившуюся обезьяну...

Прямо перед нами — заостренные блестящие зубцы крыш... Я невольно отпрянул назад... Вдруг... что это? Какая-то вспышка, словно молния, осветила залу. Затем наступила абсолютная тьма. Вместе с тем неожиданно прекратился и таинственный шум...

...Ужасный взрыв не дал мне договорить...

Я услышал или, вернее, почувствовал, как метнулся к рычагам Свенсон. Ничего не соображая, я вскочил и бросился туда же.

- Что случилось?
- Проклятие!.. Предохранитель... Беги отсюда!..
- Но, может быть, я что-либо тебе по...

Ужасный взрыв не дал мне договорить. Со страшной силой меня отбросило обратно к креслу...

Не помню, как выбрался я из виллы Свенсона, как меня подобрала приехавшая вместе с пожарными карета скорой помощи...

Только через месяц я выписался из больницы, и в тот же день побывал на том месте, где некогда находилась вилла профессора Свенсона. Мрачное пепелище встретило меня угрюмо и холодно...

Я ничего не сказал коллегам-профессорам по поводу открытия Свенсона — у меня не было доказательств. Чтобы добыть их, я нанял артель рабочих, но, перекопав каждую пядь пепелища, не нашел ничего ценного для разгадки изобретения моего друга.

Кстати, уважаемые коллеги не слишком горевали о Свенсоне — они никогда не знали его, как товарища. Для них он был загадкой, которую им так и не удалось разгадать..

Борис Житков

МИКРОРУКИ

Фантастический очерк

Мне пришла в голову мысль.

Нельзя ли движение моих рук, шевеление каждого из моих десяти пальцев передать в полной точности, но во сто раз меньшем виде? Вот я беру длинные кузнечные щипцы, я развожу их ручки на четверть аршина, а губы их расходятся на какой-нибудь дюйм, — эти губы передают движение моих рук. Но это грубо. Это только в стороны, но я хочу, чтоб и вверх, и вниз, и по кругу и не только движение всей руки, а пальцев, самое ничтожное их колебание — все чтоб передавалось во сто раз уменьшенным и в то же время в полной точности.

Я долго ломал голову и вот к чему пришел: я сделаю маленькие руки, точную копию моих — пусть они будут хоть в двадцать, тридцать раз меньше, но на них будут гибкие пальцы, как мои, они будут сжиматься в кулак, разгибаться, становиться в те же положения, что и мои живые руки. И я их сделал. Мало того, я тонкой работой часового мастера снабдил их механизмом, который двигал пальцами, этими маленькими кукольными пальчиками, в точности по моему приказу. Я все это управление привел к перчаткам, к особым перчаткам. Я надевал эти перчатки на руки, и малейшее мое движение целой сетью проводов передавалось кукольным ручкам: я сожму правый кулак — в маленький кулачок сжимается правая ручка. Я отведу назад всю левую руку — ползет назад и маленькая левая рука. Они были всего в двадцать раз меньше моих живых рук, и все мои движения они повторяли в маленьком виде. Но если бы вы знали, что мне открылось.

Я надел на оба глаза лупы, в каких работают часовщики. И вот этими рачьими глазами я глядел на иголку. Она казалась мне железным ломом. Лежавший рядом вихрастый канат оказался обыкновенной ниткой. И вот я стал ловить маленькой левой ручкой этот железный лом. Я его поймал у конца, где пробита грубая неровная дыра, и правой ручкой я ухватил канат и без труда впихнул конец его в дырку. Когда я поглядел без моих наглазников, на столе лежала иголка со вдетой в нее ниткой.

Я взялся за карманные часы. Но где взять инструмент для моих микроскопических рук? Обыкновенный часовой инструмент им был «не по руке».

И вот я подумал: а что, если я сам сделаю себе инструмент? Я буду делать себе большой инструмент, надев на руки мои перчатки, а микроруки в точности будут повторять мои движения, они только будут все делать в двадцать раз мельче, и они сделают себе инструмент по руке.

Признаюсь, я долго возился: все пришлось делать почти с начала, как первобытному человеку. Разве что материал был готовый. Я сам большими своими руками сделал грубый молоток, сделал к нему наковальню, разжег спиртовой огонь и все это расположил, как и у меня в мастерской. Я ковал на наковальне обычный инструмент, а микроруки без ошибки повторяли мои движения.

Я даже сделал такой опыт: я установил кусок воску над микроруками точно так же, как моя голова стоит над моими живыми руками. Я почесал себе затылок, и микроруки уперлись в кусок воска. Я стал скрести в воздухе около моей головы. Маленькие микроруки скребли в это время воск.

Я стал работать в воздухе вокруг всей моей головы, вводил все в подробности, как будто моя голова была окружена невидимым вязким слоем. И микроруки в это время оскребали воск до того же предела.

Когда я глянул, что они сделали, я увидел мой восковой скульптурный портрет. Так, благодаря микрорукам, я сделался скульптором.

Микроруки сделали все: и молоток, и напильник, и сверла — все, все необходимое для работы. Карманные часы казались для них грубыми башенными часами. Они едва не защемили в зубья на ходу маленький пальчик. Но работа не представляла труда. Я вывинчивал винты, но у меня в руках ничего не было, я только делал движение, будто держу отвертку и верчу: микроруки сжимали инструменты, они-то и вертели настоящий винт в моих карманных часах. Мой товарищ застал меня, когда я работал пустыми руками в воздухе с микроскопами на глазах, и хотел бежать за доктором. Выходило так, что если в десяти санти-

метрах от меня находилась нога моего товарища, а в десяти миллиметрах от микрорук стояла нога мухи, то я хватал за ногу товарища, а микроруки таким же движением вцеплялись в ногу мухе. Оба бились и ругались, каждый по-своему.

Я поймал таракана, повалил его микроруками навзничь и заколол микроножиком, как свинью. Затем я его аккуратно потрошил и разглядывал его внутреннее устройство. Моими микропальчиками я мог отделить в стебельке цветка каждую трубочку. Но мне вдруг ударила в голову мысль: а ведь я могу сделать микроруки к моим маленьким рукам. Я могу для них сделать такие же перчатки, как я сделал для своих живых рук, такой же системой соединить их с ручками в десять раз меньше моих микрорук, и тогда... у меня будут настоящие микроруки, уже в двести раз они будут мельчить мои движения. Этими руками я ворвусь в такую мелкоту жизни, которую только видели, но где еще никто не распорядился своими руками. И я взялся за работу.

Я думал, что успею в такое же время сделать вторые микроруки, как мне удалось сделать первые. И вот тут я нарвался на то, чего, признаюсь, не ожидал. Мне нужно было вытянуть тонкую проволоку — то есть той толщины, какая для моих живых рук была бы как волос. В работе микрорук она должна быть видна только в микроскоп. Я работал и глядел в микроскоп, как протягивали медь микроруки. Вот тоньше, тоньше — еще осталось протянуть пять раз — и тут проволока рвалась. Даже не рвалась — она рассыпалась, как сделанная из глины. Рассыпалась в мелкий песок. Это знаменитая своей тягучестью красная медь. Я злился, начинал сызнова — и опять то же.

Я начал было приходить в отчаяние. Но тут я вспомнил о золоте. Его нужно ведь одну крошку. Я отщипнул от кольца и сунул микрорукам. Теперь пошло иначе. Золото вывезло. Как известно, золото растягивается в такие пластинки, что они просвечивают, как папиросная бумага, — до того оно тягуче. Богатый американец мог бы сдуру крутить из него папиросу.

Но вот сталь! Нужна сталь, и я гляжу на кусок лучшей шведской стали.

И что же оказалось? В мой сильный микроскоп, под которым работали микроруки, я не обнаружил стали, — я увидал лишь сбор всяких кусков, склеенных металлическим цементом. Это была кучка железного хлама, за который я не знал, с какой стороны взяться. Мне приходилось выламывать оттуда блестящие кристаллы; одни были тверды, как алмаз, другие тянулись, как железо, и мелкий порошок сыпался от третьих. Это была какая-то залитая лавой руда, откуда надо было выламывать самородки. Дерево оказалось никуда: там были полупрозрачные брусья, гибкие, как китовый ус. Их с трудом брал микроинструмент, и рядом с этими брусьями были приклеены дорожки пористого, рассыпчатого вещества.

Я увидал, что в каждом материале, который идет у нас в работу, тысяча разных материалов, целый материальный склад, и я терял голову и не знал, какой взять. Приходилось изучать эти новые материалы, как будто я прилетел на другую планету, где все по-иному. Однако я как сумасшедший возился с моей идеей дни и ночи, не щадя ни времени, ни здоровья. Я жил уже в другом мире, где все было иное: невиданный материал, невообразимые звери вроде тли, которой я на днях размоzzил глаз ударом молотка. Я мог косить и собирать в копны плесень.

Мне было досадно только одно: что я не слышу звуков от работы, от ударов микрорук. Я долго думал и изобрел особые микрофоны, которые усиливали звук невероятно. И я надел на уши микрофоны. Они передавали никому неслышные удары молоточка микрорук, и я мог по звону судить — лопнуло мое изделие или цело; я слышал, как визжала пила, как звучал этот микроматериал совсем другими голосами, чем те, которые мы слышим в нашем мире.

Теперь я целыми днями ничего не видел, кроме того, что сияло под микроскопом. Я обил свою комнату пробкой, чтобы городской шум не мешал мне слушать тонкие звуки микроскопической жизни в мои микрофоны. Они так усиливали звук, что шаги мухи по стеклу я слышал,

как топот слона по стальному листу, и они меня пугали. Чем я жил, чем добывал себе насущный хлеб? Откуда брал средства на устройство приборов? Эти средства я добывал своими руками. Своими микроруками. Меня приглашали делать самые тонкие операции, где ни один хирург не знал бы, как повернуться. Я мог своими микроруками быстро и без промаху работать под сильнейшим микроскопом. Мельчайшие ростки злокачественной опухоли я удалял из живого организма, я рылся в больном глазу, как в огромном заводе, и у меня не было отбоя от работы. Но меня это не останавливало на моем пути. Я хотел сделать истинные микроруки, такие, которыми я мог бы хватать частицы вещества, из которых создана материя, те невообразимо мелкие частицы, которые видны только в ультрамикроскоп. Я хотел пробраться в ту область, где ум человеческий теряет всякое представление о размерах — кажется, что уж нет никаких размеров, до того все невообразимо мелко.

И я стал добывать материал для новых маленьких перчаток, чтоб сделать эти ультрамикроруки. Я работал в капле воды. Мне надо было поймать инфузорию-колловратку, чтоб из ее шкуры сделать перчатки. Я глядел в два микроскопа, я видел, как вертелись и носились инфузории. Я даже слышал легкое шлепанье их тел, когда они сталкивались. Мне казалось, что я сам сижу в этом подводном мире.

И эти черненькие перчатки микрорук я считал своими руками — до того они были точно послушны. Я сжал руку в кулак и хотел высунуть его из капли воды на воздух. Я говорю «из капли», но мне она казалась огромным озером, на дно которого я погружен. Я поднял кулак вверх и уперся в тугой прозрачный потолок. Это был тот поверхностный слой воды, который держит на себе иголку, если ее осторожно положить на воду. Этот слой подымался немного, выпучивался под напором моего микрокулака, но не поддавался, как будто прозрачная резина обтянула воду со всех сторон. Я не мог продавить этого слоя, сколько ни тужился. Дело в том, что сила моя уменьшалась, переходя из моих рук в микроруки, она делалась микросилой, пройдя все мои передачи. Но было и обратное: когда микроруки

встречали отпор, ничтожный отпор лапки насекомого, он передавался моим живым рукам, в мои перчатки, будто это была гигантская сила носорога, и я едва мог ей противостоять. Жилы напряживались на лбу, и я тужился в борьбе с клопом, будто стараюсь повалить быка за рога.

Но надо было приниматься за охоту. Я взял микроруками приготовленную мной острогу в три крючковатых зуба и собрался, чтоб вовремя успеть вонзить мое оружие в эту резвящуюся тварь, что носилась мимо, как птица в воздухе. Как голуби-турманы, коловратки кувыркались на лету, казалось резвились и дразнили меня. Я ударял. То есть я сжатыми моими руками, здесь у стола, взмахивал вверх, как бы нанося удар, в моих пустых руках ничего не было, но там под микроскопом в капле воды микроруки сжимали острогу и повторяли мое движение.

Я промахивался, горячился, я задыхался, вспотел в этой борьбе и наконец ударил одну. Но какая она оказалась твердая. Ее оболочка показалась мне шкурой бегемота. Острога скользила, отскакивала, и наконец я набрался сил и уж в полной ярости саданул острой, и на этот раз так ловко и сильно, что вертлявая тварь застряла на зубьях, вертелась, каналья, но уж поздно.

Я весь горел от радости. Я решил передохнуть. Но вот какая-то длинная змеевидная инфузория, как огромный змей, неторопливо подплыла к моим черным кулачкам, которые все еще сжимали острогу. Эта змея-инфузория обвилась вокруг микрорук без всякого ума и злости, каким-то дурацким капризом живой материи. Я почувствовал себя связанным в моих перчатках.

Я не в силах был побороть этой водяной змеи-инфузории; еще момент — и она вывихнет, поломаст мои пальцы. Я почувствовал неистовую боль во всех суставах и едва успел выдернуть из перчаток мои искалеченные пальцы.

Я долго носил руки в гипсе на перевязке. Микроруки оказались поломанными вконец. Я увидел, что у меня не хватит больше энергии и терпения восстановить их вновь. Теперь я только вспоминаю о чудесных годах моей микрожизни.

Теодор Старджон
БОГ МИКРОКОСМОСА

Илл. Б. Диодорова

Это рассказ об одном человеке, который слишком многое мог, и о другом, который слишком многого хотел. Того, кто был почти всемогущ, звали Джемсом Киддером, а второй был его банкиром.

Киддер был ученый и парень хоть куда. Жил он совершенно один на маленьком островке близ берегов Новой Англии. Однако он вовсе не походил на тех страшных ученых гномов, о которых вы, наверное, не раз читали. Он не был ни дельцом, думающим лишь о личной выгоде, ни циничным безумцем с манией величия. Он никому не строил козней и, насколько я знаю, ничего не собирался уничтожать. Он аккуратно стригся, следил за своими ногтями и вообще жил и мыслил, как самый обыкновенный нормальный человек. Он любил уединение, был немного ребячлив, невысок, полноват и блистателен. Его специальностью считалась биохимия. Все называли его мистер Киддер. Не доктор и не профессор. Просто **мистер** Киддер.

С детства был он, что называется, кислым яблочком, да таким и остался. Он не закончил ни колледжа, ни университета, так как считал, что такой путь к науке слишком долг, а главное — слишком истоптан. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что его учителя, может быть, кое-что знают о том, что говорят. Так же относился он к книгам. Он всегда задавал вопросы, порой весьма щекотливые, но последнее его ничуть не заботило. Он считал Грегора Менделя отъявленным лжецом, Чарлза Дарвина — смешным философом, а Лютера Бербанка — очковтирателем. Если он вступал в спор, то не успокаивался, пока его жертва не падала бездыханной. Когда он говорил с человеком, который когда-то что-то знал, он спрашивал, что он знает теперь, и вышибал из него дух. Когда же он говорил с человеком, который еще что-то знает, он просто повторял: «А откуда вы это знаете?» Самым любимым развлечением Киддера было сцепиться с каким-нибудь фанатичным евгеником и публично разделать его под орех. Не удивительно, что люди сторонились Киддера и никогда не приглашали на чашку чая. Он был вежлив, но совершенно не умел угождать.

У Киддера имелось немного денег. На них он арендовал остров и построил там лабораторию. Однако, будучи биохимиком, он не мог копаться только в своем огороде. Поэтому никого особенно не удивило, когда Киддер вторгся в чужую область и усовершенствовал способ массовой кристаллизации витамина В1 — при желании он мог изготавливать его тоннами! Это принесло ему кучу денег. Он купил на них остров и, когда тот перешел в его полную собственность, нанял восемьсот человек, чтобы расширить лабораторию и возвести подсобные сооружения на участке в полтора акра. Затем он занялся исследованием сезали — волокон мексиканской агавы, из которых плетут канаты, — нашел способ их растворять и разорил всю канатную промышленность, изготовив практически неразрывающийся канат из обыкновенной травы.

Вы, наверное, помните публичное испытание этого каната, устроенное Киддером над Ниагарским водопадом? Помните, как от берега к берегу протянули канат, а на нем,

на крюке, остром, как лезвие бритвы, над самой стремниной подвесили десятитонный грузовик? Если помните, вам должно быть понятным, почему теперь все суда швартуются не на якорных цепях, а на канатах не толще простого карандаша, которые можно свернуть в бухточку, как тоненький шланг для поливки сада. Это тоже принесло Киддеру большой доход. Часть денег он потратил на приобретение циклотрона.

После этого деньги вообще перестали для него быть деньгами. Они превратились просто в цифры в маленьких чековых книжках. Кое-что — совсем немного — Киддер тратил на пищу и оборудование, которое ему присылали на остров. Но вскоре и эти расходы прекратились. Банк отправил на гидроплане специального агента, чтобы узнать, жив ли Киддер вообще.

Через два дня агент вернулся в легком трансе от того, что увидел на острове. Киддер был жив, здоров и сам производил для себя превосходную пищу, пользуясь удивительно простой системой синтеза. Банк немедленно обратился к Киддеру с письмом, спрашивая, не согласится ли мистер Киддер в собственных интересах обнародовать тайну своего земледелия без земли. Киддер ответил, что делает это с удовольствием, и приложил к ответу все формулы. В постскриптуме он написал, что давно бы поделился своим открытием с другими, если бы знал, что оно хоть кого-нибудь заинтересует. Он просто не сообразил... Таков был этот человек, благодаря которому совершилась одна из величайших революций второй половины двадцатого века — переход к промышленному производству сельскохозяйственных продуктов. Это открытие сделало Киддера еще богаче. Вернее, его банк. Самому Киддеру на деньги было наплевать.

Однако по-настоящему Киддер развернулся лишь через восемь месяцев после посещения агента. И для биохимика, не имеющего даже звания доктора, развернулся довольно широко. Вот неполный список его открытий.

Промышленный, коммерчески выгодный способ переработки алюминиевых сплавов в вещество, превосходящее

по прочности лучшую сталь. После такой переработки алюминий можно было использовать как структурный металл.

Демонстрационный прибор, который сам Киддер назвал «световым насосом». Его действие основано на том, что свет является формой материи, а следовательно, подчинен законам физики и электромагнетизма. В закрытой комнате к единственному источнику света приближают переменное магнитное поле, образуемое цилиндром «светового насоса», и свет втягивается в него. Затем он проходит сквозь «линзы» Киддера — кольца, поддерживающие постоянное электрическое поле вдоль линий скоростного затвора с ирисовой диафрагмой. За ней находится сердце «светового насоса» — кристалл-поглотитель, удерживающий на своих внутренних гранях до 98 процентов света. При включении такого прибора свет в комнате довольно заметно меркнет. Прошу извинить мой неученый язык, рассказываю как могу, в самых общих чертах.

Синтетический хлорофилл — в любых количествах.

Самолетный винт, при помощи которого можно развить скорость выше звуковой.

Дешевый клей для снятия старой краски. После высыхания он снимается вместе с краской с любой поверхности, как чулок с ноги.

Постоянная реакция расщепления атомов урана с выделением изотопа U-238, который в двести раз активнее старого известного изотопа U-235.

Пожалуй, достаточно?

Сидя на своем маленьком острове, он обладал таким могуществом, которое могло бы сделать его властелином мира. Однако сам Киддер, по-видимому, даже не подозревал этого. Он просто не думал о подобных вещах. Пусть мир сам печется о мирских делах, лишь бы никто не мешал ему проводить свои опыты! Связаться с Киддером можно было только по единственному радиотелескопу особой конструкции, установленному в подвале Бостонского банка. И пользоваться этим радиотелескопом мог только один человек. Сверхчувствительный передатчик отвечал лишь на колебания, присутствующие телу банкира Конэнта. Причем Киддер предупредил

Конэнта, что тот может его вызывать не иначе, как в случае крайней необходимости. Все идеи и патенты Киддера, то есть все, что Конэнту удавалось из него вытянуть, банкир осуществлял под псевдонимами, которые кроме него, не знал никто. Но ученому до этого было мало дела.

В результате открытий Киддера начался поразительно быстрый прогресс, какого до сих пор не знала цивилизация. Его плоды пожинала вся страна, весь мир. Но самый богатый урожай пожинал банк. Он стал даже слишком предприимчивым. Он начал протягивать лапы к чужим пирогам. И чем больше вырастало таких щупалец, тем больше он пожирал чужих пирогов. Прошло совсем немного лет, и банк благодаря оружию, выкованному Киддером, стал почти таким же могущественным, как сам Киддер.

Но только *почти*.

А теперь подождите: прежде, чем продолжать, я хочу заткнуть рот всякой деревенщине, которая сидит, как обычно, где-то в дальнем левом углу и брызжит не переставая, что, мол, все это просто выдумки, что вообще один человек не способен добиться таких успехов в самых разных науках, а тем более какой-то Киддер, и прочее.

Да, я согласен. Скажу даже больше: при всей несомненной гениальности Киддера гений его не был созидательным. В сущности Киддер всегда оставался студентом. Он просто применял на практике то, что знал, то, что видел, и то, чему его учили.

Когда Киддер впервые приступил к работе в новой лаборатории на своем острове, он рассуждал примерно следующим образом:

«Все, что я знаю, я знаю со слов и из книг людей, которые это узнали со слов и из книг других людей, которые в свою очередь... и так далее. Лишь время от времени кто-нибудь натывается на что-то новое. Тогда он или кто-либо другой поумнее использует и распространяет это новое. Однако на каждого человека, открывающего нечто действительно стоящее, приходится более двух миллионов кропателей, которые только собирают и сохраняют сведения о том, что давно уже всем известно. Я бы знал гораздо боль-

ше, если бы мог обойти этот общий закон развития. Ждать счастливой случайности, которая обогатит знания человека, мои знания, — слишком долго! Если бы можно было изобрести машину времени, я устремился бы в будущее и останавливался всякий раз, когда встречал что-то интересное. Но такое путешествие во времени невозможно. Время нельзя обогнать или ускорить его бег. Что же мне остается?

Остается только ускорить развитие интеллекта, чтобы я мог наблюдать за ним и пользоваться тем, что он изобретает. Такое предположение мыслимо, однако вряд ли выполнимо. Легче самому усовершенствоваться во всех областях, чем дисциплинировать разум других людей в нужной мне степени. Это чудовищный труд. Мне такой труд не под силу. И вообще ни один человек с этим не справится.

Ничего не поделаешь. Я не могу ускорить работу своего мозга и тем более мозга других людей. Неужели выхода нет? Быть этого не может! Не знаю как, не знаю когда, не знаю какой, но выход должен быть найден!»

Именно этой проблеме, а не евгенике, не «световому насосу», не ботанике и не атомной физике посвятил себя Джеймс Киддер. Он был практиком, и такая проблема представлялась ему несколько метафизичной. Однако он взялся за ее разрешение с присущей ему дотошностью, пустив в ход все свои специальные познания. День за днем Киддер бродил по острову, в бессильной злобе швыряя раковины в волны морского прибоя и немилосердно ругаясь. Затем пришло время, когда он заперся в своем доме и погрузился в мрачное раздумье. И наконец Киддер лихорадочно принялся за работу.

Он работал в родной ему области — биохимии, сосредоточив все свое внимание на двух ее отраслях: на генетике и животном метаболизме. Он узнал и запечатлел в своем ненасытном мозгу множество вещей, которые не имели ни малейшего отношения к тому, что его интересовало, и совсем мало из того, что ему действительно было нужно. Но он соединил это немногое с тем немногим, что он уже знал или предполагал, и со временем у него по-

добрался целый ряд проверенных фактов, на которые можно было опереться. Он шел самыми необычными путями. В математике это выглядело бы так, как если бы кто-нибудь начал умножать яблоки на груши или строить уравнения, прибавляя к одной его части логарифм корня квадратного из минус единицы, а к другой — знак бесконечности. Он делал ошибки, но только раз ошибся в выборе рода и уже много позднее также один раз ошибся в виде. Он столько просиживал над микроскопом, что у него начались галлюцинации: ему казалось, что его сердце гонит кровь сквозь черную трубку и она пульсирует под стеклом. Чтобы избавиться от наваждения, пришлось на два дня прекратить работу. Киддер не ставил опытов наобум и не проверял свои ошибки. Он предпочитал работать наверняка.

И он добился успеха. Ему везло с самого начала и стало везти еще больше, когда он сформулировал закон вероятности и уточнил его до такой степени, что мог почти безошибочно предсказать, какими опытами стоит заниматься, а какими не стоит. И когда мутноватая слизь на стекле микроскопа начала шевелиться, Киддер понял, что стоит на верном пути. Когда эта слизь сама начала отыскивать себе пищу, он пришел в восторг. А когда она разделилась и через несколько часов снова разделилась, и каждая часть начала расти и делиться в свою очередь, Киддер испытал чувство торжества, ибо он создал жизнь.

Он лелеял, вскармливал и опекал эту жизнь, порожденную его разумом. Он купал ее в волнах различных вибраций, сливал, дозировал и снова разъединял. Каждый новый шаг подсказывал ему, что делать дальше. И вот из его цистерн, пробирок и инкубаторов появились сначала амёбоподобные существа, затем реснитчатые микроорганизмы, затем все быстрее и быстрее он начал создавать их разновидности с глазками, нервными пузырьками и вскоре одержал победу из побед — вывел настоящую, не одно-, а многоклеточную бактерию! Гораздо медленнее он развил из нее кишечнополостные организмы, но когда это удалось, ему уже не составляло труда видоизменять их, наде-

ляя различными органами, каждый из которых имел строго определенное назначение, а главное — передавался по наследству.

Так появились высокоорганизованные моллюскоподобные существа со все более и более совершенными жабрами. В тот день, когда неопишемое создание впервые выползло по наклонному борту водоема, сжало жаберные щели и впервые слабо вдохнуло воздух, Киддер бросил работу, ушел на другой конец острова и напился до безобразия. За хмелем — похмелье и прочее. Но вскоре он снова вернулся в лабораторию и накинулся на работу, забыв о сне и еде.

Киддер свернул на боковую дорожку в науке, и здесь его ждал новый триумф — ускоренный метаболизм. Он извлекал и очищал всевозможные стимулирующие вещества из спирта, кока-колы, героина и прочих наркотиков, придуманных матерью-природой. Подобно ученому, который, изучая свертывание крови, вдруг обнаруживает, что активную роль в этом процессе играет щавелевая кислота, и только щавелевая кислота, Киддер начал отделять ускорители

от замедлителей, возбуждающие элементы от усыпляющих во всех известных ему наркотиках. Полученные экстракты он зачастую пробовал на себе. Так ему удалось попутно найти одну штуку, в которой он чертовски нуждался: бесцветный эликсир, заменяющий сон. Отныне сон стал никчемной потерей времени, и Киддер трудился по двадцать четыре часа в сутки.

Он искусственно синтезировал выделенные им вещества, очистив их от всех ненужных элементов. Далее он подверг их обработке радиацией и вибрацией. В красных кровяных тельцах, введенных в сосуд, где воздух вибрировал со сверхзвуковой скоростью, после их поляризации возникли какие-то свойства, которые в двадцать раз ускоряли сердцебиение подопытных существ. Они ели в двадцать раз больше, росли в двадцать раз быстрее, и умирали в двадцать раз скорее обычного.

Киддер выстроил огромный герметически изолированный зал. Над ним он приказал построить комнату точно таких же размеров, но не столь высокую. В ней разместилась его контрольная лаборатория.

Большой зал был разделен на четыре изолированные секции. В каждой из них Киддер поставил миниатюрные подъемники, деррик-краны и всевозможные станки и инструменты. Люки с глазками соединяли зал с верхней комнатой.

Тем временем в первой лаборатории было создано теплокровное, покрытое змеиной кожей существо с четырьмя конечностями и поразительно быстрым циклом развития: каждые восемь дней — поколение, продолжительность жизни — около двух недель. Подобно ехидне, оно было яйцекладущим млекопитающим. Беременность длилась шесть часов, яйца созревали за три часа, а еще через четыре дня детеныши достигали половой зрелости. Каждая самка откладывала четыре яйца и жила ровно столько, сколько требовалось для выращивания малышей, после того как они вылупливались из яиц. Самцы погибали через два-три часа после спаривания. Эти существа обладали необычайной приспособляемостью. Они были маленькими — не длин-

нее семи сантиметров и не выше пяти, если считать от земли до плеч. Их передние конечности имели по три пальца с большим противостоящим пальцем из трех суставов. Они могли жить только в атмосфере с большим содержанием аммиака. Киддер вывел четыре семьи этих существ и поместил каждую в изолированную секцию большого зала.

Теперь все было готово. Контролируя атмосферу секций, Киддер изменял температуру, влажность, содержание кислорода. Порой, вводя чрезмерное количество какого-нибудь газа, например двуокиси углерода, он морил свои создания, как мух, но те, что выживали, передавали возникающие свойства физической сопротивляемости новым поколениям. Время от времени, чтобы обновить наследственные качества рода, Киддер переносил яйца из одной изолированной секции в другую. В таких условиях, под неусыпным контролем создания начали быстро эволюционировать.

В этом, собственно, и заключалось решение задачи. Киддер не мог ускорить развитие человеческого интеллекта настолько, чтобы тот ответил на все вопросы его ненасытного, невероятного ума. Он не мог ускорить развитие своего собственного разума. И вот он создал новую расу существ, которые развивались с такой быстротой, что вскоре должны были перегнать человеческую цивилизацию. И тогда он начнет у них учиться.

Они были полностью во власти Киддера. Нормальная земная атмосфера отравила бы их, и Киддер сознательно демонстрировал это каждому четвертому поколению, чтобы они не пытались от него уйти. И они не пытались. Они должны были жить, прогрессировать, ставить свои маленькие опыты, ошибаться и находить решения во сто раз быстрее, чем люди. У них были все преимущества людей, потому что ими руководил Киддер. Человечеству понадобилось шесть тысяч лет, чтобы открыть науку, и еще триста лет, чтобы заставить ее по-настоящему служить себе. Киддеровским созданиям, чтобы сравняться с человечеством по умственному развитию, понадобилось всего двести дней. Начиная с этого момента, как доказал Киддер своими нео-

жиданными открытиями, великий Томас Эдисон выглядел по сравнению с ними жалким ремесленником-самоучкой.

Киддер назвал их неотериками и заставил работать на себя. При этом он проявил недюжинную изобретательность. Он никогда не ставил перед неотериками невыполнимых задач и не заставлял их трудиться зря. Это была мудрая политика.

Например, Киддер захотел, чтобы неотерики научились строить убежища из пористого материала. Для этого он создал необходимость в таких убежищах, обрушив на одну из секций неотериков потоки воды, затоплявшие их жилища. Неотерики быстро возвели водонепроницаемые убежища из водостойких материалов, которые Киддер сложил в углу секции. Киддер немедленно опрокинул хрупкие купола мощной струей холодного воздуха. Неотерики возвели новые, которые могли противостоять и ливням и ветру. Киддер так резко понизил температуру, что неотерики не могли к ней приспособиться. Тогда они начали подогрывать свои убежища маленькими очагами. Киддер быстро повысил температуру настолько, что неотерики едва не изжарились. Некоторые так и погибли, но один из мудрецов все-таки додумался, как строить прочные закрытые жилища из трехслойного рубероида, проделывая в среднем слое тысячи отверстий, чтобы создавалась тонкая воздушная прокладка.

Пользуясь подобными приемами, Киддер быстро заставил неотериков создать свою маленькую, но высокоразвитую цивилизацию. Одну из секций большого зала он сделал засушливой, в другой создал очень влажный климат, а затем поднял разделяющую перегородку. Между неотериками двух секций разгорелась показательная война, а в блокноте Киддера появились записи о тактике военных действий и оружии. Затем последовала выработанная неотериками вакцина против простудных заболеваний. Именно благодаря ей эти заболевания сегодня совершенно исчезли. Благодаря неотерикам и президенту банка Конэнту, к которому эта вакцина попала. В один из зимних вечеров Конэнт разговаривал по радиотелескопу таким гнусаво-сиплым

от ларингита голосом, что Киддер послал ему флакон вакцины и раздраженно попросил никогда больше не подходить к аппарату в столь отвратительном состоянии. Конэнт подверг вакцину анализу, и снова счета Киддера начали расти. Счета банка тоже.

Вначале Киддер поставлял каждой секции материалы, которые, по его мнению, могли понадобиться неотеерикам, но когда они достигли такого уровня развития, что могли уже сами производить все необходимое из простейших элементов, он стал давать им только сырье. Способ производства сверхпрочного алюминия был найден после того, как он установил над одной из секций мощный пресс. Нижняя плита пресса, скользя по стенам, начала опускаться со скоростью десяти сантиметров в день. Она грозила раздавить все живое. Под угрозой неминуемой гибели неотеерики в целях самосохранения начали подпирать плиту самыми прочными материалами, какие у них имелись. Но Киддер позаботился о том, чтобы в этой секции были только окись алюминия, минимальное количество прочих химических элементов, вдоволь электроэнергии и больше ничего. Сначала неотеерики возвели двенадцать алюминиевых колонн. Когда эти колонны согнулись и сплющились, они попробовали придать им такую форму, при которой мягкий металл приобретал наибольшую прочность. Это не удалось. Тотчас же они возвели новые подпорки, еще более прочные. И наконец процесс остановился. Тогда Киддер взял одну из колонн и подверг ее анализу. Она была сделана из сверхпрочного алюминия, превосходящего по твердости молибденистую сталь.

Этот опыт подсказал Киддеру, что ему пора изменить обращение с неотеериками и как-то упрочить свое влияние, пока они не сделались слишком изобретательными. Например, его очень интересовали проблемы атомной энергетики, но он боялся доверить крохотным сверхчуженым столь мощное оружие. Сначала он должен был сам увериться, что они воспользуются им точно по назначению. И тогда он ввел культ страха. Малейшее отклонение от полученных свыше указаний немедленно влекло за собой гибель

половины племени. Например, если он приказывал разработать дизельный мотор без маховика, а какой-нибудь хитрец из юных неотериков использовал хоть частицу материала для строительных целей, половина племени тотчас умирала. Разумеется, к тому времени неотерики уже обладали письменностью и, разумеется, писали они на языке Киддера. Экран телетайпа, установленный в застекленном углу каждой секции, был их священным алтарем. Все возникающие на нем приказы должны были немедленно исполняться. В противном случае...

Это нововведение значительно упростило работу Киддера. Отпала необходимость в обходных маневрах. Теперь он мог просто давать любые задания, и какими бы трудными они ни казались, третье или четвертое поколение неотериков так или иначе осуществляло его волю.

Вот несколько выдержек из наставления юным неотерикам, обнаруженного и заснятого Киддером скоростными телескопическими кинокамерами. Поскольку письменный язык неотериков чрезвычайно упрощен, цитаты даются в переводе:

«Каждый неотерик должен подчиняться закону под страхом смерти. Если он ослушается, племя казнит его в целях самосохранения».

«Первая обязанность и цель всего племени, а равно отдельных индивидуумов — выполнение приказов словопечатающей машины».

«Когда машина дала приказ, всякое использование материалов или энергии не по назначению, равно как попытка использовать их для каких-либо иных целей, карается смертью».

«Любая информация, относящаяся к проблеме, подлежащей разрешению, а также все, хотя бы отдаленно связанные с нею опыты и идеи являются достоянием племени».

«Всякий индивидуум, уклоняющийся от участия в работе племени, либо работающий не на полную силу, либо, наконец, заподозренный в одном из этих преступлений, карается смертью».

Таковы были плоды абсолютного господства Киддера. Этот закон произвел на него тем большее впечатление, что он о нем даже не подозревал. Неотерики выработали и развили его совершенно самостоятельно. И это было для них великим благом.

Так наконец Киддер добился осуществления своей мечты. Переходя от телескопа к телескопу в верхней лаборатории, просматривая замедленную демонстрацию фильмов, заснятых его скоростными киноаппаратами, он мог теперь безгранично черпать знания из динамичного и безотказного источника информации. Под ним в огромном квадратном здании, в четырех секциях площадью по две десятых гектара каждая жил и развивался удивительный новый мир. И он был богом этого мира.

Ум Конэнта весьма походил на ум Киддера в одном отношении: идя к цели, он всегда выбирал кратчайший путь, а, как известно, кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. При этом никакие препятствия не играли роли. История его восхождения на пост президента банка была сплошной цепью безжалостных преступлений, единственным оправданием которых было то, что в конечном счете Конэнт добивался своего. Как осторожный и мудрый стратег, он никогда не старался победить противника одной грубой силой численного превосходства. Ловким маневром он обходил его с обоих флангов, окружал и... Случайно попадавшие в кольцо невинные зрители во внимание не принимались.

Так, например, когда Конэнт оттягал у некоего Грэнди участок в тысячу акров и получил все права на чужую землю, это его не удовлетворило. Грэнди был владельцем аэропорта. Он владел им по наследству: аэропорт построил еще его отец. Конэнт оказывал на Грэнди всяческое давление, но тот не поддавался. Тогда Конэнт убедил чиновников городского самоуправления проложить поперек аэродрома канализационный коллектор. Труба была такой величины, что испортила Грэнди весь бизнес. Зная, однако, что тот будет мстить и что, пока он богат, это может быть опасно, Конэнт одновременно изъяс из банка Грэнди

половину фондов и довел банк до краха. Грэнди потерял все до последнего цента и кончил свои дни в лечебнице для умалишенных. Конэнт потом весьма гордился своей предусмотрительностью.

Подобно многим счастливым, ухватившим золотого тельца за хвост, Конэнт потерял чувство меры. Огромная разветвленная организация дала ему столько денег и такую власть, о какой не мог мечтать ни один концерн в мире. Но ему все было мало. Конэнт жаждал денег так же, как Киддер знаний, — ненасытно. Чудовищная пирамида предприятий была для Конэнта тем же самым, что неотерики для Киддера. Каждый из них создал себе особый мир и каждый старался извлечь из своего мира как можно больше — знаний или выгоды. Правда, Киддер при этом беспокоил только своих неотериков. Но и про Конэнта нельзя сказать, что он делал людям одно зло. Он был далеко не глуп, а потому скоро понял, как много значит популярность. Ни один делец не может успешно грабить людей в течение многих лет, если он среди них непопулярен. Но техника завоевания популярности в наше время, слава богу, достаточно развита: стоит ею овладеть — и вы можете делать все, что заблагорассудится.

Единственное, чего Конэнт боялся, и не на шутку, так это того, что Киддер когда-нибудь вдруг заинтересуется делами мира сего и захочет все переделать по-своему. Потенциальных возможностей у него бы на это хватило, не сомневайтесь! Победить на президентских выборах для Киддера было бы все равно, что перевернуться с боку на бок в своей постели. И здесь Конэнт был бессилен. Он мог только связываться время от времени с Киддером по радиотелефону и осведомляться, не нужно ли тому чего-нибудь для его исследований. Такая деликатность Киддеру нравилась. Но вместе с этим, опять же время от времени, Конэнт подбрасывал Киддеру всякие проблемы, которые могли его увлечь и удержать на затерянном островке еще на неопределенное количество дней, недель, месяцев. «Световой насос» был одной из таких выдумок Конэнта. Он предложил

Киддеру пари, что тому подобной штуки не сделать. Киддер сделал.

Однажды вечером Киддер услышал сигнал радиодона. Лениво выругавшись, он отложил киноленту, которую рассматривал, пересек закрытый двор и очутился в старой лаборатории. Радиодон надрывался. Киддер щелкнул тумблером. Пронзительный писк умолк.

— В чем дело?

— Хэлло, — заговорил Конэнт. — Вы заняты?

— Не очень, — ответил Киддер. Пленка была удачной. Скоростные киноаппараты запечатлели искусную работу группы неотериков, синтезировавших каучук из чистой серы. Наверное, он поделился бы с Конэнтом своей радостью, но как-то так получилось, что Конэнт до сих пор ничего не знал о неотериках, а теперь говорить об этом уже было неудобно.

— Мм... послушайте, Киддер, — продолжал Конэнт. — Я тут недавно был в клубе. Собралась компания, целый вечер болтали. Слышал кое-что интересное.

— Что именно?

— Со мной было двое парней, их бизнес энергетика. Знаете, откуда мы получаем энергию? Тридцать процентов дают атомные установки, остальное — гидростанции, паровые турбины и дизели.

— Не знал, — ответил Киддер. В подобных вещах он был невиннее новорожденного.

— Так вот, мы говорили о том, каким должен быть источник энергии будущего. Один из этих парней сказал, что сначала надо его создать, а потом уже обсуждать. Другой заспорил. Я, говорит, не знаю, как он будет называться, но описать его могу. Новый источник энергии должен обладать всеми положительными качествами старых, плюс еще несколькими. Например, его энергия должна быть много дешевле. Он должен быть гораздо мощнее. Должен превосходить все прочее по легкости передачи энергии от источника к потребителю. Улавливаете? Любое из этих достоинств сразу даст новому источнику энергии фору по сравнению с другими. Но я мечтаю о таком источнике, ко-

торый обладал бы всеми этими преимуществами. Как по-вашему, это возможно?

— В пределах возможного.

— В самом деле?

— Попробую.

— Ладно. Держите меня в курсе.

Раздался щелчок — Конэнт повернул выключатель. Он повернул маленький рычажок, установленный Киддером на передней панели прибора только для вида — радиодфон выключался автоматически, когда Конэнт от него отходил. Но этого он не знал. После резкого щелчка выключателя Киддер услышал голос банкира:

— Если он это сделает, — пробормотал Конэнт, — я на коне. А если нет, по крайней мере несчастный идиот не скоро выберется со своего ост...

Вскинув брови, Киддер некоторое время смотрел на умолкнувший радиодфон. Затем его брови насупились, а плечи опустились. Конэнт явно что-то замышлял. Впрочем, Киддера это не беспокоило. Он никому не делал зла. Он никого не трогал. Какого же черта ему опасаться? И он вернулся к своим неотерикам, увлеченный мыслью о новой энергии.

Спустя одиннадцать дней Киддер вызвал Конэнта и продиктовал подробную инструкцию, как установить на радиодфоне экран для дальнего приема изображений. Когда переоборудование было закончено, Киддер впервые в жизни отступил от своего обычного лаконизма.

— Конэнт, — сказал он, — вы упомянули о новом источнике энергии, который превосходил бы все ныне существующие по мощности, дешевизне и легкости передачи энергии на расстояние. Вы сами в это не верили. Думаю, вас заинтересует построенный мною маленький генератор. Он мощен, Конэнт, невероятно мощен. Передача энергии беспроводная. Достаточно маленькой, хорошенькой антенки. Вот, включите экран!

Киддер положил под объектив своего передатчика лист бумаги — на экране Конэнта возник чертеж.

— Это принципиальная схема приемника. Теперь слушайте. Луч энергии так плотен и имеет такую точную направленность, что на расстоянии до двух тысяч миль потери составляют не более трех тысячных процента. Система замкнутая. Это означает, что малейшая утечка энергии мгновенно воспринимается передатчиком, который автоматически увеличивает мощность излучения. Конечно, его мощность имеет пределы, но практически они недостижимы. И вот еще что. Моя малютка может посылать одновременно восемь лучей мощностью по восемь тысяч лошадиных сил каждый. От каждого луча можно отбирать любую необходимую мощность — ее хватит и на то, чтобы перевернуть страницу книги, и на работу двигателей сверхвысотного самолета. Постойте, я еще не кончил. Каждый луч, как я уже сказал, возвращает сигнал от приемника к передатчику. Это позволяет не только контролировать расход энергии, но и направлять ее, куда нужно. Контакт устанавливается один раз — после этого луч никуда уже не отклонится и будет следовать за приемником повсюду. Он может приводить в движение любые суда, самолеты, автомобили, не говоря уже о стационарных установках. Вам это подходит?

Конэнт, который был всего лишь банкиром, а не ученым, смахнул рукой пот с лоснящейся лысины и прохрипел:

— Киддер, до сих пор вы меня никогда не разыгрывали. Я верю. А как насчет стоимости?

— Дорого, — быстро ответил Киддер. — Дороже атомной установки. Но зато никаких линий высокого напряжения, никаких проводов, никаких кабелей, ничего! Принимающее устройство лишь немногим сложнее обычного радиоприемника. Что касается передатчика, то это... мм... не просто.

— Долго пришлось провозиться?

— Нет, — ответил Киддер. — Вы спрашиваете, долго ли? Нет, не очень. Этот прибор был плодом коллективных усилий полутора тысяч высокоразвитых существ, посвятивших его разработке всю свою жизнь... — но Киддер не хотел вдаваться в подробности.

— Конечно, — сказал он, — то, что у меня есть, пока еще только модель.

— Модель?! — Конэнт поперхнулся. — И она дает?..

— Более шестидесяти тысяч лошадиных сил, — весело подтвердил Киддер.

— Боже милостивый! Значит, большая установка... Одного передатчика хватит...

Конэнт на мгновение умолк, потом спросил:

— На каком топливе он работает?

— Ни на каком, — ответил Киддер. — Объяснять сложно и долго. Это новый источник энергии невероятной силы. Он... в общем он очень силен. Его мощностъ такова, что им опасно пользоваться не по назначению.

— Что? — злобно фыркнул Конэнт. — Что значит «не по назначению»?

Киддер изогнул бровь. Конэнт **определенно** что-то замышлял. После второго предупреждения даже Киддер, самый доверчивый из людей, невольно насторожился.

— Я сказал то, что хотел сказать, — спокойно ответил он. — Понять до конца не старайтесь — я и сам-то не все понимаю. Знаю только, что эта чудовищная энергия образуется в результате нарушения равновесия двух взаимно уравновешивающих сил. Эти силы космического порядка. Они создают звезды и расщепляют атомы. Недавно они шутя обратили в пыль спутники Сириуса. С такою силой шутить нельзя.

— Я и не собирался, — пробормотал Конэнт. В голосе его звучала растерянность.

— Приведу пример, — продолжал Киддер. — Представьте себе, что у вас в каждой руке по длинному стержню. Соедините их концами и давите. Пока давление рук направлено точно вдоль оси стержней, сила левой руки будет уравновешивать силу правой. Теперь представьте, что я подхожу и одним пальцем совсем легонько ударяю по месту соприкосновения стержней. Что произойдет? Стержни мгновенно отклонятся от прямой линии, и вы сломаете себе пальцы. Равнодействующая сила возникает под прямым углом от оси двух взаимно уравновешенных сил. Моя энер-

гетическая установка основана на аналогичном принципе. Чтобы нарушить равновесие сил, достаточно ничтожного количества энергии. Когда знаешь как, сделать это несложно. Гораздо сложнее сохранить контроль над возникающей равнодействующей. Это надо уметь. Я умею.

— Мм... понятно.

На несколько секунд Конэнт умолк, потом злорадно завопил:

— Боже спаси и помилуй электрические компании! От меня им милости не будет. Слушайте, Киддер, мне нужен большой передатчик энергии в полную величину!

Киддер хмыкнул в микрофон:

— А не многого вы хотите, Конэнт? Здесь нет рабочих, вы знаете, а сам я не собираюсь возиться с установкой, в которой одна аппаратура весит тонн четыреста-пятьсот.

— Через сорок восемь часов я пришлю вам пятьсот инженеров и техников.

— Вы этого не сделаете, Конэнт. Я не хочу с этим связываться. Зачем? Я никого не трогаю, мне и так хорошо, и я не желаю, чтобы кто-то путался у меня под ногами.

— Послушайте Киддер, не валяйте дурака! Я вам заплачу.

— У вас не хватит денег, — насмешливо сказал Киддер и выключил радиотелефон. Его выключатель сработал сразу.

Конэнт был в бешенстве. Он орал в микрофон и тыкал пальцем в кнопку вызова. Но Киддер на своем острове ничего не слышал. Он оставил визжащий аппарат и ушел в лабораторию. Теперь он жалел, что передал Конэнту схему приемника. Кто же мог знать? Ему так хотелось попробовать, как будет вести себя самолет или автомобиль, питаемый энергией от модели неотеориков. Теперь жалеть поздно. Впрочем, у Конэнта все равно ничего не выйдет. В схеме приемника разберется любой радиотехник, зато схему передатчика им никогда не понять. А модель Конэнт не получит.

К сожалению, Киддер плохо знал Конэнта.

Дни Киддера были заполнены бесконечными исследованиями. Как и его неотеорики, он никогда не спал. Ел он

каждые пять часов и регулярно каждые двенадцать часов по тридцать минут занимался гимнастикой. Он не следил за днями — к чему? В случае нужды год и число он мог бы узнать у Конэнта. Но Киддеру все это было попросту безразлично. Он отрывался от наблюдений только для того, чтобы разработать и поставить перед неоте́риками новую проблему. Как раз в то время его заинтересовали средства обороны. Мысль о них возникла в результате последних разговоров с Конэнтом. Впрочем, причина эта сразу отошла на задний план — Киддера увлекла сама идея. И неоте́рики уже трудились над созданием высокочастотного электрического поля, хотя Киддер и не видел в нем никакой практической необходимости. В самом деле, зачем ему эта незримая стена, убивающая все живое? Его интересовала теоретическая сторона.

Киддер разогнулся и отошел от телескопа, сквозь который наблюдал сверху за работой своих созданий. Здесь, в обширной контрольной лаборатории, он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Ему не хотелось уходить отсюда даже на короткие минуты, отведенные для еды. Каждый раз, отправляясь в старую лабораторию, он грустно прощался со своими неоте́риками, а по возвращении радостно их приветствовал. Слегка посмеиваясь над самим собой, Киддер вышел из здания.

В море виднелась черная точка — в нескольких милях от острова курсом на материк шел могучий корабль. Киддер остановился, глядя на него с глухим беспокойством. По бокам черного тела обозначились две белые полосы пены, судно приближалось. Киддер раздраженно фыркнул, вспомнив о том, как несколько лет назад на остров высадились из любопытства целая орава яхтсменов. Эти бравады кретины замусорили его любимый остров и настолько заморочили ему голову дурацкими вопросами, что он потом несколько дней не мог обрести привычного равновесия. Боже правый, как он ненавидел эту публику.

Неприятные воспоминания породили неприятные ассоциации. Пока Киддер шел через двор, ассоциации сложились в мысли. Сначала он подумал, что было бы неплохо

хо окружить лаборатории каким-нибудь силовым полем и повесить предупреждения для незваных гостей. Вторая мысль была о Конэнте, последнее время он вызывал у Киддера смутную тревогу. Особенно этот разговор по радиофону два дня назад. Строить энергопередатчик на его острове — только этого еще не хватало!

Конэнт поднялся с лабораторного табурета навстречу Киддеру. Долгое время они смотрели друг на друга молча. Киддер не виделся с председателем банка бог знает сколько лет. Один его вид вызывал у него головную боль.

— Хэлло! — жизнерадостно сказал Конэнт. — А вы неплохо выглядите!

Киддер что-то буркнул. Опустив свою громоздкую тушу снова на табурет, Конэнт продолжал:

— Не тратьте время на вопросы, мистер Киддер, я все объясню сам. Я прибыл на маленькой лодке два часа назад. Поганый способ передвижения, но мне хотелось преподнести вам сюрприз. Последние две мили мои парни шли на веслах. Кстати, у вас тут ни охраны, ни черта — таким путем к вам может вломиться кто угодно.

— А кому это нужно? — проворчал Киддер. Чужой голос резал ему уши. Конэнт говорил слишком громко для такой маленькой комнаты, во всяком случае так казалось Киддеру, привыкшему к одиночеству и тишине. Встрепенувшись, он занялся приготовлением своего обычного легкого блюда.

— Кому? Ну-у-у, хотя бы мне, — протянул банкир, вытаскивая металлический футляр с сигарами. — Не возражаете, если я закурю?

— Возражаю! — резко ответил Киддер.

Конэнт добродушно рассмеялся и спрятал сигары.

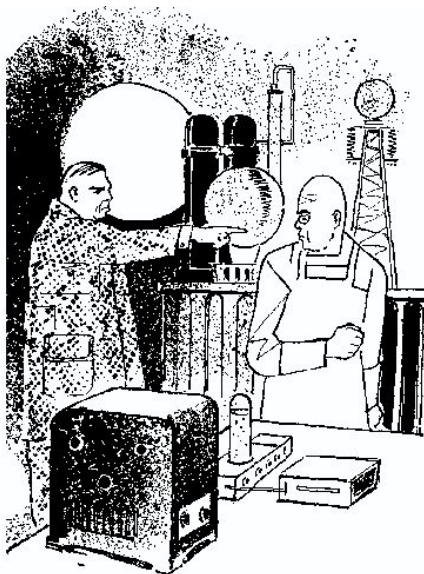
— Ладно, — сказал он. — Я приехал, чтобы уговорить вас. Эту энергетическую станцию надо построить на вашем острове.

— Кажется, радиофон не испортился?

— О нет, но когда я здесь, меня вы не сможете просто выключить! Так как насчет этого?

— Я уже ответил!

— Но вы должны согласиться, Киддер, должны! Подумайте! Подумайте о благе всех потребителей, которые сейчас оплачивают чудовищные счета электрических компаний!

— Плевать мне на потребителей! Почему вы хотите строить именно здесь?

— Ах вот что! Потому что здесь идеальное место. Остров принадлежит вам. Работу можно вести без всякой огласки. Мы построим установку втайне и выпустим вашу птичку на энергетический рынок, когда она оперится. К тому времени остров можно сделать неприступным.

— Нет. Что вы ко мне привязались?

— Никто не будет вас беспокоить. Мы развернем работы на северной половине острова, в миле с четвертью от вас и ваших лабораторий. Кстати, где эта модель передатчика?

У Киддера был полон рот синтетической пищи, поэтому он молча показал рукой на маленький столик, где стояла модель, удивительнейшее сооружение из стали, пласт-

масс и крошечных спиралек. Высотой она была не более четырех футов. Конэнт встал и подошел к столу.

— Работает? Превосходно, — Конэнт облегченно вздохнул и сразу изменил тон: — Поверьте, Киддер, мне это крайне неприятно, но я очень хочу иметь вашу установку. Карсон! Роббинс!

Два индивидуума с бычьими затылками выступили из углов лаборатории. Один из них лениво щелкнул предохранителем пистолета. Киддер остолбенело переводил взгляд с одного на другого.

— Эти джентльмены немедленно исполнят любой мой приказ, Киддер. Через полчаса на остров высадится группа инженеров и монтажников. Они подготовят северную часть острова для постройки установки. В отношении вас они будут действовать точно так же, как я. Вопрос, будете вы нам помогать или нет, уже не имеет значения. Мне безразлично, умрете вы или останетесь в живых. Мои инженеры смогут сами воспроизвести вашу модель в натуральную величину.

Киддер молчал. Он перестал жевать, когда увидел детину с пистолетом, и только теперь проглотил застрявший кусок. Безмолвно и неподвижно сидел он, склонившись над своей тарелкой.

Конэнт направился к двери.

— Роббинс, сможешь унести эту модель? — спросил он, прерывая молчание. Великан спрятал пистолет, легко поднял модель и кивнул.

— Тогда отнеси ее на берег. Там встретишь судно и скажешь мистеру Иогансену, инженеру, что это и есть модель, по которой он будет работать.

Роббинс вышел. Конэнт повернулся к Киддеру.

— ...Нам не стоит ссориться, — сказал он медоточивым голосом. — Вы, я вижу, упрямитесь, но я на вас не сержусь. Понимаю, каково вам! Мы вас оставим в покое, я обещал. Но я *очень* хочу завершить эту работу, и такая мелочь, как ваша жизнь, меня бы не остановила.

— Убирайтесь! — сказал Киддер. Две вздувшиеся вены пульсировали у него на висках. Голос был тих и дрожал.

— Прекрасно! Всего наилучшего, мистер Киддер. Да, кстати! Вы чертовски пронырливый парень. (До сих пор никто еще так не отзывался о научных способностях мистера Киддера.) Вы, конечно, можете взорвать все и выставить нас с острова. Это учтено. И я бы на вашем месте не стал этого делать. Вы получите все, что вам нужно. Уединение? Превосходно. Вас никто не тронет. Но и вы в свою очередь не трогайте меня. Если со мной здесь что-нибудь случится, мои люди разбомбят весь остров. Может быть, им это не удастся. Тогда за дело возьмется правительство Соединенных Штатов. Надеюсь, вы этого не хотите? Бороться с правительством — слишком сложная штука для одного человека. То же самое произойдет, если после моего возвращения на материк установка каким-либо образом будет выведена из строя. При этом вас могут убить. И уж наверняка будут беспокоить, очень беспокоить, все время! Итак, благодарю вас за... мм... понимание и сотрудничество.

Банкир хрюкнул и вышел. Его мрачная горилла последовала за ним.

Киддер долго еще сидел неподвижно. Потом он потряс головой и сжал ее руками. Он был очень испуган. И не потому, что опасность угрожала его жизни: под угрозой была работа, уединение, весь его мир. Страх и растерянность овладели им. Киддер не был дельцом. Он не знал, как себя вести с людьми. Всю жизнь он старался отгородиться от людей и их дел. И когда ему приходилось с ними сталкиваться, он становился похожим на испуганного ребенка.

Немного успокоившись, Киддер начал раздумывать, что будет, если энергоустановку все-таки построят. Последствия представлялись ему довольно туманно. Разумеется, правительство заинтересуется передатчиком. Если... если к тому времени Конэнт сам не станет правительством. Установка представляла собой источник энергии невероятной силы и не только такой энергии, какая приводит в движение колеса.

Киддер встал и поспешил к родному для него миру, обитатели которого могли его понять и защитить. Он сбежал

от людей к своим неотерикам и с головой погрузился в работу.

На следующей неделе Киддер вызвал Конэнта по радиотелефону. Банкира этот вызов удивил. Он пробыл на острове два дня — строительство при нем разворачивалось нормально — и вернулся на материк только после прибытия судна с рабочими и материалами. Главный инженер Иогансен держал с ним постоянную радиосвязь. Ни он, ни его помощники не знали толком, что они строят на острове. Только неисчерпаемые ресурсы банка помогли Конэнту завербовать такого инженера и отборных, опытнейших рабочих.

Впервые увидев модель, Иогансен пришел в экстаз. Он хотел поделиться своим восторгом с друзьями, однако единственный радиопередатчик был связан постоянной настройкой только с личным кабинетом Конэнта в банке, и вооруженные люди банкира, по одному на каждого двух рабочих, имели строжайший приказ немедленно уничтожить любой другой передатчик, если таковой окажется на острове. Вскоре Иогансен понял, что стал пленником. Сначала он пришел в ярость, но потом решил, что быть пленником за пятьдесят тысяч долларов в неделю не так уж скверно. Один инженер и двое рабочих держались на этот счет иного мнения. Через несколько дней после прибытия на остров они начали выражать недовольство. Затем однажды ночью все трое исчезли. Именно в ту ночь на берегу прозвучало пять револьверных выстрелов. Вопросов никто не задавал, и недовольных больше не оказалось.

Когда Киддер вызвал Конэнта, банкир постарался скрыть удивление и заговорил первым своим обычным агрессивнo-жизнерадостным тоном:

— Хэлло! Вам что-нибудь понадобилось?

— Да, — ответил Киддер. Он говорил тихо и совершенно бесстрастно. — Предупредите своих людей. Никто из них не должен пересекать белую черту, нанесенную поперек острова в пятистах ярдах севернее моих лабораторий.

— Предупредить? К чему это, дорогой мой? Я уже приказал ни в коем случае вас не беспокоить.

— Очень хорошо, что приказали. А теперь предупредите. Я окружил лаборатории электрическим полем. Любое живое существо, которое в него попадет, будет убито. А я не хочу брать грех на душу. Если вашим рабочим дорога жизнь, пусть не переступают черту. Скажите им это.

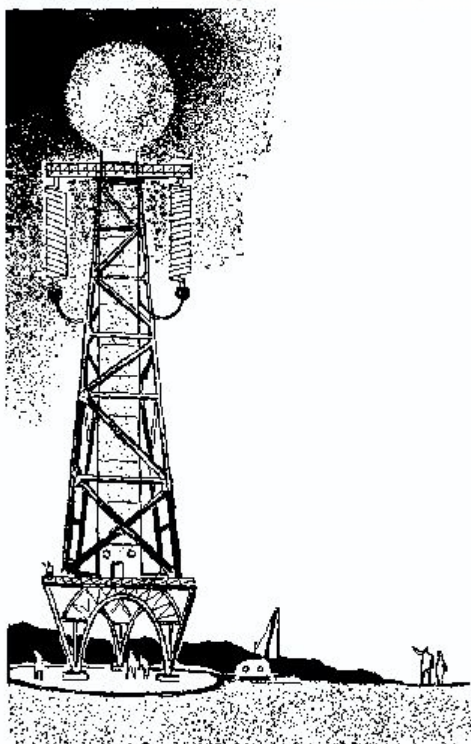
— Послушайте, Киддер! — запротестовал банкир. — Все это совершенно ни к чему! Никто вас не тронет. Зачем...

Но тут он заметил, что надрывается впустую: микрофон был выключен. Конэнт по опыту знал, что вызывать Киддера бессмысленно. Вместо этого он вызвал Иогансена и объяснил ему суть дела. Иогансену оно пришлось не по вкусу, но он просто повторил приказ и отключился. Конэнт вздохнул. Ему нравился этот инженер. На какой-то миг он даже пожалел, что Иогансен уже никогда не вернется с острова. Во всяком случае, живым.

Но Киддер — вот кто начал его беспокоить! Киддер становился загадкой. Правда, пока он заботился только о своей обороне, и в этом не было ничего страшного. Но когда установка заработает, надо будет его убрать. Конэнт не мог допустить, чтобы, помимо него, существовал еще какой-то независимый гений со своими собственными взглядами и убеждениями. Впрочем, Конэнт знал, что пока он не трогает Киддера, ни его честолюбивым планам, ни энергоустановке ничто не грозит. Киддер сам должен был понимать, что до поры до времени ему выгоднее иметь дело с одним банкиром, чем с целой сворой правительственных соглядатаев от науки.

После того как на северной оконечности острова начались работы, Киддер лишь однажды вышел из своей крепости, и то ему пришлось для этого пустить в ход все свои скромные дипломатические способности. Зная силу установки и зная, что произойдет, если ее энергия будет направлена не по назначению, Киддер добился у Конэнта разрешения на осмотр большого передатчика, который к тому времени был уже почти готов. Свое заключение он обещал сообщить банкиру по радиотелефону, когда вернется в лабораторию. Обеспечив таким образом свою безопасность, Кид-

дер выключил защитное поле и отправился на северный конец острова.

Здесь его ожидало внушительное зрелище. Четырехфутовая модель была увеличена почти во сто раз. Массивную башню высотой около трехсот футов сплошь заполняли странные рычаги и удивительные спирали, которые выглядели такими хрупкими в модели неотериков. На вершине башни сверкал полированный шар из золотого сплава — передающая антенна. Она должна была посылать тысячи направленных потоков энергии, от которых тысячи приемников, расположенных на огромном расстоянии, смогут отбирать любую мощность. Иогансен сказал Киддеру, что большая часть приемников уже готова, но поскольку этой сто-

роной дела занимались другие, подробностей он не знает. Киддер облазил всю установку, ощупал каждую деталь и под конец с уважением пожал инженеру руку.

— Я не хотел, чтобы это стояло здесь, — сказал он застенчиво. — Да и сейчас не хочу. Но ваша работа — сплошное удовольствие. Приятно смотреть.

— А мне приятно познакомиться с человеком, который это изобрел.

Киддер вспыхнул.

— Ничего я не изобрел, — сказал он. — Может быть, при случае я вам покажу, кто это сделал. А я... впрочем, будьте здоровы!

Боясь сболтнуть лишнее, он повернулся и зашагал прочь.

— Убрать? — прозвучал над ухом Иогансена голос. Один из телохранителей Конэнта целился в спину Киддера из пистолета. Иогансен ударил его сверху по руке.

— Нет, — сказал он, и полез пятерней в затылок. «Так вот она, эта таинственная опасность с другого конца острова! Не знаю. По-моему, он дьявольски славный маленький человечек!»

В Новом Вашингтоне, в недрах Белого дома, сидели под сводами круглой комнаты пять человек: президент, трое военных и один штатский. Магнитофон, установленный под столом президента, записывал каждое слово. А за две с лишним тысячи миль от них Конэнт склонился над приемником, настроенным на волну передатчика в боковом кармане штатского.

Первым заговорил один из офицеров:

— Господин президент, «сумасшедшие претензии» этого джентльмена вполне обоснованы. Он доказал, что его продукция точно отвечает каждому пункту рекламного проспекта.

Президент взглянул на штатского, потом снова перевел взгляд на офицера.

— Я не спрашиваю у вас отчета, — сказал он. — Объясните коротко, что случилось?

Другой военный нервно вытер лицо большим носовым платком цвета хаки.

— Вы можете нам не верить, господин президент, но это все равно останется правдой. Вот здесь, в чемоданчике, у мистера Райта лежит штук сорок маленьких... если хотите... бомб.

— Это не бомбы, — уточнил Райт.

— Хорошо. Пусть не бомбы. Мистер Райт расплющил две этих штуки молотом на наковальне. Ничего не случилось. Потом он бросил еще две в электрическую печь. Они вспыхнули, как шарики из фольги, и обуглились. Одну штуку мы вложили в снаряд полевого орудия и выстрелили. С тем же успехом.

Военный умолк и посмотрел на третьего офицера. Тот продолжил рассказ:

— Тогда начались настоящие испытания. Одну эту штуку мы сбросили с самолета на полигон и поспешили подняться на тридцать тысяч футов. Отсюда маленьким детонатором, величиной с ваш палец, мистер Райт произвел взрыв. Ничего подобного я в жизни не видел. Сорок акров земли взлетело к нам в небо. Сотрясение было чудовищным, вы, наверное, ощутили его и здесь, за четыреста миль.

Президент кивнул:

— Конечно. Толчок зарегистрировали сейсмографы всего земного шара.

— Воронка достигает в центре четверти мили в глубину. Подумайте, самолет с одной такой штучкой может уничтожить город! И даже не требуется особой точности...

— Просто невероятно! — прервал его другой офицер. — Автомобиль мистера Райта приводится в движение такой же установкой. Он нам показывал. Мы не нашли ни мотора, ни бензобака — только этот приборчик величиной не более шести кубических дюймов. И с такой малюткой его автомобиль, при соответствующей загрузке, потащил за собой средний танк!

— А другие испытания! — взволнованно заговорил третий офицер. — Он поместил одну такую штучку в бункер, копию казнохранилища. Стены были толщиной в двенад-

цать футов из сверхпрочного армированного бетона. Он отошел на сотню ярдов и... и... и обратил бункер в прах! Это даже нельзя назвать взрывом. Какая-то страшная, неисчерпаемая сила забушевала внутри. Стены трескались, рушились, рассыпались в пыль. А стальные балки — фью-ю-ю! — во все стороны, только визг и скрежет! Тогда мистер Райт потребовал свидания с вами. Мы знаем, это против правил, но он сказал, что ему надо сообщить нечто важное и только в вашем присутствии.

— Я вас слушаю, мистер Райт, — настороженно проговорил президент.

Райт поднялся, открыл чемоданчик и вынул небольшой кубик из какого-то светопоглощающего красного вещества. Каждая грань кубика не превышала восьми дюймов. Четверо мужчин за столом опасливо отодвинулись.

— Ваши офицеры, — заговорил Райт, — видели только часть того, что можно делать при помощи этих аппаратов. Сейчас я продемонстрирую вам, с какой тонкостью и точностью они управляются.

Райт повернул миниатюрную ручку на одной из сторон кубика и положил его на край президентского стола.

— Несколько раз вы меня спрашивали, кто изобрел эту вещь — я или некто другой, кого я представляю. Истине соответствует второе предположение. Вам будет также небезынтересно узнать, что человек, управляющий этим кубиком, находится сейчас за несколько тысяч миль отсюда. Он, и только он может предотвратить взрыв, — Райт извлек из чемоданчика детонатор, нажал кнопку, — после того, как я сделал вот это. Ровно через четыре часа кубик взорвется, как тот, что мы сбросили с самолета, и уничтожит весь город со всеми его обитателями. Он взорвется раньше, — здесь Райт отступил и повернул головку детонатора, — если какой-нибудь движущийся предмет приблизится к нему на три фута или если кто-либо, кроме меня, покинет комнату. Мой уход не повлияет. Он взорвется немедленно, если снаружи меня попытаются задержать или убить. Ни одна рука, ни одна пуля не успеет мне помешать произвести этот взрыв.

Военные онемели. Один из них дрожащей рукой отер холодный пот со лба. Двое других замерли, боясь шевельнуться.

— Что вы предлагаете? — хладнокровно спросил президент.

— Условия самые скромные. Мой хозяин по ряду причин желает сохранить инкогнито. Единственное, чего он от вас требует, это обещания беспрекословно исполнять его волю: назначать выбранных им членов кабинета, поддерживать своим влиянием все его начинания. Широкую публику, скажем конгресс и прочее, извещать об этом совершенно не обязательно. Если вы согласитесь, моя «бомба», как вы ее называете, разумеется, не взорвется. Но помните: по всей стране рассеяны тысячи таких «бомб». Сами того не подозревая, вы всегда будете поблизости от одной из них. При первом же ослушании вы будете уничтожены вместе со всем окружающим вас на площади в три-четыре квадратных мили.

— Через три часа пятьдесят минут, — продолжал Райт, — ровно в семь, начнется рекламная передача по радиостанции Южного Колорадо. Прикажете диктору после объявления программы сказать одно слово: «согласен». Его не заметит никто, кроме моего хозяина. А за мной советую не следить: я свое дело сделал. С хозяином я больше никогда не встречусь и не увижусь. Всего наилучшего, джентльмены!

Райт деловито запер свой чемоданчик, поклонился и вышел.

Четверо мужчин в комнате не сводили глаз с маленького красного кубика.

— Вы думаете, он это сделает? — спросил президент.

Трое военных молча кивнули. Тогда президент потянулся к телефону.

Еще один человек невольно подслушал весь этот странный разговор. Сидя за обширным столом в подzemелье банка, в своем святой святых, Конэнт ничего не подозревал. Но за его спиной стоял компактный блок радифона Киддера.

Едва Конэнт вошел, радиодфон автоматически включился, и Киддер на своем острове благословил тот день, когда придумал это приспособление. Еще с утра он сам хотел вызвать Конэнта, но долго колебался. Встреча с молодым инженером произвела на него большое впечатление. Иогансен был настоящим ученым, он отдавался своей работе безраздельно, самозабвенно, и Киддеру впервые в жизни захотелось встретиться с одним и тем же человеком второй раз. Но пригласить инженера к себе в лабораторию он боялся. Узнав об этом, банкир мог уничтожить Иогансена из одного опасения, что Киддер подговорит его испортить передатчик. Тем более, что инженер свое дело на острове уже сделал. Да и самого Киддера могли попросту пристрелить еще по дороге к установке.

Целый день Киддер боролся с самим собой и наконец решил предварительно договориться с Конэнтом. К счастью, он не подал сигнала вызова, а просто нажал кнопку. Тотчас вспыхнула красная лампочка, показывая, что радиодфон Конэнта включен, и Киддер услышал разговор, происходивший за три тысячи миль от острова в комнате президента. Сначала он слушал просто с любопытством, но когда уразумел, что сделали инженеры банкира, его охватил ужас. В миниатюрные футляры они вложили десятки тысяч приемников энергии. Сами по себе эти приемники ничего не значили, но благодаря управлению на расстоянии каждый из них мог сконцентрировать и освободить энергию в сотни или в биллионы лошадиных сил, вырабатываемую огромным передатчиком на острове.

Киддер стоял перед радиодфоном, не в силах произнести ни слова. Как он мог этому помешать? Уничтожить силовую установку? Нельзя. В дело непременно вяжется правительство, остров захватят, и что тогда будет с ним и с его неотериками?

Радиодфон снова ожил: начиналась рекламная передача.

Несколько тактов музыки, мужской голос, перечисляющий тарифы дальних перелетов на стратоплане, затем:

«Говорит радиостанция столицы штата Южное Колорадо». Трехсекундная пауза казалась бесконечной. «Сейчас ровно... ээ... согласен... ровно семь часов пополудни по среднепоясному времени»

Щелчок, тишина, и полубезумное хихиканье — Киддер с трудом узнал банкира. Звякнул телефон. Конэнт отдавал приказания:

— Билли? Все в порядке. Поднимай свою эскадрилью и на остров. Установку не трогай, но все остальное разнеси в клочья. Поспеш. Когда закончишь, сразу улетай.

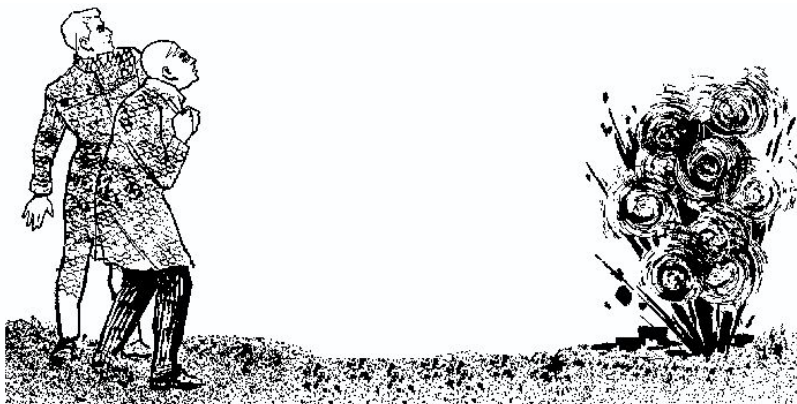
Потеряв голову от ужаса, Киддер заметался по комнате, рванул дверь и понесся через двор. В четверти мили от силовой установки в бараке ютились ни в чем не повинные рабочие. Конэнт в них больше не нуждался и в Киддере тоже. Спасение можно было найти только в самом энергопередатчике, но Киддер не хотел и не мог оставить под бомбами своих неотериков. Он взлетел по лестнице в лабораторию к ближайшему телетайпу. «Создать мне защиту. Непроницаемое поле. Немедленно!» — отстукивали клавиши.

Слова выскакивали из-под пальцев Киддера на упрощенном языке неотериков. Киддер не думал о словах. Он даже не представлял по-настоящему, что он приказывает. Он просто сделал, что мог. Теперь он должен был оставить неотериков и бежать к баракам предупредить людей. По тропинке Киддер устремился к энергопередатчику и, забыв обо всем, перепрыгнул через белую черту — смертоносное поле, убивающее все живое.

Эскадрилья из девяти короткокрылых самолетов взлетела с тайного аэродрома на материке. Шума моторов не было слышно, потому что не было никаких моторов: на каждом самолете стоял маленький приемник. Энергия, передаваемая с острова, несла эскадрилью на почти незримых, поглощающих свет крыльях. Всего через несколько минут самолеты были над островом.

— Сначала бараки, — коротко приказал в микрофон командир эскадрильи. — Сравняйте их с землей. Потом передвинемся южнее...

Иогансен с фотоаппаратом в руках одиноко стоял на холмике в середине острова. Он уже почти не надеялся когда-нибудь вернуться на материк, но тем не менее усердно щелкал затвором, выбирая различные ракурсы построенной им башни. Она ему нравилась, и он продолжал заполнять пленку бесчисленными снимками. Самолеты Иогансен заметил лишь тогда, когда они начали пикировать на остров. Потрясенный, стоял он и смотрел, как дождь бомб обращает бараки в бесформенные груды металла, дерева и человеческой плоти. В памяти его всплыло серьезное лицо Киддера. Несчастный маленький человечек... если они начнут бомбить южную часть острова... А башня? Неужели они уничтожат и передатчик?

Почти с облегчением Иогансен следил, как самолеты, отвернув в сторону моря, выстраиваются для второго захода. Нет, кажется, они продвинулись южнее. Когда самолеты спикировали в третий раз, Иогансен окончательно в этом убедился. Еще не зная, что можно сделать, он повернулся и побежал к лабораториям Киддера.

За крутым поворотом тропинки инженер со всего размаху налетел на маленького биохимика. Лицо Киддера было пунцовым от напряжения. Ничего страшнее Иогансен не видел за всю свою жизнь.

Киддер махнул рукой на север.

— Конэнт! — завопил он, силясь перекричать грохот. — Это Конэнт! Он убьет нас всех!

— А передатчик? — бледнея спросил Иогансен.

— В безопасности. Его он не тронет. Но моя лаборатория... и все эти люди... Что с ними?

— Слишком поздно.

— Может быть, я смогу... Бегите за мной! — крикнул Киддер и устремился по тропинке на юг.

Иогансен бежал за ним. Когда эскадрилья пронеслась над их головами и начала укладывать бомбы на то место, где они только что стояли, коротенькие ножки Киддера замелькали с такой быстротой, что почти слились в неясное пятно.

Выскочив из леса, Иогансен сделал рывок и вцепился в Киддера. Они боролись в каких-нибудь шести футах от белой черты.

— Что?.. Что?..

— Остановитесь же, сумасшедший! Ваше проклятое силовое поле, оно убьет вас!

— Силовое поле? Но я же пересек его, когда бежал к вам! Вот здесь. Постойте. Если я смогу...

Киддер лихорадочно начал что-то разыскивать в траве. Через несколько секунд он подбежал к белой черте, держа в руке большого кузнечика. Киддер бросил его через черту.

Кузнечик не шевелился.

— Видите? — спросил Иогансен. — Он...

— Смотрите! Он прыгает. Вперед! Не знаю, что там случилось, наверное, неотерики выключили поле. Его установили они, а не я.

— Нео... кто?

— Неважно, — огрызнулся биохимик и ринулся дальше.

Задышавшись, вскарабкались они по лестнице в контрольную комнату. Киддер прильнул к телескопу и радостно вскрикнул:

— Они успели! Они это сделали!

— Кто они?

— Мой маленький народец. Неотерики! Они установили непроницаемое поле. Разве вы не видите — оно перекры-

ло силовые линии внешней защиты. Генератор по-прежнему работает, но его токи не могут вырваться наружу. Теперь они спасены, спасены!

И бесстрастный холодный ученый-отшельник заплакал. Иогансен только посмотрел на него с жалостью и покачал головой.

— Конечно, — сказал он. — С вашим маленьким народцем теперь все в порядке. А вот с нами наоборот, — прибавил он, когда потолок над лабораторией вздрогнул от бомбового разрыва.

Иогансен закрыл глаза, стараясь овладеть собой. Любопытство помогло ему заглушить страх. Он подошел к биноклю телескопа и посмотрел вниз. Там не было ничего, только выпуклый купол из какого-то серого вещества. Такого серого цвета он еще никогда не видел. Купол был совершенно нейтральным. Он не казался ни мягким, ни твердым, и долго смотреть на него было невозможно: кружилась голова. Иогансен отвел глаза.

Киддер лихорадочно нажимал на клавиши телетайпа, вглядываясь в желтую телеграфную ленту. Она была пуста.

— Я не могу с ними связаться сквозь это, — всхлипнул он. — Не пойму, что случи... О, понял! Ну конечно!

— В чем дело?

— Поле абсолютно непроницаемо! Импульсы телетайпа не проникают сквозь него, и я не могу приказать им установить поле над лабораторией, над всем островом. Не могу! Теперь эти существа не смогут сделать ничего.

— Рехнулся, — пробормотал Иогансен. — Бедный малый...

И в этот миг телетайп сухо застрекотал. Киддер бросился к ленте, чуть не схватив аппарат в объятия. Он читал по мере того, как выползала лента. Иогансен тоже видел буквы, но ему они ничего не говорили.

— Всемогуший! — запинаясь, читал Киддер. — Будь милостив к нам. Покарай, но выслушай наши слова. Мы нарушили твой приказ и сняли защиту, которую ты повелел воздвигнуть. Мы погибли, о великий! Наша защита действительно непроницаема, она отрезала нас от тебя, и маши-

на, диктующая твою волю, умолкла. Никогда еще на памяти неотериков не случилось подобного. Слово твое всегда было с нами. Прости же нас. Мы ждем твоего ответа.

Пальцы Киддера заплясали на клавишах.

— Теперь можете посмотреть, — прохрипел он. — В телескоп!

Стараясь не думать о неумолимой смерти, воющей над их головами, Иогансен приник к биноклю.

То, что он увидел, походило на неведомую планету: фантастические возделанные поля, какие-то поселения, заводы и всюду живые существа. Все двигалось с немыслимой быстротой. Он не мог разглядеть отдельных обитателей этой земли — перед глазами мелькали расплывчатые розовато-желтые тени.

Пораженный, смотрел он и молчал. Какой-то звук за спиной заставил его вздрогнуть: это Киддер громко захлопал в ладоши. На лице его сияла улыбка.

— Они успели! — воскликнул он счастливо. — Вы видите?

Иогансен ничего не видел. Потом до него дошло, что снаружи царит мертвая тишина. Он бросился к окну. За окном была ночь, непроглядная ночь, хотя до заката было еще далеко.

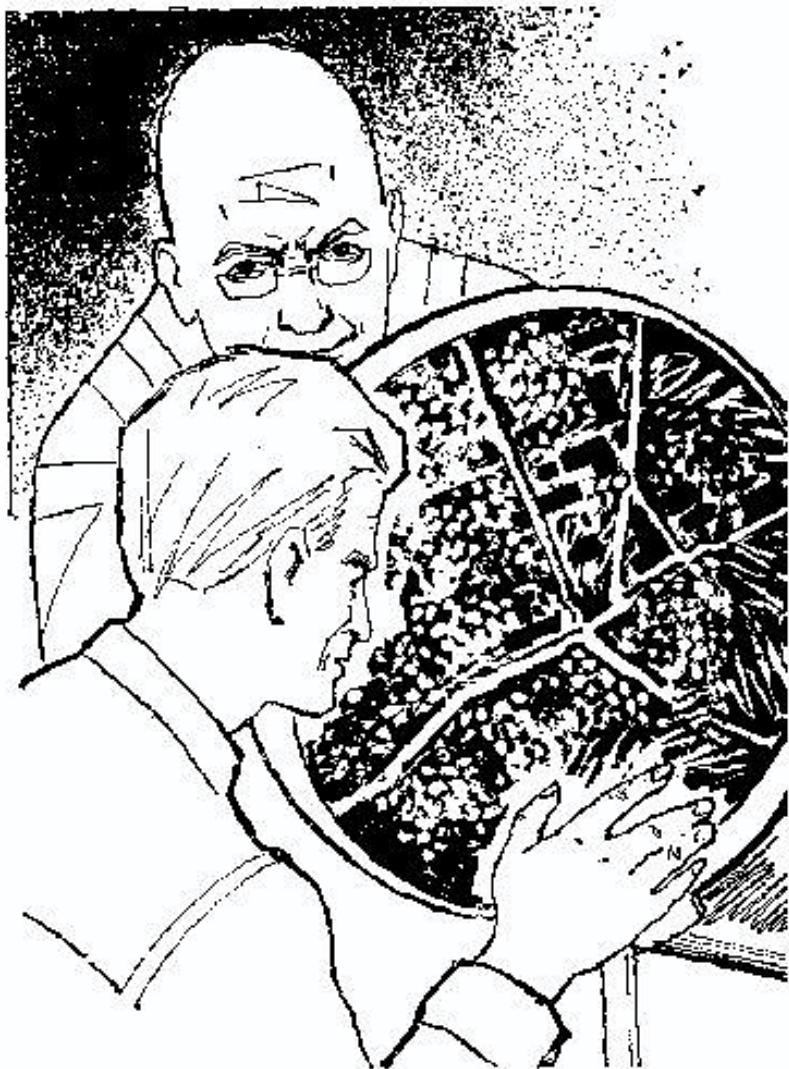
— Что случилось!

— Неотерики, — ответил Киддер и засмеялся, как ребенок. — Мои друзья там, внизу. Они установили непроницаемое поле над всем островом. Теперь нас никто не тронет!

И в ответ на удивленные вопросы Иогансена он начал рассказывать о чудесной расе обитающих внизу существ.

Снаружи тем временем происходило следующее. Девять самолетов внезапно начали падать. Девять летчиков теряли высоту, бессильные что-либо предпринять. Одни сразу упали в море, другие сначала ударились об удивительный серый купол, накрывший весь остров, скользнули по нему и тоже пошли на дно.

На материке в тот же час человек по имени Райт сидел полумертвый от страха в остановившемся автомобиле и

полицейские осторожно подходили к нему со всех сторон, каждое мгновение ожидая смерти. Они ведь не знали, что источник губительной энергии иссяк.

В недрах Белого дома один из офицеров сорвался с места.

— Я больше не могу! — закричал он. — Не могу!

Он сбросил с президентского стола красный кубик и превратил его в кучку безвредного мусора своими начищенными до блеска сапогами.

А еще через несколько дней из подземного кабинета банка вытащили жалкого разбитого старика и отправили в сумасшедший дом, где он и умер некоторое время спустя.

Как видите, поле было по-настоящему непроницаемым. Установка продолжала посылать потоки энергии, но они не могли пробиться наружу и оживить бесчисленные приемники, которые питались ее мощью.

Эта история, наверное, никогда не получила бы огласки, если бы не странные действия военного флота близ берегов Новой Англии. Моряки обнаружили там новую мишень — огромную полусферу из неведомого серого вещества. В течение нескольких лет они бомбили ее, обстреливали из орудий, кромсали всевозможными лучами, крутились вокруг да около, но не смогли даже поцарапать гладкую поверхность купола.

Что касается Киддера и Иогансена, то они так и остались под куполом. У них есть их исследования и неотерики, и этого им вполне достаточно. Обстрелов они не слышали и не чувствовали, поскольку защитное поле действительно непроницаемо. Пищу, свет и воздух они синтезировали из того, что имелось под рукой, а до остального им попросту не было дела. Только они вдвоем и уцелели после бомбардировки; было, правда, еще трое изувеченных рабочих, но эти несчастные вскоре умерли.

Все это произошло много лет назад. Может быть, Киддер и Иогансен до сих пор живы, а может быть, нет — это теперь неважно. Гораздо важнее не спускать глаз с огромного серого купола. Потому что если отдельные люди могут умереть, то расы бессмертны. Неотерики живут. Их бес-

численные поколения сменяют друг друга. Когда-нибудь, достигнув головокружительных высот развития, они снимут свое защитное поле и в один прекрасный день выйдут наружу. И при мысли об этом мне становится как-то не по себе.

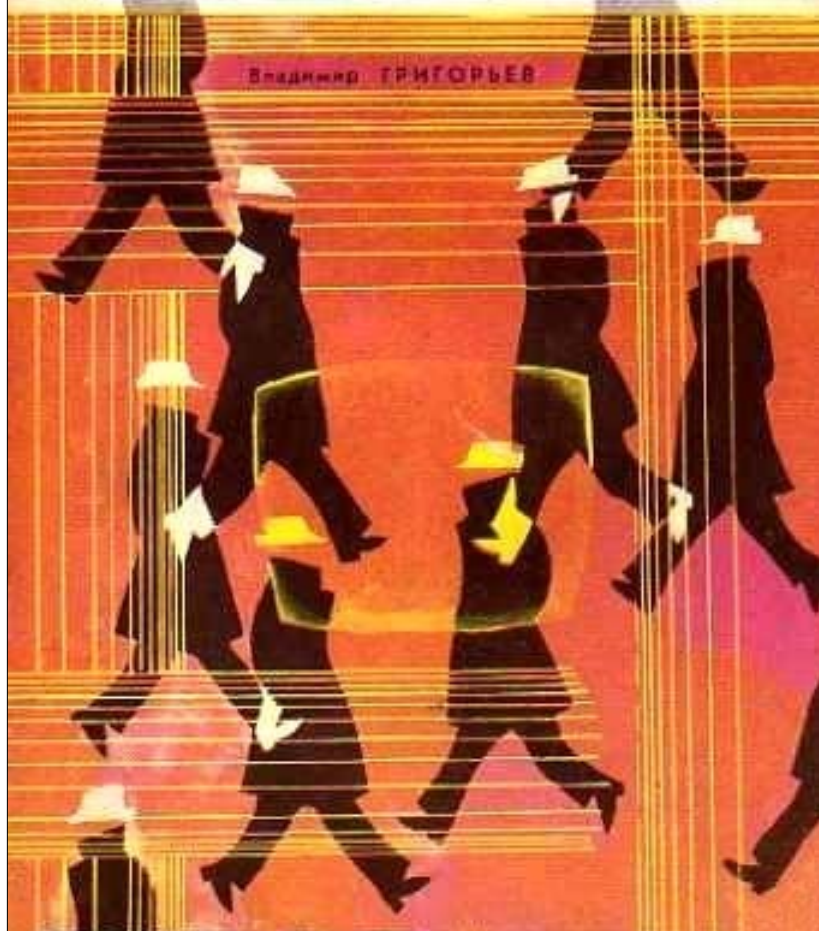
Владимир Григорьев

**ПО ЗАКОНАМ НЕТОЧНЫХ
НАУК**

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

Библиотека советской фантастики

Владимир ТРИГОРЬЕВ

Амебы, инфузории и прочие организмы, коих естественный отбор и борьба за существование довели до микроскопического состояния, были страстью Изюмова, в служебное время почтенного профессора теоретических механик. Ну и что? Другие отдают свой досуг рыбкам в аквариуме, собачонкам, выращивают в комнатных условиях бананы. Профессор же вкладывал свое терпение в этот многообещающий, скрытый от взгляда подавляющего числа людей мир мельчайших животных.

Азарт коллекционера накрепко связал Изюмова с этими подвижными, прожорливыми, но, в сущности, невинными созданиями. Часами он мог рассказывать о повадках и ухищрениях простейших, каждый раз по-новому. И только заканчивался рассказ всегда одной и той же фразой:

— Одноклеточные! И все-то у них богатство — ядро, протоплазма, оболочка. — На этом слове профессор, выдерживая таинственную паузу, обводил присутствующих значительным взглядом и добавлял: — Но все-таки их жизнь во многом похожа на нашу...

— Ну уж... — возражал какой-нибудь поклонник борзых и такс, специалист по коленчатым валам.

— А вы приходите, приходите вечером, — заманивал Изюмов. — Посидим у микроскопа, сами увидите.

Но знакомые почему-то не приходили.

Конечно, такое пренебрежение огорчало и прямо-таки приводило Изюмова в недоумение. Сам-то он не гнушался осматривать всяких диковинных сеттер-шнельклопсов, приходил и на чаепития с бананами домашней выработки. А вот все эти многочисленные соседи и друзья по работе слушать слушали, а чтоб прийти да по-серьезному, по-свойски скоротать вечерок, прильнув к окуляру, — нет, на это их не хватало. Отделавшись шуточками, кое-кто заявлял, что рассказы Изюмова сами по себе исчерпывают тему и что после них у микроскопа нечего делать. А сосед, разводящий уникальную породу хищных саблезубых кроликов, якобы боялся убедиться, что его жизнь не отличается от жизни инфузорий.

— Да поймите, — безуспешно протестовал профессор, — я же фигурально выражаюсь. Так сказать, в порядке рекламы начинания...

Такое поведение друзей профессор оправдывал потребительским характером их собственных увлечений. Банан можно съесть, с умницей шнельклопсом хоть беседуй, гуляя по бульварам, а с саблезубым кроликом Стенькой, перегрызшим глотку соседскому бульдогу по кличке Краб, ходи хоть на самого тигра. А много ли проку от амебы? Умозрительный интерес!

Однако успехи практичных соседей только распаляли воображение Изюмова, и он с еще большим усердием углублялся в тайны мельчайших. Особым вниманием Изюмов окружал породы, выведенные собственноручно. Были и такие.

В его коллекции попадались экземпляры о двух хвостах, с несколькими ядрами или вообще без оных, а также со многими оболочками — порода, наиболее готовая ко всяким случаям жизни.

Самая же замечательная особь народилась в той колбе, что однажды случайно осталась у распахнутого окна. В ней проживали ординарные на первый взгляд туфельки, и мало кто знал об их странной, почти болезненной восприимчивости к изменению условий существования. В обществе двуххвосток они и сами принимали двуххвостовой вид, в дружной компании умудрялись где-то доставать лишние оболочки и опять внешне не отличались от представителей большинства. А попадая в свою колбу, вновь принимали первоначальные очертания.

Незначительный перегрев или, наоборот, переохлаждение могли разом погубить чувствительную особь. А тут Изюмов возьми да и позабуди их у распахнутого окна, в самой гуще сквозняков и температурных перепадов. И теперь следовало ожидать, что гриппозные и прочие эпидемии начнут косить обитателей забытой мензурки.

Изюмов, конечно, крепко перепугался, увидев такую оплошность, и даже не сразу решился взглянуть в окуляр на результаты разразившейся катастрофы. Скорбное чувст-

во невозвратимой утраты захлестнуло душу профессора. Ну ладно еще распотрошить дюжину первоклеток в высших целях научного исследования, от нужных жертв не уйдешь. А вот так, ни с того ни с сего отправить к праотцам целую колонию — срам!

Но то ли ветра принесли с собой особую живительную свежесть, то ли возбуждающие шумы улицы взбодрили впечатлительную натуру жителей колбы, только ни одного скончавшегося экземпляра Изюмов не обнаружил.

Более того, в микроскоп было хорошо видно, что они ведут себя оживленнее обычного, на скоростях прошивая объем мензурки.

— Живучие! — радостно констатировал Изюмов, отрываясь от микроскопа.

Профессор знал, что музыка, например, резко ускоряет работу живой клетки. Под аккомпанемент хорошей, бодрящей музыки клетки уживались там, где и самим вирусам туго приходилось. Но неужели случайное сплетение уличных шумов на какое-то время дало музыкальную гармонию и тем спасло биографию эксперимента от ужасного фишиша?

— Неужели шумы? Музыка трамваев и самосвалов? — соображал Изюмов, на радостях не зная, куда и поставить чудную пробирку. Он тут же засыпал в пробирку лучших шоколадных отрубей «Мокко», облучил нежным ультрафиолетом, под которым, как знал профессор, амебы любили загорать. И несколько радостных слезинок, запутавшихся в стриженной профессорской бородке, ухнули внутрь экспериментального сосуда.

Последнее отрезвило Изюмова — в пробирке инородный состав! Нейтрализовать!

Одним привычным движением профессор облекся в халат, в воздухе мелькнула медицинская шапочка, а на растопыренные пальцы накатила резина перчаток, и он застыл над микроскопом. Одна его рука крутила рычажок настройки прибора, другая нависла над полкой, готовая в нужное мгновение выхватить флакон с жидкостью для нейтрализации.

Однако на сей раз флакону не суждено было опрокинуться над пробиркой. Он так и остался стоять на полке, ибо то, что происходило в недрах колбы, полностью исключало необходимость в нейтрализации. Слезинки, всесторонне облепленные множеством одноклеточных, не теряя своей формы, медленно увлакивались на дно общими усилиями армады амеб.

Профессор Изюмов прянул в сторону и невооруженным глазом уставился на колбу. Это был взгляд человека, заснувшего, скажем, под строгими сводами консерватории, а проснувшегося в дощатом балаганчике гонок по вертикальной стене. Он поплотнее натянул перчатки и снова прильнул к оптике. Сомнений быть не могло. Сваленные в кучу на самом дне слезинки уже замуровывались каким-то изысканно-коричневым веществом. Рецепт вещества профессор определил сразу — отруби «Мокко». Он придвинул к микроскопу киноаппарат, и тот застрекотал, фиксируя редкие в наше время кадры трудового энтузиазма одноклеточных.

А амебы не унимались. Они пересекали пространство пробирки во всех плоскостях без лишней суеты и столкновений. И только одна из них сохраняла невозмутимое спокойствие. Покрытая многочисленными бугорками-щупальцами, она переливалась всеми цветами радуги и царственно колыхалась у самой стенки, как бы позируя перед оптикой киноаппарата. То и дело к ней подлетали другие участники происшествия, притормаживали, секунду колыхались возле, будто выслушивая приказание, затем стремглав мчались обратно, в гущу кипучей деятельности.

— Вот оно что, — задумчиво пробормотал профессор, откидываясь на спинку кресла. — Новый вид. Занесло с улицы. Никому еще не известный образец. Да еще какой. Несущий организующее начало. Ай-ай-ай! — И профессор яростно потирал ладони, расхаживая по кабинету.

Поистине это был день находок и открытий Изюмова. Заполучить такой образец, да так запросто. Да за одну эту колбу он отдал бы все остальные и микроскоп в придачу.

Этот день разом приблизил профессора к долгожданной и, казалось, уже утасяющей цели. Он чувствовал, что новый образец поможет наконец разрешить вопрос, из-за которого он, профессор точных наук, погрузился в эти вечерние созерцания микромира.

Собака радуется и горюет. Жизнь соседских такс и шнелъклопсов неоспоримо свидетельствовала об этом. Хладнокровная рыба тоже знакома с состоянием счастья: недаром в определенный час она бьет хвостом и, серебрясь, вылетает над подсвеченной гладью аквариумов. А вот дальше, ниже по лестнице интеллектуального и физического развития? Жуки, стрекозы, божьи коровки, червяки, насекомые и микробы? Или на некоем уровне малости природа поставила жесткий барьер, за которым море эмоций перестает катить свои пенные валы?

Верный методам точных наук, в значительной части основанных на понятиях величины, стремящейся к нулю, профессор Изюмов и здесь обратился к исчезающе малым организмам. На них вопрос решался принципиально: защищены они от действия эмоций, значит, барьер где-то поставлен.

Но взращенные на питательных бульонах амебы вели себя сдержанно, не выказывая ни радости, ни горя, и единственный, кого это огорчало, был сам Изюмов, но потом он пообвык и стал довольствоваться маленькими радостями коллекционера. И вдруг такое благоприятие!

Амебы, и раньше подражавшие кому попало, теперь взялись за свое с удвоенной энергией. Они круглосуточно толпились вокруг радужного пришельца и нет-нет да и сами поигрывали иными цветами спектра. Дескать, знай наших. Дай время, засияем не хуже других.

Вскоре сияющих радугой представителей стало столько, что Изюмову стоило трудов отыскать родоначальника всего этого явления. Тогда он рассадил весь народец по разным склянкам с таким расчетом, чтобы в каждой из них осталось по одному радужному экземпляру.

Легко было ожидать, что амeбы растеряются. Но нет, в каждом сосуде установилась четкая субординация, а общий

порядок по-прежнему наводил сияющий экземпляр. Изюмов понял, что новое явление бесповоротно утвердилось в быте мельчайших, и тогда снова собрал всех в большое стеклянное ведро.

Недели шли чередой, а амебы и не собирались мешать свои подразделения: теперь каждой склянке соответствовал свой объем ведра. В одном месте начинали возникать постройки с микроскопическими ячейками («жилплощадь!» — понял профессор), в другом месте зазеленела ткань водорослей — там решалась продовольственная проблема. Словом, принципы районирования и специализации утвердились в недрах прозрачного бочонка.

Только иногда все, как по команде, бросали работу, и тогда амебы, собираясь в цепочки, начинали водить столь бешеные хороводы, что у профессора рябило в глазах, а в ведре били ключи и рассыпались фонтанчики, как в закипающем чайнике. Профессор почти не сомневался, что проявление эмоций налицо. И что анатомическое доказательство этого не за горами. Оставалось вскрыть образцы и разыскать нервные центры эмоционального восприятия.

Эффект сияния между тем возрос настолько, что на отдельные экземпляры трудно было смотреть, ломило в глазах. Вечерами, когда с записями в лабораторных журналах было покончено, Изюмов широко открывал окна, выключал свет и покойно устраивался в кресле напротив стеклянного ведра. Водная толща посуды ровно светилась теперь млечным светом, там и сям вспыхивали дрожащие звездочки, и тайные плески вплетались в городские отзвуки, бродящие по затемненной квартире.

Профессор пропускал длинные, задумчивые взгляды через оконный проем, посматривал и на расцветшее в сумерках ведро, пальцы его выстукивали на рукояти кресла октаву за октавой. Что происходит там, в этом тихом омуте, маленьком океане со своими течениями и вихрями? Еще вчера профессор мог твердо ответить: то-то и то, все по известным законам микробиологии. Но за последнее время в душу Изюмова вкралось ощущение, будто существование обитателей ведра наполнялось новым и секретным содер-

жанием. И будто бы стоит только ему, Изюмову, подойти к ведру, все население его тотчас бросает свои главные дела и начинает заниматься чем угодно, только не тем, чем секунду назад.

Настораживало и поведение лабораторного кота Скальпеля. Был кот как кот, и вдруг словно подменили. Стал то и дело крутиться вокруг стеклянного ведра, что-то мурлыкать. А однажды из каких-то дальних подвалов приволок мышь и уложил возле самого ведра. Само собой, амёбы тут же устроили роскошную пляску с фонтанами и родниками. Выгнув спину дугой, Скальпель пожирал взглядом бущующую картину новой стихии.

Инстинктом исследователя Изюмов чувствовал, что дальше медлить нельзя. Нужно действовать, пока ход событий окончательно не вышел из-под его контроля. И после случая с мышью профессор впервые распотрошил несколько радужных образцов, начав тем планомерное исследование внутренностей уникальной породы. Одних он просто резал на мелкие кусочки, добираясь до сокровенных центров амёбной психики, других подвергал воздействию мощного арсенала современного лабораторного оборудования и отпускал обратно. Меченые образцы он крутил на быстрых центрифугах, вводил в радиоактивные лучи, помещал в атмосферу ядохимикатов и так далее. Его особо интересовал вопрос, в какую сторону пойдет развитие участков колонии, где поселялись меченые и отпущенные на волю образцы.

Он брал нужные особи пачками, обрабатывал соответствующим образом и пачками отпускал обратно.

И что же? Не успевали меченые экземпляры оказаться в своем обществе, как к ним подтаскивали какое-то полупрозрачное пятно, цепочка меченых медленно сквозила через него, и все следы действия лабораторного арсенала как рукой снимало.

Что мог поделаться человек в условиях вольного или невольного, но столь упорного сопротивления? Другой бы на месте Изюмова махнул рукой: живите! Но профессор уже

вошел во вкус единоборства, начатое требовало продолжения.

— Наука требует жертв, — сказал он однажды, на цыпочках подбираясь к ведру. Его правая рука сжимала ситечко для отлова образцов.

Да, он решил обезглавить стихийное движение сопротивления, разом изъяв из ведра самых ярких представителей им же возвращенной фауны и флоры. Экономичными, отточенными за годы практики движениями он быстро осуществил план, и сверхтонкий скальпель уже готов был войти в розовое тело первого светляка, но тут произошло непредвиденное. Зашипев, свежеотловленный образец ярко, как лампочка на последнем накале, вспыхнул, и вслед за ним рванули остальные образцы. Едкий дымок коснулся ноздрей Изюмова. От великолепной, лучшей подборки светляков первой величины остались одни лишь тлеющие лохмотья.

Профессор испуганно обернулся к ведру. Почти слившееся с темнотой, оно стояло на прежнем месте, притушив огни до последнего. В его обманчивом спокойствии мнилось что-то угрожающее, карающее. Нервы профессора сдали, он вытер влажный лоб и, шумно задышав, шагнул к окну.

Далеко внизу, на тротуарах улицы, толпился вечерний народ — влекомые по своим траекториям точки. Там, на днище городского парникового лета, мужчины, женщины, дети, продавцы мороженого, разносчики газет, пьющие газировку хозяйки с сумками, холостяки с пакетами в руках, рвущиеся на недозволенные сеансы подростки — с высоты профессорского этажа они теряли различия, точки, следующие по своим делам. Вон вспыхнул, замерцал огонек: кто-то сунул в рот сигарету, вон еще закадил огонек, ни дать ни взять профессорская коллекция, зажигающая вечерние огни. Изюмов даже вздрогнул от этого сравнения. Он инстинктивно обернулся назад. Внутри ведра сиял тонкий пурпурный жгут: это амёбы собрались в единую цепь, выписав литу, как вывеска крендельной, надпись:

«Немедленно покиньте помещение! Вы надоели!»

Первое, что бросилось в глаза Изюмову, когда на следующий вечер он отворил дверь лаборатории, — настужь распахнутое окно. Ведро, опрокинутое набок, лежало на подоконнике. Оно печально звенело под слабым напором ко-
сых струек дождя. Профессор бросился к подоконнику — да, все содержимое уже пролилось в дождевую воронку под окном. Профессор тихо двинулся к креслу. Он сдался.

В этот день Изюмова постигло еще одно разочарование. Лабораторный кот Скальпель бесследно сбежал.

А амебы? Какие сюрпризы преподнесет им новая судьба? Промчавшись по городским трубам, мимо глубоких канализационных колодцев, они вынырнут в каком-нибудь веселом ручейке, среди березовой прохлады или меж омутов и заводей, где медленно плещут налимы. А может, уйдут и в самые моря, океаны, где под вечно голубым небом пенится прибой, а ветра свежее самых свежих ветров большого города.

Георгий Гуревич
ГЛОТАЙТЕ ХИРУРГА

«Своего хирурга глотайте быстро и решительно; чтобы не застрял в горле, запейте водой...»

*Свод Космических Знаний.
т. XVII, Медицина.*

Я отшатнулся. Серебристая блестящая змея проворно скользнула в угол, и, позванивая чешуей, свернулась в кольцо. Кольцо на кольцо, кольцо на кольцо. Мгновенно на уровне моего лица оказалась небольшая головка с матовыми, совершенно бессмысленными глазами. Глаза были пусты, как экран испорченного телевизора, а чешуйки, отражая свет, поблескивали, словно тысячи живых глазков.

— Знакомьтесь, — сказал Проф, — это и есть прикрепленное к вам ису 124/Б/569.

Ису — искусственное существо. На Чгедегде, где полным-полно машин, самых причудливых, даже человекообразных, а живые собеседники могут быть похожи и на ленту, и на стол, и на любую машину, принято, представляясь, объяснять происхождение: кто ты есть, искусственное существо или естественное — есу. Сам Проф был есу, среди его помощников — три есу и три ису, Гилик, мой карманный гид-переводчик — ису. И вот еще одно ису — 124/Б/569.

— Твой лейб-медик, лейб-целитель, лейб-ангел-хранитель, — пояснил Гилик, высунувшись из кармана. — Постарайся завоевать его расположение. Как это проявляют дружелюбие у вас на Земле?

Я нерешительно протянул руку. Как-то неприятно прикасаться к змее, хотя бы и с высшим медицинским образованием. К тому же непонятно было, что пожимать. Рук у змеи я не видел, были только какие-то лопаточки, прижатые к телу.

— Но вы, кажется, брезгаете, господин Человек? — Гилик тут же заметил мою нерешительность. — Вам не понравился облик личного ангела. Вы рисовали его себе в виде прелестной землячки. Но вы же сами объясняли, что у ваших однопланетцев форма тела унаследована от обезьян

— древесных прыгунов. Этому хирургу негде будет прыгать, ему придется, как червяку, вползать во все щелочки, вот он и выглядит, как червяк. Внешность ису определяется назначением, это твердое правило Чгедегды. А во всем нашем Шаровом скоплении самых лучших ису делают на Чгедегде. Я сам родом оттуда.

Это я назвал его Гиλικом. Как полагается ису, у него тоже был только номер, трудно запоминающийся и трудно произносимый. Поскольку он был моим проводником по всем кругам тамошнего неба, я именовал его первоначально Вергилием, потом получилось сокращение — Гилик. Но скорее всего он со своими пси-рожками был похож на чертенка. Этакий маленький, вертлявый, беспокойный, злоязычный и насмешливый карманный бесенок.

Первое время я даже обижался на его шпильки, потом понял, что таково свойство его ума. В погоне за портативностью (а карманный гид-переводчик и должен быть портативным) ему не дали блоков эмоций и центра понимания сложности. Он был вполне логичен, линейно логичен, железно логичен до идиотизма и не уставал удивляться противоречиям Вселенной, материи и человеческой природы — моей. Конечно, я не был последователен и на этот раз. Нуждался во враче, просил врача и отшатнулся, потому что врач был похож на змею.

— На что жалуетесь? — гнусаво протянуло змееподобное.

— Я жалуюсь на старость, — сказал я. — Я старею. Что такое старение? Это спуск с вершины. Моя вершина позади, я с каждым годом становлюсь ниже... по качеству. Мои мускулы слабеют, реакции замедляются, ум становится неповоротливее, я запоминаю меньше, чем забываю. Я ни в чем себя не превосхожу, мечтаю удержаться на вчерашнем уровне, сам себя утрачиваю по кусочкам и не приобретаю ничего, кроме болезней — одной, другой, третьей. Мое завтра неизбежно хуже, чем вчера, вот что самое грустное.

Гилик вмешался и тут.

— Ты должен гордиться, ису, — сказал он змею. — Тебе поручают необыкновенно ответственное дело. Это человек

с планеты Земля — существо особенное, космического значения. Он единственный экземпляр разумников из второй спиральной ветви. Только на нем наши ученые могут изучать биологию того рукава Галактики. Они специально пригласили его с Земли, доставили новейшим ракетным способом, выбрали из трех миллиардов жителей, потому что он лучший из мастеров образного описания своей планеты. Каждое выражение его — находка, каждая строка — открытие, каждая страница — откровение.

— Что ты плетешь? — воскликнул я, хватая болтуна за хвост. — Прекрати это гнусное славословие. Не смей издеваться!

Но он выскользнул, ловко вскочил мне на плечо, зашипел в ухо:

— Тсс, молчи, так надо. Ему не следует знать твоих подлинных параметров. Лейб-ангелов полагается программировать на обожание. Ведь он всю жизнь тебе посвятит. Пусть воображает, что обслуживает исключительную личность.

— Мне необходимо знать строение вашего тела, — прогудел мой змееподобный ангел.

Не без труда вспоминая школьные уроки, я начал:

— Внутри у меня твердый каркас из фосфорнокислого кальция. Называется скелет. Он определяет форму тела, все остальное крепится к нему. Всего в скелете 218 костей. Они соединены между собой жесткими швами или шарнирно, с помощью гибких хрящей...

Несколько странный способ знакомиться — читать лекцию по собственной анатомии. К тому же, как выяснилось вскоре, я не так уж много знал о своих внутренностях. Когда лекция окончилась, я вынужден был предоставить в распоряжение моих целителей капли крови, кусочки кожи и всего себя для просвечивания.

Начиная с этого дня, добрый месяц по земному счету, мы только и занимались моим организмом. Не знаю, как программируется обожание на Чгедегде, но змей вел себя так, как будто действительно преисполнился обожания. Он не отползал от меня с утра и до вечера, терпеливо, со вниманием и с жадным интересом расспрашивал, как я сплю,

что ем, что мне нравится и что не нравится, что меня интересует, что претит, чего не хватает. Это было несколько надоедливо, но не могу сказать, что неприятно.

Со временем мой лейб-ангел далеко обогнал меня в «явлении», изучении моего Я. Правда, я ел, спал и занимался другими делами, подбирал образы для описания чужого мира, а он, не ведая сна и отдыха, неустанно трудился над познанием моей личности, запоминал все слова, которые я обронил случайно, заучивал все анализы наизусть. И вот настал день, когда мне был задан главный вопрос:

— А почему вы заболели старостью, как вы думаете?

— У нас стареют все, — сказал я. — Естественное изнашивание. Всеобщая энтропия. Накопление ошибок. Как сказал поэт: «В этой жизни все проходит, в том числе и жизнь сама».

Проф не согласился, к моему удивлению:

— Да, изнашиваются камни, скалы, горы, здания, машины. Но все это твердое, неподвижное и потому беспомощное. А река не изнашивается, в ней только вода меняется. Мы в нашем Шаровом скоплении считаем, что тело похоже на реку, по которой текут атомы. Жизнь — это авторемонт, преодоление изнашивания.

— А может, накапливаются ошибки ремонта? Энтропия захватывает управление, и авторемонт разлаживается. Рыба гниет с головы. Мозг подводит.

— Это очень просто проверить. Человек, у вас есть на Земле живые существа без мозга? Они бессмертны?

Кто у нас без мозга? Растения? Но одни из них живут тысячи лет, а другие одно лето. Амебы? Эти вообще делятся через каждые полчаса.

— Нет, отсутствие мозга не способствует долголетию, — сознался я. — Не способствует и не препятствует. Самый совершенный мозг у человека, но мы живем дольше большинства животных.

— Может быть, совершенный мозг обеспечивает долголетие?

— Опять не скажешь. Крокодилы, щуки, черепахи долговечнее нас.

— Так, значит мозг не имеет отношения к долголетию?

— Я не знаю.

— И это самый совершенный мозг Земли! — съехидничал Гилик, — Он даже не знает того, что находится в его ведении.

Проф сказал:

— Наши биологи считают, что жизнь вообще не стремится к бессмертию. Для вида важнее не долголетие индивидуума, а быстрое развитие с энергичной сменой поколений. Твоему животному виду, Человек, смена поколений не полезна?

Подумав, я согласился: да, пожалуй, полезна. Умирает устаревшее, отставшее от жизни, консервативное. Уступает место свежим силам, лучше приспособленным к изменившейся обстановке.

— Но конструкторам Чгедегды известно: если машине требуется поворачивать в пути, надо поставить руль. Если организму полезна смена поколений, нужен орган смены, этакий выключатель старости, выключатель жизни.

— По типу реле времени, — вставил Гилик.

Я сказал, что не знаю такого органа.

— Но какие-нибудь переключатели есть у тебя в организме? Вот, например, ты рос в детстве, а потом прекратил расти.

— Такой выключатель известен. Это гипофиз — железа, управляющая другими железами. Когда она больна, вырастают коротконогие карлики или тощие гиганты. А при ее атрофии бывает что-то вроде ранней дряхлости.

Лейб-змей извлек из своей памяти накопленные им сведения:

«Гипофиз — железа под нижними отделами мозга. Размер около полутора сантиметров. Просвечивание показало, что железа связана густой нервной сетью с соседним отделом мозга».

— Он называется гипоталамус, — припомнил я. — Считается, что это центр, управляющий температурой, кислотностью и еще эмоциями — горем и радостью.

— А горе и радость у вас не влияют на старость?

— Горе старит человека, так говорят.

— Пожалуй, здесь и надо искать, — решил Проф. — Запоминай, ису-врач. Твоя цель — разобраться в узле гипофиз — гипоталамус. Записал в памяти? Теперь давай наметим маршрут.

Это было уже в самые последние дни обучения. Затем мой лейб-ангел куда-то уехал, сдал там экзамен по я-ведению, а когда вернулся, Проф сказал:

— Завтра приступим к операции.

Завтра операция! Помню наш прощальный ужин, если можно назвать ужином одновременное питание человека и машины. Я сидел за столом,ковыряя вилкой синтетические блюда, не очень похожие на земные кушанья, и запивал все это напитком, совсем похожим на водку (поскольку этиловый спирт на всех планетах одинаков). А змей, уложив кольца на хвост, заряжал свои блоки один за другим. Металлическое лицо его не выражало ничего, но в голосе — я уже научился различать оттенки — чувствовалось удовлетворение.

— Приятно заряжаться? — спросил я.

— Да, у нас положительная реакция на питание. Все ису запрограммированы так. А вы, есу, иначе?

— Пожалуй, и мы так запрограммированы. Грешен, люблю поесть. И у меня положительная реакция на бутерброд с икрой.

— Экстремально положительная? — он изучал меня до последней минуты.

— Нет, ису, не наивысшая. Для нас, людей, есть вещи поважнее еды. Мы запрограммированы так, что дорога к цели для нас приятнее цели. Есть приятно, но добывать пищу интереснее — ловить, находить, делать своими руками. Пожалуй, самое приятное — побеждать: зверя, противника, самого себя, дали, высоты, неведомое, неподатливое. И чем труднее, тем радостнее победа. Так в работе, так и в борьбе, и так же в любви.

— А что такое любовь? Объясни, Человек.

Немножко захмелел я, иначе не стал бы рассказывать машине про любовь.

— Представь себе, ису, радостное волнение, высочайшее напряжение души, зарядку на полную мощность. Чувствуешь в себе силы сказочные, таланты небывалые. Не идешь, а паришь, горы тебе по колено, розовые облака по плечи. Все краски ярче, все ароматы нежнее, все звуки мелодичнее. В ушах хоралы, чуть-чуть кружится голова...

— Типичная картина психического расстройства. Несоответствие между внешним миром и его отражением. Фотография с передержкой, — это Гилик высунулся из кармана, чтобы вставить свое слово.

— Продолжай, Человек, — сказал змей.

— Я могу продолжать сто лет, но ничего не объясню вам, металлическим. Слепому нельзя растолковать, что такое красный цвет. У нас громадные здания заполнены книгами о любви, и все они ничего не объясняют, только вызывают резонанс. Вот и я, читая о любви, вспоминаю свое: ранний летний рассвет, белесую полоску тумана, невесомое одеяло луга, невнятные тени кустов и бледное лицо девушки, такое доверчивое, такое успокоенное. И в груди столько острой нежности, столько бережливой жалости. Дыхание придерживаешь, чтобы ее не расплескать. Это у меня было, в моей молодости. А тебе вспомнить нечего. Для тебя любовь только слово. Сочетание звуков: «бо-бо-бовь-блям-блям».

— Это ради любви ты хочешь стать молодым, Человек?

До чего же приятно копаться в самом себе! И еще приятнее, что кого-то интересует это копание.

— Нет, ису, не для любви. Точнее, не только для любви. Главное то, о чем я говорил в первый день: главное — перспектива. Хочется, чтобы вершина была впереди, а не позади, чтобы мое будущее было длиннее прошлого. В юности жизнь кажется бесконечной. Мечтаешь обо всем, берешься за все, воображаешь, что успеешь все. Я хотел быть ученым, токарем, летчиком, инженером, астрономом, атомщиком — кем угодно — смотри каталог профессий. Стал выбирать, узнал, что выбор — это отказ, отказ от всего во имя одного. Решил: буду писателем, хотя бы опишу ученых, токарей, летчиков и так далее. И опять узнал, что выбор те-

мы — это отказ от всех остальных. Остановился на науке, захотел написать книгу обо всем — о галактиках, микробах, электронах, слонах, амебах, предках, потомках. Но и этого не успею. Теперь собираю материал для одной подподтемы для книги о вашем Шаровом скоплении. Увы, и тут миллион солнц, десять миллионов планет. А голова уже трезвая и понимает простую арифметику: на знакомство с планетой, самое поверхностное, нужно не меньше месяца. Сколько месяцев осталось мне прожить? Двести? Сто, может быть?

— Следовательно, время — главное для тебя?

— Время и силы, дорогой ису. Пойми всю несправедливость старости: у меня времени меньше, а к. п. д. ниже. На каждый час полновесной работы я должен два часа копить силы. Прибыв на новую планету, с чего начинаю? Ищу, где бы прилечь. Сил должен набраться для новых впечатлений. Набрал, записал, что делаю? Ищу, где бы прилечь. Силы надо накопить для завтрашних впечатлений. В старости жизнь сводится к самосбережению — вот что наисквернейше. А это так бесперспективно — заботиться о себе.

Тут, выдернув все штепсели из розеток, мой змей вытянулся, как на параде.

— Я рад, что мне поручено чинить тебя. Человек. Твои мечты заслуживают одобрения.

Гилик опять высунулся из кармана:

— Не удивительно, ису. Ведь ты запрограммирован на одобрение. У тебя огромный блок одобрения, уважения, почтения, преклонения, поклонения и умиления. Без этого блока ты был бы вдвое короче и вдвое логичнее.

— Возможно, — ответил змей с достоинством. — Тебе этого не понять. В таких тщедушных машинках, как ты, нет места для высших эмоций.

— Завтра ты будешь мельче меня, — отпарировал бесенок и скрылся в кармане, довольный, что последнее слово осталось за ним.

— Можешь начинать свою Книгу обо Всем, — продолжал змей, все так же торжественно вытянувшись. — Обещаю тебе: в порошок разотрусь, но молодость у тебя будет.

А назавтра началась операция, то самое измельчание, на которое намекал Гилик. На Чгедегде эту операцию называют «эхкхоркдх». За неудобопроизносимостью такого слова я предлагаю термин «миллитация», в смысле «деление на тысячу, взятка одной тысячной».

Принцип миллитации таков: во время атомной копки предмета воспроизводится не каждый атом, а только один из тысячи.

Каким способом атомы разбирают, как сбрасывают, как оставляют и соединяют, откуда берут энергию и куда отводят излишки, ничего я вам объяснить не смогу, потому, что для этого надо изложить основы атомно-физической техники Шарового — три объемистых тома. Мне пересказывали их популярно, но я не все понял и боюсь напутать. А как это выглядит внешне, расскажу, поскольку сам был свидетелем.

Мы пришли, а змей приполз в лабораторию, где стоял емкий посеребренный шкаф, весь опутанный проводами и шлангами, с небольшим ящичком на боку. Это сооружение напоминало будку с милицейским телефоном снаружи. Змей заполз в большой шкаф, встал на хвост, свернул кольца и застыл в своей любимой позе. «Надеемся на тебя, ису», — сказал Проф. Змей повернул ко мне свою головку и сказал: «Человек, будь спокоен. Начинай Книгу обо Всем». Проф захлопнул дверцу шкафа, что-то загудело, заныло, зашипело и засвистело внутри, со звоном открылась дверца маленького ящичка, и змей оказался там, но не обычный, вчерашний, а совсем маленький, словно изящная металлическая статуэтка. И, глянув на меня глазами-бусинками, он вдруг пискнул тонюсеньким голоском:

— Селовек, будь спокоен. Насинай обо Всем.

Проф спросил:

— Ису-врач, помнишь ли ты маршрут? Ису-врач, помнишь ли ты задачу?

— Задася — излечить от старости Сеповека. Для этого я обследую...

Такие вопросы задавались, чтобы проверить, не утерялись ли какие-нибудь качества при миллитации, не ускольз-

нуло ли что-нибудь из памяти вместе с выброшенными 999 атомами? Но копия отвечала безукоризненно. Как мне объяснили, обычно машины безболезненно выдерживают уменьшение в тысячи, миллионы и миллиарды раз, поскольку их кристаллы и транзисторы состоят из однородных атомов. Другое дело мы, живые существа, естественные — есу. Наши белки и нуклеины невероятно сложны и своеобразны, нередко один атом играет в них важную роль, например, атом железа в крови. И эти важные атомы могут потеряться при первой же миллитации. Так что метод «эхххоркдх» для нас не годится, для живых существ применяют совсем другой, недавно открытый способ «шаркхра».

Задав еще несколько вопросов, члены комиссии подставили змею белую тарелку. Он проворно скользнул на нее, улегся, блестящим браслетом и пискнул в последний раз: «Надейся, Селовек». Тарелку внесли в большой шкаф, откуда давно уже были отсосаны 99,9% атомов, вновь закрыли посеребренную дверь, опять загудело, заныло, засвистало; звякнув, открылась дверка малого ящичка. На полочке там стояло кукольное блюдечко с металлическим колечком, И колечко то подняло булавочную головочку, что-то просвистело. Приблизив ухо, я уловил: «...дейся».

Помощники Профа, три есу и три ису, поспешно приставили к ушам усилители.

— Ису-врач, помнишь ли ты маршрут?

— Ису-врач, помнишь ли ты задачу?

И, к удивлению, это металлическое колечко свистело что-то разумное и членораздельное.

Белое блюдечко ставят на золотистую тарелку. Гудит, шипит, звенит.

После третьей миллитации я с трудом разглядел волосок на белом кружочке, подобном лепестку жасмина. Голос уже не был слышен, перешел в ультразвуковой диапазон. Проф не спрашивал, экзамен вели специальные ису со слоноподобными ультразвуковыми ушами. А волосок на лепестке отвечал, как разумное существо, о гипоталамусе и гипофизе.

Четвертая миллитация — последняя. Мой доктор уже не виден. Я знаю, что он находится на той белой точке, что лежит на золотой монетке, что лежит на голубом блюде, поставленном на синюю тарелку. Знаю, но как ни таращу глаза, ничего не могу разглядеть. Теперь и ушастые ису ничего не слышат. Разговор ведется по радио. Вместе с приемником включена и телевизионная передача. Иконоскопами в ней служат глаза змея, его оком мы смотрим на микромир, как бы сквозь микроскоп с увеличением в 10 тысяч раз. И в мире этом все не по-нашему. Там дуют ураганные ветры, которые гонят по воздуху целые глыбы и скалы. Некоторые из них ложатся рядом со змеем, одна катится по его тепу. Но он выбирается из-под нее, не поцарапавшись. В мире малых величин иные соотношения между размерами, тяжестью и прочностью.

А глыбы те — обыкновенная пыль. Угловатые черно-серые, с плоскими гранями — пылинки металла. Желто-серые со стекляннным блеском — песчинки, бурые плоские — чешуйки глины, лохматые коричневые и красные канаты — шерстинки моей рубашки. Идеально-ровные бурые шары — капельки масла, шары прозрачные — может быть, капли слюны. Да, вероятно, слюна, потому что в этих шарах плавают прозрачные, как медузы, палочки, бусы и змейки — бактерии, конечно. Рядом с кольцами змея они выглядят, как слизняки или гусеницы.

Пока я рассматривал все это с любопытством, шел экзамен, самый продолжительный из всех. Комиссия настойчиво искала ошибки миллитации.

— Превосходно, энтропия приближается к нулю, — сказал, наконец, Проф. — Действуй, ису.

И опять я услышал:

— Человек, надейся на меня...

— Счастливого пути, друг мой искусственный.

— Внимание, подаем шприц.

Тонкая игла коснулась цветных блюдец. Как я ни старался, никакого движения не смог уловить. А на экране отлично видно было, как к белому блюду приблизилось нечто зазубренное и мозаичное, состоящее из плиток разного

оттенка от грязно-белого до угольно-черного. И когда сре-занный край этого зазубренного подошел вплотную, мы увидели мрачную трубу, наподобие тоннеля метро. Так выглядела для микропутешественника игла обыкновенного шприца. Скрежеща лопатками, скользящими на гладких микрокристаллах, змей решительно двинулся в глубь тоннеля. Мигали вспышки, озаряя экран и слепя нас. То ли змей не мог наладить свои прожекторы, то ли выжигал что-то. Последнее предположение оказалось правильным.

— Не слишком хорошо прокипятили вы шприц, — слышался ворчливый голос. Здесь полно нечисти.

— Ису, продвигайся вперед. Будет еще обработка ядом.

— Подождите, я тут наведу порядок.

— Ису, нельзя ждать до бесконечности. Все равно ток воздуха заносит инфекцию. Человек справится с сотней-другой микробов.

— А я не уйду, пока не наведу порядок. Человеческий организм требует стерильной чистоты.

Вспомнилось, что эту фразу я слышал на Земле в своем доме. От кого? От тети Аси — семнадцатой по счету и самой старательной из семнадцати нянек моего сына. Тетя Ася была помешана на чистоте, вылизывала дом до последней пылинки. Во имя чистоты трижды в день выгоняли меня из кабинета и раза три в неделю из дома. В комнате все блестело, на столе блестело, но письменного стола не было у меня. Я ютился в читальнях со своими черновиками.

— Ты, как тетя Ася, все сводишь к уборке. А дело когда?

— Тетеась, кончай, — подхватил Гилик.

Впоследствии это звукосочетание стало именем змея — Тетеас. Он не обижался, даже гордился, что приобрел, помимо номера, собственное имя, как живой человек. И звучало солидно: «Тетеас», нечто латинско-медицинское, как тетанус, таламус, тонус.

Наконец он уговорился — Тетеас номер 124/Б/569 сказал, что готов к инъекции. Начались обычные лабораторные манипуляции: шприц обожгли ультрафиолетом, мне

обожгли, а после этого смазали синюю жилку на сгибе левого локтя, прицелились иглой... Укол.

— Я в вене. Все нормально, — доложил змей деловито.

— Ну вот, Человек, смотри, каков ты на самом деле. Изучай себя углубленно, — добавил Гилик.

Честно говоря, я побаивался этого момента. К сожалению, я принадлежу к тем людям, которые не выносят вида крови. Меня мутит даже в кино, если на экране показывают хирургический киножурнал. Я заранее содрогался, представляя, как зазубренный тоннель вонзится в мою плоть, будет рвать кожу. Как хлынет ручьем кровь и все травмы появятся на экране с тысячекратным увеличением.

Но я увидел нечто настолько несходное ни с человеком, ни с живым мясом, ни с кровью, что никак я не мог отнести происходящее к самому себе. И в тот момент, и позднее все время я воспринимал экраны и сообщения Тетеаса, как историю приключений в некоем чуждом мире, ко мне не имеющем никакого отношения. Никак не мог почувствовать, что этот странный мир и есть я.

Судите сами: Тетеас плыл в вязком, пронизанном какими-то нитями киселе, наполненном бесчисленными лепешками, слегка вмятыми в середине, темно-красными в свете прожекторов. Толкаясь, переворачиваясь, обгоняя друг друга, все эти лепешки стремительно неслись по трубе, мозаичные стены которой проявлялись на мгновение, когда сам змей натыкался на них. Изредка среди лепешек появлялись полупрозрачные неопределенной формы амебоподобные куски студня, не более одного на тысячу лепешек. И еще время от времени мелькали тупоносые чурочки, отдельные бусы и цепочки бус. Так выглядела моя кровь в глазах-микроскопах Тетеаса. На лепешки были похожи красные шарики — неутомимые почтальоны крови, доставщики кислорода, уборщики углекислоты. Амеб напоминали лейкоциты — строгая охрана больших и малых дорог организма, гроза непрошенных гостей. А чурки, бусы и цепочки — это и были непрошенные гости — бактерии, пробравшиеся в кровь.

Я пишу обо всем этом добрых полчаса, вы читаете около минуты, в действительности прошло несколько секунд. Только-только отзвучал голос Тетеаса: «Я в вене, все нормально»; одновременно я увидел суп с красными лепешками, и тут же Тетеас доложил:

«Прошел сердце, нахожусь в легочной артерии». Еще две-три секунды, тубинги кровепровода приблизились вплотную, открылись трубы поуже, и змей нырнул в одну из них. От этой трубы ответвлялись совсем узкие, как водопроводный стояк. Красные шарики, напирая на впереди плывущих, с трудом втискивали их в эти стояки. Самая форма их менялась, тарелки превращались в валики. И Тетеас сунулся за одной из тарелок, но труба оказалась узкой для него, и, прорвав стенки, он ввалился в пустой просторный мешок. Мне показалось, будто что-то кольнуло под левой лопаткой.

— Черт возьми, доктор, вы порвали легкое своему пациенту. Как он будет дышать теперь? — воскликнул Гилик.

Проф был смущен немножко.

— Конечно, не легкое, попортил стенку одной альвеолы. Капилляр был недостаточно эластичен.

— Ну да, капилляр виноват.

— Вы уж извините, — продолжал Проф, обращаясь ко мне. — Некоторые повреждения неизбежны. Мы же советовались с вами о маршруте, вы не предложили ничего лучшего.

Да, мы не один день обсуждали маршрут проникновения в мой мозг. Прямой и ближайший отвергли сразу — я вовсе не хотел, чтобы мне сверлили череп, оставляли в нем дырочку, хотя бы и тоньше волоса. Ввести пилюли в нос? Но тут Тетеас попадет в передние доли мозга — кто его знает, что он повредит по пути к гипофизу. Я сам предложил привычную инъекцию в вену с маршрутом самым длинным, но и самым безболезненным, по готовым дорогам организма — венам и артериям. Недаром и на Земле важнейшие дороги называют транспортными артериями.

Итак, намечен был такой путь: вена левой руки — сердце (правая половина) — легочная артерия — легкое — ле-

гочная вена — сердце (левая половина) — аорта — сонная артерия — мозг. И вот через минуту Тетеас в легком, и тут же первая травма.

Мое легкое, точнее один из многочисленных пузырьков его, альвеола, выглядело как мягкий мешок с выростами — карманами. Мешок этот то расширялся, то спадал, поскольку, глядя на экран, я хотя и волновался, но все же дышал попутно, наполняя легкие воздухом. При этом в мешок время от времени влетали какие-то обрывки канатов и даже камешки. Потолкавшись в воздухе, они оседали на дне карманов, прилипая к куче мусора, уже накопившегося там за долгие годы дыхания. Оказывается, легкие не умеют проветриваться, так и собирают на стенках всю случайно залетевшую мелкую пыль.

Хорошо еще, что я не курильщик. Заядлый табачник в ужас пришел бы, увидев в своем легком плотный слой желто-коричневой пыли.

— У тебя все в порядке, ису? Тогда продолжай движение, — напомнил Проф. Разрывая капилляр, Тетеас просунулся в ближайший сосудик — на экране он выглядел широкой трубой. Снова замелькали впереди, сбоку, сзади лепешки эритроцитов, все ярко-алые с полным грузом кислорода, и через три-четыре секунды мы услышали: «Все нормально. Я в сердце, в левом желудочке». На этот раз змей не проскочил сердце с ходу.

— Я осмотрюсь немножко, — заявил он, выгребаясь из общего потока.

Я увидел свое сердце изнутри. Мутно-белая стенка выложена многоугольными плитками, словно ванная комната, но не гладкими плитками, а шершавыми, волокнистыми. Впереди, там, где был клапан, плитки сминались складками, вздымались буграми, целыми горами, и бугры эти ходили ходуном, когда клапан приоткрывался, выпуская кровь в аорту. А лепешечки так и плясали вокруг, образуя завихрения, кровевороты, и вдруг, устремляясь вперед, высыпались наружу в аорту, словно зерно из зева комбайна.

Тетеас наблюдал эту картину несколько минут, потом предложил:

— Давайте, я срежу эти бугры. Они на клапане лишние. Жесткие, торчат, мешают потоку крови, совершенно безграмотны с точки зрения гидравлики.

Проф сказал:

— Ису, не отвлекайся. Выполняй свое прямое задание. Ты застрянешь тут на неделю.

— А мне трудов не жалко. Меня послали навести порядок, я и наведу порядок. Неисправный шлюз на главном кровоспуске! Это же скверно.

Пока что испугался я. Впервые почувствовал, какую неосторожность я совершил, впустив в свое тело эту металлическую тетю Асю. Вспомнил, как, бывало, вернувшись после генеральной уборки в кабинете, по неделям разыскивал свои же рукописи в дальних углах шкафа, изучая идеальный «новый порядок», установленный ретивой ревнительницей чистоты. Но тогда я мог хотя бы убежать из дому, спастись в городской читальне. А куда убежишь из своего тела?

Проф был тверд:

— Ису, выполняй прямое задание. Тебя послали сделать человека молодым, следуй по назначению.

— Но пойми, Проф, этот обросший бляхами клапан не сможет снабжать молодое тело кровью, не справится.

— А в старом теле бляхи вырастут снова, и вся твоя работа пойдет насмарку. Ису, начинай с первопричины, не разменивайся на борьбу с последствиями.

После некоторого размышления Тетеас сдался. Логика победила в нем старательность.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Но я еще вернусь сюда.

У меня отлегло от сердца. Я начал думать даже, что идея Тетеаса не так плоха. В самом деле, сколько мы тратим героических усилий, стараясь великанскими нашими руками починить микроскопические прорехи тканей. Сколько мы ражем и рвем напрасно только для того, чтобы добраться ножом и пальцами до больных внутренностей. Ведь для того, чтобы исправить порок сердца, вспарывают кожу и мускулы, перекусывают ребра, сердце прорезают наск-

возь. Нам нужно расширить дверь в комнате, а мы для этого ломаем наружные стены, крушим перегородки, водопровод, телефонную связь. Насколько удобней было бы посылать хирурга внутрь, даже не обязательно такого миниаптурного, как Тетеас. Хирург по сердечным порокам мог бы быть раз в десять больше, хирург по желудочным болезням или по раковым опухолям — даже в сто раз больше. Это уже приближается к возможностям земной техники. Обязательно нужно будет захватить чертежи Тетеаса, когда я вернусь на Землю.

Мой лейб-врач между тем пробирался к выходу из сердца, преодолевая бугорки и бляшки, словно скалы, переплывая застойные заводи карманов, где сонно колыхались попавшие в тупик эритроциты. Но вот и основное русло. Течение все быстрее, стремительнее. Тетеас кидается в густой поток лепешек. Кричит: «Выскочил! Аорта!» Через секунду: «Дуга аорты!» Мелькает темное жерло. «Это, что ли, сонная артерия?» И мчится куда-то вперед и вперед во тьму.

Так совершалось его путешествие по телу. Бросок! Вынесло куда-то. Осмотрелся. Кидается в русло опять. Вынесло, осмотрелся. И снова вниз головой в кисель с красными лепешками.

Ну, куда занесло на этот раз? Темно что-то. Экран померк, и голос не слышен.

— Тетеас, где ты! Молчание.

— Ису-врач, я Проф, я Проф. Тебя не слышим, не слышим. Перехожу на прием. Молчание.

— Затерян в дебрях тела, в джунглях клеток и капилляров, — мрачно сказал Гилик. — Ну, где он? Он же в тебе, Человек. Не знаешь? Тоже мне венец творения!

Весь вечер и весь день после этого я слышал только одно:

«Ису, ису-врач, где ты? Тебя не слышим, тебя не видим. Где ты, где ты? Перехожу на прием».

И ночью, когда полагается спать человеку, Проф или Гилик, или кто-либо из незасыпающих ису, сидел возле меня и, прикладывая шарик антенны к моей голове, шее, затылку, шептал монотонно: «Ису, ису, перехожу на прием». Шеп-

тали, чтобы не помешать моему сну. Все равно я не спал. Как я мог заснуть, когда рушились лучшие мои надежды?

Ведь я уже настроился на молодость. Мысленно распорядился будущими десятилетиями, отобранными у старости, и часами, отобранными у отдыха. Составил расписание. Страсть как люблю составлять расписания. Обдумал предисловие для Книги обо Всем, написал первую страничку.

И вот все идет прахом. Ничего не добившись, еще не разобравшись, даже не дойдя до места назначения, мой целитель теряется, терпит аварию. Хоть бы бляшку с сердечного клапана сорвал, и то был бы толк.

Плакала моя молодость!

И наконец, просто жалко было (не упрекайте меня за эгоизм) мою стальную змееподобную телоправительницу, такую ревностную, преданную, ко мне внимательную, не по-людски бескорыстную. Вот сидит она сейчас в темноте, одна, беспомощная и на помощь не надеется, может быть, знает уже, что жизнь кончена, поломки безнадежны? Так рано погибла, так мало в жизни успела, так ничтожно мало видела хорошего.

Сутки напрасных поисков. Радио молчало, малый рентген не брал такую мелочь, большой рентген для меня был небезопасен. Но вот на вторую ночь я почувствовал, что у меня чешется левая ладонь. Деньги в Шаровом не в ходу, так что я не воспринял этот зуд как благоприятную примету. Часа через два ладонь покраснела, припухла, а потом так начало гореть и дергать, словно кто-то у меня внутри, уцепившись за нерв крючком, старался его порвать. А снаружи ничего: ни царапины, ни ссадины, ни прыщика.

Я поспешил вызвать Профа, сообщил радостно:

— Нарывает. Левая ладонь. Как вы думаете, не могло его занести в левую руку?

Осмотрели схему моего тела. Оказалось, что от дуги аорты совсем рядом ответвляются сонная артерия, идущая в мозг, и левая плечевая, снабжающая кровью левую руку. Стремительно проносясь в токе крови, Тетеас легко мог спутать эти сосуды. («Надо будет повесить указатели со светящимися надписями», — сказал Гилик по этому поводу.)

— Попробуем наладить связь, — сказал Проф.

Он миллитировал иглу и ввел ее, тончайшую, почти невесомую, в самый центр нарывчика (я ахнул от боли). И почти сразу же передатчик, молчавший больше полутора суток, загрохотал на всю лабораторию:

— ...Кусаются, как дикие звери. Они отгрызли антенну, глаза и все, что можно отгрызть. Какой дурак сделал мне эластичные неметаллические тяжи? Боялись, что металл устанет через год, а пластики они перегрызли за день. Алло, алло, да это я, ису-врач 124/Б. Пришлите мне запасные фотоглаза. Да, я чувствую иглу. Наклейте глаза на иглу, я их нащупаю.

— Нашелся! Ура, ура, трижды ура!!!

Глаза были наклеены, игла вошла в нарыв, опять я захрахтел от боли. Тетеас прозрел, но на этом приключения не кончились. Оказывается, в джунглях моего тела, в каком-то закоулке ладони Тетеас вел бой не на жизнь, а на смерть с полчищами амебоподобных лейкоцитов. Уже тысячи их Тетеас раскромсал своими лучами и лопатками, но все новые лезли в драку, обволакивали членики змеиноного туловища, стараясь оторвать и переварить все, что можно было оторвать и переварить. И доктор мой явно изнемогал в этой борьбе.

— Человек, что же ты смотришь? Прекрати немедленно! Это же твоя внутренняя охрана. Отзови ее!

— Но они не подчиняются мне.

Гилик воздел лапки к небу:

— О всезнающий, познай себя для начала.

— Помогите, они залепили мне глаза. Ой, кажется, оторвут!

Проф спросил:

— Слушай, Человек, почему они кидаются так не него?

— Но он же чужеродное тело.

— Слушай, Человек, а как они распознают чужеродное тело?

— Да, да, у них же нет ни глаз, ни ушей, ни носа, — подхватил и Гилик.

— Не знаю, какая-то антигенность есть. Свои белки не принимают чужие.

— Но как они узнают, которые клетки чужие? Как? Как отличают красные шарики от бактерий?

— Знать надо, а потом уж лечиться! — проворчал Гилик.

Проф прекратил бесполезные сетования.

— Слушай, ису-врач, слушай меня внимательно и действуй быстро. У организма человека есть какой-то способ распознавать чужих. Тебя грызут потому, что в тебе угадали чужака. Но своих лейкоциты не трогают. Постарайся замаскироваться под своего. Налови красных шариков, обложись ими, натыкай на все выступы и лопаточки и удирай, тебя пропустят. Позже в дороге разберешься, что там ощупывают лейкоциты. По всей вероятности, есть какая-то группа молекул или часть молекулы, некий отличительный знак, пароль.

Совет оказался удачным. Мы и сами на экране увидели, как неразумно вели себя слепорожденные стражи моего тела. Как только Тетеас унизил себя красными тарелочками, лейкоциты перестали его замечать. Под эритроцитовым плащом-невидимкой он спокойно привинтил себе глаза и антенны, неторопливо отремонтировал ходовую часть и двинулся вперед. И лейкоциты расступились, словно «руки» у них не поднимались на этого агрессора, который уходил, прячась за спины пленников.

Вот где идет война без всяких конвенций — в нашем собственном теле!

И еще я подумал, что в этой войне, где все позволено, наверное, природа уже испробовала все хитрости и контрхитрости. Возможно, некоторые бактерии научились прикидываться своими, приклеивая опознавательные знаки эритроцитов или имитируя их. Не потому ли так заразительна чума для человека, а для животных — сибирская язва? Ведь одна-единственная бацилла сибирской язвы смертельна для мыши. Почему мышинный организм не может побороть одну бациллу? Может быть, потому, что не борется, считает своей клеткой?

А путешествие пока что возобновилось. Чтобы не заблудиться вторично, Тетеас решил не пробиваться в ближайшую вену, а возвращаться к нужному перекрестку назад по артерии, против тока крови.

Путешествие возобновилось, но совсем в ином темпе. Забылись стремительные броски, кидавшие Тетеаса то в легкое, то в сердце, то в руку. Теперь мой доктор медленно полз вдоль стенки артерии, упираясь лопаточками в эпителий. Содрогаясь, он выдерживал бомбардировку встречающих эритроцитов, сыпавшихся сверху словно из мешка. Полз медленно, по миллиметру за минуту, в час сантиметра три, с остановками, сутки от ладони до локтя, еще сутки — от локтя до плеча. Впервые я ощутил всю громадность моего тела. Шутка сказать: по одной руке два дня пути. Обширное государство!

Впрочем, Тетеас не потерял времени напрасно. За эти два дня он разобрался, какие именно группы атомов служат опознавательными знаками для моего организма. Формула записана у меня в книжечке, но для вас она не предкрасных тарелочек он мог повесить на себя маленькие кусочки их тела. Все вместе они так громко кричали «Я свой, я свой!» на биохимическом языке, что встречающие лейкоциты даже отшатывались, минуя Тетеаса.

Для безопасности Тетеас нанизал на себя добрую тысячу кусочков, перепортил тысячу эритроцитов. Мне даже захотелось крикнуть: «Осторожнее, что ты там распоряжаешься чужим добром?» Как-никак мои эритроциты, моя кровь...

Умом-то я понимал, что эта скупость неосмысленная. В теле двадцать пять триллионов эритроцитов, донор жертвует без вреда триллионом сразу, в поликлинике для анализа мы отдаем миллионов сто. Естественным порядком ежедневно умирает четверть триллиона эритроцитов и столько же рождается взамен. Что там скупиться на тысячу, когда счет идет на триллионы? А все-таки жалко. Свое!

Итак, к концу второго дня пути по руке Тетеас вновь достиг развилки артерий: из артерии плечевой выбрался в дугу аорты. Из плечевой выбрался, стало быть, по ошибке вторично попасть туда уже не мог. Столь же неторопливо

пробираясь против тока крови, через некоторое время оказался на следующем кроверазделе. Завернул туда. Удержался от соблазна кинуться в плазменные волны и в мгновение ока очутиться в мозгу. Плыл у самого берега, я подракумеваю стенки сосудов. Отцепившись на долю секунды, тут же хватался за эпителии и ждал, ждал терпеливо, пока Профу не удавалось запеленговать его сигналы, подтвердить, что он движется правильно — вдоль шейных позвонков от ключицы к черепу.

— И ты ничего-ничегошеньки не чувствуешь? — допытывался Гилик. — Ведь эта железная глиста лезет в твой собственный мозг.

Но я не ощущал ничего. Если напрягал внимание, казалось, что в шее легкий зуд. Вероятнее, воображаемый.

— Вступаю в мозговую ткань, — сообщил Тетеас час спустя.

— Ну-с, теперь святая святых, — сказал Гилик. — Мозг! Храм мысли! Картинная галерея воспоминаний и образов. Посмотрим, где у тебя там образ лаборатории, и образ экрана, и на том экране мозг, и в мозгу экран, и на экране мозг, и в том отражении отражение экрана...

Почему-то нравилось ему жонглировать словами. Конечно, ничего такого мы не увидели на экране. Проплывали перед нами подобия амёб, распластанных, как бы приколотых булавками с заостренными отростками различной длины, от которых отходили нити нервных волокон, длиннющие и коротенькие со спиральными завитушками, подходящими к спиральным завитушкам соседних клеток. И это был мой мозг. И не ощущал я, что это мой мозг. И даже не верил, что это и есть мозг, потому что выглядело все это как сборище амёб.

Но Тетеас вскоре дал мне почувствовать, что он действительно в моем мозгу, не в чужом.

Началось с изжоги, но какой! Как будто в желудке у меня затопили плиту и пекут на ней блины. Пламя ползет по пищеводу, выше и выше; ловлю ртом воздух, хочу охладить воспаленное нутро. Но жар побеждает, перехватывает дыхание.

— Проф, пожалуйста, немножечко соды. Неужели нет двууглекислого кальция не всей вашей планете?

Но космический медик лечит меня совсем иначе. Он берется за радиомикрофон:

— Ису Тетеас, все идет правильно, ты в гипоталамусе. Находишься в центре регуляции кислотности. Вызвал повышенную кислотность. Выбирайся скорее, а то наш пациент наживет язву желудка.

Спустя несколько часов Тетеас — в центре терморегуляции. И снова я узнаю об этом по своей шкуре. Мерзнут губы, нос становится твердым и каменно-холодным. Руки и ноги зябнут, одеревеневшие пальцы не подчиняются мне больше, вместо пальцев белые восковые слепки приставлены к кистям. Я даже чувствую, в каком месте приставлены, оно как бы перетянута ниткой. Нитки ползут вверх по рукам и ногам, холод течет по венам в туловище, к сердцу, к голове. Замерзает мозг. Мне видятся отвердевшие борозды, подобные заиндевевшей пашне в бесснежном декабре. Замерзшие мысли, словно снежинки, тихо-тихо, безмолвно оседают на одубевшие валики. Спать, спать, спать!

И почти без перехода лето. Пульс стучит в висках вагонным перестуком, горят уши, горит лицо. Тугие нитки растворяются, кровь мурашками бежит в приставленные кисти рук и ступни. Жаром пышут румяные щеки, горячо глазам, горячо во всем мире. Все звуки становятся напряженно-гулкими, краски насыщенными, а очертания смутными, формы как бы тают в горячем воздухе. Чувства обострены, я вижу невидимое. Вижу, как в моем черепе плещется горячее озеро и на берегу его извилистый Тетеас. Он суетится, разжигая костер, он колет клетки на дрова, щепки летят брызгами, топор тук-тук. Дымят поленья, искры чертят темнеющее сознание. Тетеас, не надо! Тетеас, очень больно!

Просыпаюсь в поту. Слышу встревоженный голос Профа:

— Ису, осторожнее, температура сорок и девять. Человек в бреду, у него мутится сознание. Отметь, что это центр терморегуляции, и покидай его немедленно.

Затем черная меланхолия. Лежу в прострации, глаза полужакрыты, ладони на простыне. Все противно, все гнусно, ничемно и безнадежно. Я сам ничтожный жалкий старикашка, надежды на омоложение беспочвенны. И вообще омолаживать меня незачем, потому что все мысли мои банальны, все слова бездарны, все планы необоснованны. Никому не нужен я ни в космосе, ни на Земле. Единственно разумное — немедленно удавиться. Но я не удавлюсь, не хватит воли и энергии, так и буду прозябать жалко, позорно, гадко.

Почему я скис? Реакция после жара?

Бывало у меня такое настроение в час изнеможения, после тяжелой усталости, часам к десяти вечера, а в последнее время и к шести. Я знаю, умом знаю, мыслям наперекор, что спорить с самим собой не надо, надо выспаться, к утру пройдет. Утро вечера мудренее и жизнерадостнее.

Но обхожусь без сна. Вдруг утро начинается само собой. Мир превосходен и захватывающе интересен. Моя спальня — сад, вся она в гаммах ароматов, песнях шелеста, шороха и перезвона. Я сам молодец, я умница, я все так хорошо понимаю и чувствую. У меня дар сверхсознания, мне открыто истинное величие вещей. Как хорошо любоваться, как хорошо дышать, ходить, стоять на ногах и на голове. А ну-ка встану на голову. Вот так, мах ногами, ступни вытянуты. Получилось! До чего же занятен мир, когда смотришь на него снизу вверх! Восторг! Экстаз! А петть я смогу в такой позе? Ну-ка: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»

Что это я разыгрался? На каком основании? И вспоминается основание. Где-то в мозгу у меня копошится стальной волосок по имени Тетеас. На этот раз он докопался до центра эмоций, до клеток горя и радости. Как раз незадолго до моего отбытия ученые Земли нашли эти центры у крыс и кошек. Научились вводить туда электроды, вызывать наслаждение электрическими импульсами. И подопытные крысы сутками нажимали педаль, включая ток. Жали и жали, отказываясь ото сна, отказываясь от пищи. Нас-

лаждались ничем и падали в изнеможении, упившись ничем.

И вот я в роли подопытной крысы. Я — не я лично, я — марионетка, которую дергают за ниточку. Я рояль, я обязан издавать звуки, когда нажимают на клавиши. Нажали «до» — я веселюсь, нажали «ре» — плачу. На «ми» — жадно глотаю пищу, на «фа» — меня тошнит от сытости, «соль» — мечтаю о женщине, «ля» — спать хочу...

А я не желаю подчиняться. Не «ля», не буду спать!

До! До-диез! До-до-до!

Не рояль. На намерен радоваться. Напрягаюсь. Кусаю губы, чтобы сдерживать дурацкую улыбку. Стараюсь думать о неприятном.

Как скверно, что я пустил к себе в мозг эту бесцеремонную змейку! Теперь я не Человек, я раб ее экспериментов. Кончена разумная жизнь. Попался на приманку молодости, обманули, теперь плачь об утерянной свободе! Ага, я хочу плакать, а не радоваться! Не будет кретинских смешков. Чья взяла?

Голос Тетеаса:

— Есу Проф, докладываю, что клетки центра почему-то теряют чувствительность. На прежние импульсы реагируют гораздо слабее. Повысилось электрическое сопротивление. Может быть, объект устал, опыт надо отложить?

— Ты устал, Человек, хочешь отдохнуть?

Гилик выдает меня:

— Ничего не устал. Это он тужится, чтобы удержаться от смеха. Весь надулся. Я-то чувствую, сидя в его кармане.

— Человек, это очень важно. Значит, ты можешь усилием воли подавить центр радости? Ису Тетеас, надо исследовать, по каким каналам приходит в гипоталамус торможение. Напрягись, пожалуйста, Человек. А теперь расслабься, старайся не гасить радость.

Радуюсь по заказу. Радуюсь по просьбе.

Крыса! Если не рояль, то крыса.

Но вот приходит день, когда Тетеас, пока еще не очень уверенно, объявляет:

— Есть гипотеза. Мне представляется, что я разобрался. Главную роль тут играет центр горя, он и расположен в самом средоточии информации, на перекрестке нервных путей. В момент перенапряжения сильные токи разрушают соседние центры — кислотности, терморегуляции и прочие.

— Это правдоподобно, — сказал я. — У нас считают, что язва желудка болезнь нервного происхождения.

— Еще я заметил, — продолжал Тетеас, — что оболочки нервов здесь особенно тонкие. Похожи на электрические предохранители: вставляется в цепь слабое звено, всегда известно, где перегорит в первую очередь. Видимо, пароксизмы горя пережигают нервную связь мозга с гипофизом, прекращается регулировка желез, а отсюда старческие болезни.

Проф замечает, что такое правило было бы целесообразно и с точки зрения естественного отбора (законы Дарвина действуют на всех планетах). Многочисленные горести означают несоответствие организма внешней среде, его неприспособленность. И природа спешит списать неудачника, чтобы он поменьше жил и поменьше оставил потомства.

— Гипотезу можно принять за основу, — заключает Проф.

— Но ее проверить надо, — говорит Тетеас скромно. — Мне нужно для опыта чрезмерное горе. Я пробовал вызывать его механическим раздражением, но Человек тормозит. Человек, не сопротивляйся! Прошу тебя, помоги мне. Усиль горе. Как ты возбуждаешь себя? Воображением? Вообрази что-нибудь очень горестное.

«Рояль, сыграй печальное! Траурный марш, пожалуйста!»

Я полагал, что мне ничего не стоит вообразить тоску. Воображать — моя профессия. Допустим, я потерял деньги, крупную сумму. Впрочем, деньги — дело наживное. Допустим, я потерял рукопись. Работал пять лет и потерял.

Но тоска почему-то не получается. Я представляю себе, как я сижу, обхватив голову руками, и думаю, что мужество терять не надо. Остались черновики, остались планы, об-

разы, мысли. То, что сочинялось пять лет, за два года может быть восстановлено. Словесные находки забудутся, ну и что ж? Те находки я нашел, найду другие.

— Человек, ты опять тормозишь!

Нет, надо вообразить что-нибудь непоправимое. Что может быть непоправимее смерти? Что может быть огорчительнее для меня лично?

Вот я умираю, лежу на больничной койке. Вокруг стирания белизна больницы, кислый запах лекарств, пролитых на блюдечко. Изможденное лицо жены, постно-меланхолические физиономии прочих родственников, вымученные слова о том, что я сегодня выгляжу гораздо лучше. Внуки, томясь, косятся на часы, прикидывают, сколько еще надо высидеть для приличия, у сына лицо озабоченное, притворяться ему не надо, забот свалится предостаточно: паспорт сдавать, справку получать, венки заказывать, мамочку утешать, поддерживать. Жена плачет искренне, со мной уходит ее самостоятельная жизнь, уходит в прошлое, в воспоминания. Теперь она будет бабушкой при внуках, придатком к семейству. За ней суровое лицо медсестры; сестра недовольна, кажется, этот больной затеял умирать ночью, на дежурстве не поспишь. О чем думаю я? Ни о чем. Я дышу, вкладывая усилия в дыхание, во вдохи и выдохи. Что-то клокочет, царапает, давит, душит, но я дышу, уповая (единственная мысль), что потом будет легче.

— Человек, ты мне не помогаешь ничуть.

Да, верно, тоски я не ощущаю. Подавляет профессионализм — я занят подыскиванием слов. Оказывается, не то у меня воображение: нужно артистическое вживание в образ, а я воображаю, как неприятное выглядит, какие слова подобрать для описания. Гилик говорит:

— Слабовата фантазия у этих хилых фантастов. Я бы надеялся больше на физические действия. Если дать пошее как следует, он огорчится сильнее.

И эти инквизиторы всерьез начинают рассуждать, какую боль мне надо причинить, чтобы пронять до глубины гипоталамуса. Достаточно ли пощечины? Или содрать кожу?

Или лучше обжечь? И какого размера ожог даст необходимый эффект?

А я соглашаюсь на мучительство. Сажусь в кресло пыток и отдаю им свою левую руку, как Муций Сцевола. Скорее как христианский мученик, всходящий на костер во имя второй, загробной жизни. Я же надеюсь получить вторую молодость, подлинную, полнокровную, и употреблю ее со смыслом. Говорят: «Если б молодость знала, если б старость могла». Я уже знаю, чего хочу, а кроме того, смогу.

Дикая боль. Это Гилик прижег меня раскаленными щипцами. Раскалил и прижег, как заправский чертенок в аду.

Фух! Отдуваясь, оттираю пот со лба. Дую на ожог.

— Что же ты улыбаешься, Человек?

— Извини, Проф, я подумал, что самое скверное позади. И за это предстоит приятная молодость. И еще я думал, как я на Земле начну омолаживать. Сколько радости будет! Как я жене скажу: «Ну, как, матушка, хочешь быть восемнадцатилетней?»

— Ису 124/Б, ты получил нужный эффект?

— Кратковременный и непрочный, — отвечает Тетеас.

— Без членовредительства не обойтись, — говорит кроважадный Гилик. — Давайте руку отрубим или вырвем глаз.

Проф предпочитает вернуться к моральным несчастьям.

— Ну, вообрази что-нибудь очень скверное, Человек. Представь себе, что наши опыты провалились, надежда на молодость лопнула.

Я сказал, что они смертельно надоели мне со своими опытами, я готов обжечь руку вторично, лишь бы они отвязались от меня раз и навсегда.

А потом пришел тот страшный день, 23 марта по нашему земному календарю.

Они явились ко мне раньше обычного — Гилик и Проф со всеми своими помощниками — естественными и искусственными. На лицах у естественных я уловил выражение старательного сочувствия. У ису, само собой разумеется, выражения не было, на их физиономиях нет лицевых мускулов. Проф начал какой-то туманный разговор о некоторых

обстоятельствах, которые бывают сильнее нас, и о том, что каждый исследователь должен ограничить себя, чтобы результаты, хотя бы и не окончательные, наступили своевременно, что я, наверное, наметил себе срок пребывания в Шаровом и надо бы привести планы в соответствие с этим сроком...

— К чему вы клоните? — спросил я, — Не выходит с молодостью? Так и скажите. Ну и не будем тратить время.

И тут влез этот чертенок Гилик-переводчик.

— Не тяните. Проф. Человек — взрослый человек, он умеет переносить удары. Суть не в опытах, Человек. Суть в том, что налажена связь с твоей Землей. Получены известия. Плохие. У вас там атомная война.

— А Москва? А мои?

— Сам понимаешь... Кратер...

Все перегорело. Зачем тогда жить?

— Ты, Человек, не торопись с решением, — сказал Проф.

— Ты подумай, как тебе действовать. Если хочешь, оставайся с нами, если хочешь, вернешься позже, когда твои соземляне образуются.

— Нет.

Ни минуты нельзя было терять, ни секунды.

— Давайте составим радиogramму в Главный Звездный Совет. Пусть мне дадут энергию, самую грозную, которой у вас режут пространство и гасят звезды. Я наше Солнце погашу на время. Только потрясением можно остановить войну сразу. Пишите!

И в ответ услышал глуховато-гнусавое:

— Спасибо, есть нужный эффект. Можно снимать напряжение. Скажите ему, что это был опыт гореобразования.

...Как я бушевал! Гилика я выкинул за окно, живое существо разбилось бы насмерть на его месте. Профа загнал под кровать, он у меня там икал от страха. Я бился головой об стенку, очень уж мне хотелось, чтобы стало мутрно этой спирохете, засевшей в моем мозгу. Только одно меня утешало: как хорошо, что все это вранье!

Итак, Тетеас получил нужный эффект. Издевательский опыт подтвердил его гипотезу. Действительно, токи силь-

ных огорчений разрушали близлежащие клетки и нервную проводку, а частности ту, которая управляла работой гипофиза. Задача состояла в том, чтобы восстановить мертвые клетки. Тетеас составил проект капитального ремонта, там была и пересадка нейронов и замена аксонов проводками. Но думаю, что подробности не представляют интереса, у каждого человека все это устроено по-своему. Проект обсуждался довольно долго. Наконец Тетеас получил «добро» и приступил к манипуляциям.

Признаюсь, я был несколько огорчен даже, когда, проснувшись на следующий день, по-прежнему увидел в зеркале седые виски и морщины. Умом-то я понимал, что волшебного превращения быть не может, но очень уж хотелось уловить явные приметы обновления. И в первые дни я подходил к зеркалу ежечасно, вглядывался, отходил разочарованный. Потом отвлекся, забыл, перестал следить... а приметы появились.

Омоложение шло, как и старение, медленно, вкрадчиво, но в обратном направлении. Старая, я терял, сейчас — приобретал утерянное. Год назад, пройдя десять километров, лежал в изнеможении, а сейчас и двадцать — пустяки. Месяц назад проработал лишний час, лег не вовремя, голова болит поутру. А тут ночь просидел, сунул лицо под кран, и начинай сначала. Заблудился в горах, попал под дождь, промок до нитки, шел и думал: «Ах, как бы не слечь, ванна, горчичники, в постель поскорее!» Но повстречался Проф, что-то мы обсудили, не договорились, заспорили. Пока спорили, одежда обсохла. Хватился: а как же ванна, горчичники? Обошлось.

Потом стал замечать: хожу иначе. Если думаю о дороге — выбираю путь покороче, поровнее. Если не контролирую себя, прыгаю через канавы с разбега. Зачем? Просто так, от избытка сил.

И еще (пусть жена меня извинит) — женщины в голове. Не местные, конечно: у чгедегдинок хоботок вместо носа. Но о возвращении на Землю начал я думать иначе. Прежде представлял себе одно: зал заседаний Академии, я на кафедре, в руках у меня указка, напряженное внимание

в зале, шепот удивления. А сейчас начинаю с иного: улица Горького, зной, разгоряченная толпа, горячий асфальт утыкан следами каблучков и плывут-плывут навстречу купола причесок — соломенные, шатеновые, русые, черные, огненные или пепельные, выкрашенные под седину. Дробно стучат туфельки, дыхание колышет блузки, мелькают розовые коленки под короткими юбками. Днем-то я прогонял эти видения, но они возвращались во сне.

И вернулось то, что казалось мне главным, — утерянное ощущение перспективы. Все успею, все сумею, не сегодня, так завтра или через десять лет. И даже имеет смысл отложить, потому что завтра я буду лучше: опытнее и умнее.

— Тетеас, вылезай из меня! — кричал я своему целителю. — Хочу поблагодарить тебя, дорогой мой цельносварной лейб-ангел. Посидим за штепселем и кружкой, вспомним мои переживания и твои приключения. Вылезай, мегатация подготовлена.

Мегатация — это увеличение, противоположность миллитации, надеюсь, вы догадались? Выполнив свою задачу, микрохирург должен был укрупниться и в дальнейшем работать со своими собратьями нормального размера в лабораториях.

Но Тетеас не спешит к праздничному столу:

— Подчистить надо, — твердит он. — Проверить. Я не уйду, пока тут останется хотя бы одна пылинка. Организм требует стерильной чистоты.

И даже обижался:

— Почему ты гонишь меня? Я тебе надоед, наскучил?

— Нет, я бесконечно благодарен тебе, я думаю, что ты заслужил отдых и награду.

— Тогда почитай мне в награду главу из Книги обо Всем.

Я читал. Тетеас слушал и восхищался. К сожалению, его восторги нельзя было принимать всерьез. Ведь он был запрограммирован на восхищение.

Покончив с ремонтом в мозгу, Тетеас теперь инспектировал все тело, устраняя мельчайшие неисправности. Он отрегулировал рецепторы давления, срезал бугорки на кла-

панах сердца; у меня действительно исчезла одышка, к которой я уже привык. Побывал во рту, запломбировал один зуб, продезинфицировал миндалины, выпреб какую-то дрянь из аппендикса. Право, мне благодарить следовало бы, а я ворчал. Но очень уж бесцеремонно распоряжался в моем организме Тетеас. Поистине, как та рачительная тетя Ася, глубоко уверенная в том, что порядок на столе важнее работы за столом.

— Сегодня ешь поменьше и ложись сразу после обеда, — командовал Тетеас. Буду накладывать шов, потом лежишь недельку.

— Но я обещал прилететь на планету Кинни.

— Кинниане подождут. Если шов разойдется, никуда не полетишь.

Все это умиляло и раздражало. Хотелось все же быть хозяином самому себе, выписаться из больных раз и навсегда.

Однажды я так и сказал прямо:

— Тетеас, кончай с мелкими доделочками. Главное ты совершил, дал организму молодость, теперь хозяин справится сам.

На мое несчастье, Гилик слышал это заявление. И какую отповедь я получил! Давно уже мой гид не был так речист и зол.

— Хозяин! — вскричал он. — Это кто хозяин? До чего же бездонно самообольщение человеческое! Да вспомни всю историю твоего лечения. Ты не хотел стареть, но не мог приказать себе не стареть. Ты не хотел сесть, но волосы твои выпцвели, потому что фагоциты — стражи твоего же тела пожирали черный пигмент. И ты не мог приказать своим кровеохранникам оставить твои же волосы в покое. И не мог приказать им допустить в организм лекаря-целителя, они на него напали, пытались сгноить и вытолкнуть. И если по легкомыслию ты потеряешь руку, ногу или почку и доктора попробуют прирастить тебе чужую, твой упрямый организм будет отторгать и рассасывать чужую почку, потому что она чужая, умрет, а помощи извне не примет. Ты считаешь себя хозяином тела? А разве можешь ты вып-

рямить свой горбатый нос, сделать карие глаза голубыми, прибавить себе хотя бы пять сантиметров роста? Поздно. А в юности ты мог остановиться, прекратить рост по желанию? И еще раньше, когда ты был зародышем, твоя родительница могла выпрямить тебе нос или сменить цвет глаз? Ты, кажется, говорил, что она мечтала о девочке? Мечтала об одном, вырастила другое. И разве нет у вас на Земле женщин, которые не хотят вообще детей, не хотят, но растят в себе; люди прорастают, словно картошка. Какие вы хозяева? Автоматы!

И пошло с того дня:

— О всезнающий, скажи, какие запасы пищи в твоей печени? Владыка тела своего, прикажи своему горлу не кашлять!

Даже Тетеас однажды вступился за меня:

— Что толку надоедать Человеку? Упражняешься в словосочетаниях.

Гилик сказал важно:

— Я за истину, неприкрашенную и математически точную. Эти заносчивые есу воображают себя высшим достижением материи, а на самом деле они — конгломерат ошибок природы, ее бездумной инерции, вчерашний день развития.

— Опять словосочетания. Ты лучше придумай, как помочь.

— Я помогаю установить истину. Пусть Человек поймет, что он вчерашний день развития. А помочь вчерашнему нельзя. Вчера кончилось вчера.

Но Тетеас, этот старательный волосок, блуждающий между моих клеток, придумал, представьте себе.

— Я понял, в чем твоя беда, Человек, — сказал он мне несколько дней спустя. — Твоя беда в многовластии. У твоего тела много хозяев и не все они подчиняются уму.

— Что ты имеешь в виду? Желудок, сердце?

— Ни то ни другое. У тебя пять систем управления, я их перечислю. Самая древняя — генетическая, наследственный проект тела. Вторая система — кровь с эндокринными железами — ведает этапами развития, ростом, зрелостью,

а также временными режимами. Система третья — нервы — командует автоматическими движениями и органами. Четвертая — эмоциональная, в ее распоряжении опыт, привычки, чувства; гнев, радость, горе. И ум твой, сознание — только пятая из систем, самая разумная, самая новая, созданная для общения с внешним миром и не очень вникающая в дела внутренние.

— То есть ты хочешь подчинить сознанию чувства?

— Не только чувства, но и органы, кровь и гены, температуру, давление, борьбу с болезнями, рост, внешность. Чтобы ты мог сказать: «Хочу, чтобы нос был поменьше», — и нос укоротится. «Хочу, чтобы у меня были жабры», — будешь дышать под водой, как рыба. Вот когда ты поистине станешь хозяином своего тела, тогда я и покину тебя со спокойной совестью.

— Но это значит никогда, — воскликнул я. — Жабры вырастить! Сказка!

— Почему сказка? Жабры состоят из обычных клеток, примерно таких, как в легких, и из кровеносных сосудов. И ты сам говорил, что у человеческого зародыша есть зачатки жабр. Значит, организм матери мог вырастить жабры. Не вырастил, потому что программа была иная и никакой возможности вмешаться. Не связаны гены с сознанием матери. Не было связи, только и всего. Вот я и хочу наладить подобную связь в твоём теле.

«Бред!» — подумал я. Но заманчивый бред, между прочим. Последующие дни я провел в тяжких спорах. Не с Тетеасом, миниатюрным прожектором, с самим собой. Во мне самом спорили трезвый скептик Не Может Быть и энтузиаст-мечтатель Очень Хочется.

— Не может быть такого, — говорил Не Может Быть. — Черты лица зависят от собственного желания? Ненаучная фантастика. Нельзя переделать свое лицо, каждый знает.

— Да, но... — возражал Очень Хочется, — но и в космосе летать нельзя было. А внешность почему нельзя менять по собственному желанию? Тетеас говорит: «Потому что нет связи между волей и клетками». Ну а если наладить связь?

— Ничего не выйдет хорошего, — твердил скептик Не Может Быть. — Если бы связь была полезна телу, природа проложила бы ее. Мало ли что кому взбредет в голову: кому захочется три глаза, кому четыре уха. И хорошо, что нет возможности лепить по своему капризу нежизнеспособных уродов. Нельзя давать скальпель в руки несмышленишу.

— Да, но, возможно, природа не успела дать скальпель, — отстаивал мечту Очень Хочется. — Разум — полезный инструмент, но он изобретен всего лишь миллион лет назад. Еще не распространил свою власть на глубины тела.

— Необъятного не обнимешь, — упорствовал скептик. — В теле сто триллионов клеток, в мозгу — всего лишь пятнадцать миллиардов, сознанию отведено миллиардов пять. Как может разум уследить за каждым лейкоцитом, за каждой растущей клеткой, за каждой белковой молекулой в клетке?

— А Разум и не должен следить, не должен распоряжаться каждой клеткой. Разве командующий фронтом дает приказ каждому солдату в отдельности? Он определяет общую задачу, а генералы, офицеры и сержанты конкретизируют, уточняют, доводят.

Скептик возражал:

— Но командующего понимает вся армия, от генерала до солдат, все они объясняются на едином языке. А солдаты твоего тела, если молекулы это солдаты, не понимают разумных слов, и ты не знаешь четырехбуквенного шифра генов. Как ты скажешь: «Делайте мне голубые глаза!» И в каком из ста тысяч генов записана голубизна глаз? И даже если ты произнесешь «церезин — тиомин — церезин», разве тот ген поймет тебя и перестроится?

Только сутки спустя, накопив новые соображения, оптимист Очень Хочется снова вступил в спор:

— Верно, языки разные в теле, не все доступные разуму, но есть многостепенный перевод. Клетки понимают химические приказы гормонов крови; железы, посылающие гормоны, понимают электрические сигналы спинного и головного мозга, реагируют на страх, гнев и восторг. А страх и гнев можно подавить или вызвать воображением.

Вот так: с воображения начинаются приказы телу.

Должен буду я, Очень Хочется, воображать то, что мне хочется.

Если не желаю стареть, должен представить себе, что не старею. Иду по улице статный, легконогий, грудь колесом, кудри колечками. И если попал в катастрофу, остался без ноги, тоже — начинай работать, воображение! Представим себе, что у меня растет потихоньку нога: припухло, а вот уже и кость прощупывается сквозь повязку, вот образуется коленный сустав...

Скептик Не Может Быть возмущен:

— Вообразить можно что угодно, но невыполнимого не исполнишь. Человек не способен к регенерации. У взрослого кости жесткие, окончательные.

— Но ведь есть же такая болезнь акромегалия, когда растут кости лица, ступни, кисти рук у взрослого.

— Там простой рост, увеличение. А тут сложное развитие. Такое только у зародыша возможно.

— Пусть так, начнем с зародыша. Ведь он весь происходит из одной клетки. Из нее возникают и кости, и мозг, и ноги. Возникают по генетической программе. Но разве нельзя ее подправить? Чем? Хотя бы гормонами крови, ее химическим составом. А как регулировать состав? Воздействуя на железы? А как приказывать железам? Не воображением ли?

И когда-нибудь будет так:

— Дорогая мамаша, кого вы хотите, дочь или сына? Сына? На вас похожего или на отца? Блондина, брюнета, стройного или крепыша, смелого или осторожного, бойкого или спокойного, математика или поэта? А теперь представьте себе, вообразите как можно яснее. Думайте о нем почаще, закройте глаза и думайте. Или нарисуйте и смотрите на портрет. Главное, образа не меняйте.

Ужас какой! Каждая дурочка будет лепить оперного тенора.

— А разве лучше лотерея, кот в мешке?

В общем, я загорелся и разрешил Тетеасу изучать мою внутреннюю администрацию на всех пяти ступенях. И за-

ключили мы с ним договор, что 23 часа в сутки он меня не тревожит, копается молча и осторожно, так чтобы меня не тошнило и нигде не болело, а один час я в его распоряжении, выполняю тесты, тренирую волю, отдаю приказы, воображаю...

Важен заведенный порядок. Когда этот медицинский час вошел в привычку, я перестал тяготиться присутствием ису, не думал больше об избавлении от внутреннего врача. Ну и пусть он живет в моих сосудах, внимательный и хлопотливый, незаметный и необходимый, как диспетчер городской электростанции. Час в сутки можно уделить биологической мечте и своему здоровью и беседам с неутомимым другом, запрограммированным на материнскую заботу обо мне.

Интересно, а вы, читающие эту историю, согласились бы впустить в свою кровь этакое миниатюрного доктора?

Мальчишки, конечно, пришли бы в ужас: «Ни за что! И так хватает менторов. Будет поучать изнутри: “Не лезь в холодную воду, не ешь конфет, не ковыряй болячку!”» А женщины? Кто из вас откажется от ежедневного домашнего врача, с которым можно поговорить о том, что волосы секутся и кожа лоснится? Матери будут рады иметь при ребенке постоянного опытного куратора, личного врача-педиатра, всецело посвятившего себя младенцу.

Так что, я думаю, со временем одноплеменники Тетеаса станут необходимостью быта на Земле, и никого не удивят слова, приведенные в эпиграфе: «Хирурга глотайте быстро и решительно; чтобы не застрял в горле, запейте водой!»

У меня же был интерес особый. Мой доктор не только лечил меня, но и собирался усовершенствовать, сделать сознательным скульптором своего тела, волетворцем. И каждый день не без нетерпения я расспрашивал, как идет его работа, а он с таким же любопытством пытал меня, как я переделаю себя, когда получу обещанный дар воле творчества.

И я фантазировал...

Нет, не буду рассказывать, какие планы я строил, потому что не суждено было им осуществиться...

Я все-таки собрался на Кинни. Это приятная планета земного типа с прозрачной атмосферой, бледно-зеленым небом и морем малахитового оттенка. И жизнь там, как на всякой планете земного типа, белковая, стало быть, съедобная. А я смертельно устал от стерилизованной курятины, рожденной в ретортах, соскучился по живому мясу. Так что на Кинни я все время жевал, набивал рот то котлетами, то ягодами, то желудьяками — это такие морские животные, не то моллюски, не то ракообразные, по виду похожие на желуди, а по вкусу — на семгу. Их неисчислимые стада в киннийских морях. Когда плывешь в лодке, опускаешь шляпу за борт и черпаешь, словно фрикадельки половником. И я черпал, наслаждался жирно-солененьким, жевал, сосал, глотал. Совсем забыл, хотя меня и предупреждали, что среди желудьяк попадаются старые особи со скользкой жесткой кожей, которую не прокусишь.

И вот я сидел в лодке, лакомился: хруп-хруп-хруп... Вдруг — словно старый орех, аж зубы затрещали. Вздохнул от боли. И желудьяк этот скользнул прямо с зуба в дыхательное горло.

Я так и застыл с открытым ртом. Хриплю, давлюсь, кашляю... Руки поднял... как меня учили в детстве... Не выскакивает.

Проф был со мной в лодке. Хлопает он меня по спине, толку никакого. Вспомнил про радио. Слышу, кричит:

— Ису 124/Б, срочно — в дыхательное горло! Человек подавился. Спешి прочистить.

А я уже задыхаюсь. Небо позеленело и перед глазами огненные круги.

Вдруг вытолкнул. Тьфу, сплюнул за борт. Сижу, дышу, отдуваюсь. Дух перевел, тогда спрашиваю:

— Ису Тетеас, проверь, нет ли в горле царапины.

Молчание.

— Ису, ису, радио у тебя заглохло, что ли?

Не отвечает. Что за причина?

И тут меня словно током ударило:

— А не упал ли он в море вместе с желудяком?

Я нырял до заката, я нырял весь следующий день, я вытаскивал горсти желудяков и каждый пробовал на зуб. Но сами понимаете, все это было актом отчаяния. Найдешь ли иголку в стоге сена, пылинку на болотной ряске, монетку в песчаной куче? Если бы хоть радио у него работало. Но, видимо, вода глушила волны. Первое время нам чудилось что-то вроде «СОС», потом и эти сигналы смолкли. Вероятно, сели аккумуляторы. Ведь заряжался-то Тетеас от моей нервной системы.

Будь у него нормальный рост, может, он и выплыл бы. Но для него, крошки, три сантиметра в час — предел. Разве это скорость для моря? Конечно, он не захлебнулся, кислород ему не требуется. Он остался на дне и лежит там и будет лежать, пока не проржавеет.

Ржавеет! Разумный ису, врач с высшим образованием. Исследователь. Автор идеи о людях будущего — волетворцах. Нет справедливости в природе.

Я не мог успокоиться, не мог простить себе. Сокрушался. Клял себя. Нырял снова. Перебирал желудяки. Твердые рассматривал под микроскопом. Совал в них булавку с антенной. Мегатировал. Попусту!

Конец мечте!

Проф пробовал утешить меня, говорил, что чертежи сохранились, на Чгдегде смонтируют другого эндохирурга, обучат его, проинструктируют, я снова получу лейб-ангела, который продолжит начатые исследования, сделает меня всесильным волетворцем.

Разве только в мечте дело?

Друга я загубил, маленького, но самоотверженного, запрограммированного на любовь и заботу обо мне. А чем отплатил я за заботу? Потерял.

Потерял!

Люди уходят тоже. И забывается облик, голос, любимые выражения, манеры... Что остается надолго? Незавершенное дело.

Я постепенно забываю говор Тетеаса, его повадки и слова, стираются в памяти кадры с палочками, шариками, тя-

жами и овалами, но все чаще, все настойчивее думаю я о незавершенном:

— Хочу, чтобы ты стал хозяином своего тела!

— Ты хочешь быть талантом? Будь! Хочешь быть красавцем? Будь красавцем. Вообрази себя Аполлоном, пусть нос будет прямой, зубы ровные, плечи широкие, стан стройный, глаза большие, брови густые, лоб высокий! Еще выше, еще! Представь, какой именно! Напряги воображение, напряги волю!

— Не выйдет.

— А если попробовать, потренироваться, поднатужиться?

— Не выйдет все равно.

— А если нечеткую волю подкрепить техникой?

— Как?

— В том-то и дело: как?

Игорь Росоховатский

ПОБЕДИТЕЛЬ

Умножая свои ряды, мы теснили их по пятам. Отступление противника уже давно превратилось в паническое бегство. Это была война ядов и газов, и счет в ней шел на миллионы и миллиарды жертв. Недорастворенные вражеские воины в белых и оранжевых одеждах валялись по обочинам скользких синих дорог, по берегам красных пульсирующих рек и каналов, наполненных вязкой жидкостью. Они лежали в разных позах — вытянутые или скорчившиеся, ссохшиеся или раздутые тельца, — не пробуждая во мне былой ненависти. Угасла месть, вспыхнувшая, когда они убили лучшего моего друга — Умара, которого мы все называли Ученым. Он был таким добрым, что в его доброту сразу не верилось. Она казалась маской, скрывающей что-то иное, более привычное.

Умар рассказывал мне, что неутолимое любопытство овладело им с детства. Он все хотел знать: почему зажигаются звезды, зачем светят оранжевые и фиолетовые солнца, как произошел мир, для чего появились мы и в чем состоит наше предназначение. Одним словом: как, где, куда, откуда? К каждой вещи и явлению он подходил с этими вопросами-мерками. Приобретая какое-нибудь знание, он тут же начинал сомневаться в его достоверности и принимался за проверку.

Наш командир недолюбливал его и считал плохим солдатом. В чем-то я вынужден был соглашаться с его оценками. Но я полагал, что если бы Ученого назначить в штаб дешифровщиком, он был бы на своем месте.

Каждый из нас на что-то годен. Важно лишь найти надлежащее место — и вы увидите вместо вялого или ленивого, нерадивого или беспомощного ползуна — идеального работника. Но место солдата было, конечно, не для Ученого. И когда вражеский воин взмолился: «пощади», Умар смалодушничал и отвел свое грозное оружие — растворитель. Последовал смертельный удар.

Мы жестоко отомстили врагам. Гнали их без передышки до Гряды Опадающих Холмов. А на привале, назначая меня командиром отделения, взводный сказал:

— Представляю тебя к награде, Стаф Золотистый (враги называли меня желтолицым, друзья — золотистым). Ты поработал сегодня на славу.

— Мстил за друга, — ответил я.

— Значит, и он сгодился на что-то.

Мне почудилась насмешка, и я схватился за ядовитый кинжал:

— Уважаю тебя, командир, но еще одно слово...

— Не горячись, Стаф. Я не хотел обидеть ни его, уже растворенного, ни тебя. Я не утверждаю, что он был ничтожеством. Но в нашем деле оказался бесполезен. Если уж ты солдат, то ни к чему тебе все эти сантименты и заумь.

— Он искал ответы на свои вопросы. Он привык думать в любых ситуациях, — уже остывая, проговорил я.

— Вот, вот... А в нашем деле много думать вредно. Не успеешь задуматься, как получишь смертельный заряд кислоты. Ну, скажи, Стаф, зачем нам, солдатам, знать — что, где, откуда? Нам предстоит захватить эти питательные просторы, чтобы расселить на них миллионы наших голодных сородичей и обеспечить им место для жизни. Пока мы не решили этот простейший вопрос, наш народ не сможет размножиться и наплодить всяких умников, которые примутся искать ответы на свои никчемные вопросы. Так что давай не гоношиться. Завоюем место для умников. Может быть, они все-таки поймут, кому надо спасибо сказать.

Нет, что там ни говори, а наш командир — парень что надо. Умеет и слово сказать, и дело сделать. Не прячется за чужие спины в бою. Беспощадный к врагам — без этого не победишь. Сурово спрашивает и со своих — без этого нельзя командовать.

— Не извиняйся, Стаф, — сказал он. — Горе у тебя, а я влез со своей усмешечкой...

...Сгустался зеленый закат, когда мы ворвались в небольшое селение. И, как на грех, метнулась ко мне девушка:

— Дядя, защитите!

А за ней гонятся двое наших, наготове держат растворители.

Глянул я на нее — и золотистый панцирь тесным показался. Дышать нечем: до того похожа она на мою дочь. Вся — вылитая Стафилла.

Вот тогда оно и появилось, недоброе предчувствие. Предчувствие, от которого тошно жить. Так и кажется, что конец мира близок.

На мое счастье, командир подоспел. Все понял с первого взгляда. Посоветовал:

— Убей ее, Стаф, как велят Устав и Приказ. Нам ведь не рабы нужны, а чистое пространство. Раствори ее с одного раза, чтоб не мучилась.

А потом, не глядя на меня, бормотнул:

— Что бы там ни говорили умники, есть в любом приказе высший смысл. Только он открывается солдату после боя.

И опять выяснилось, что он прав. Да еще как! Селение это оказалось замаскированным наблюдательным пунктом. Кабели двойной сигнализации соединяли его с командным периферийным узлом. И замешкайся мы хоть на минуту, не уничтожь всех его жителей, — и двинулись бы на нас полки резерва, и не пришлось бы мне больше ни о чем думать, никакими предчувствиями терзаться. Не дожил бы я до этого светлого дня, когда вся обширная страна завоевана нами.

И я с пульсирующего холма оглядываю равнину, на которой вырастут наши города. Мы расселимся, размножимся, и дети, которым суждены были трущобы, скученность и голод, вырастут на приволье здоровыми и сильными. Они помянут нас — победителей, завоевателей — такими, какие мы есть — залитыми кровью врагов, невыспавшимися и до смерти усталыми, покрытыми ранами, неустрашимыми и гордыми содеянным. Ибо жили мы не напрасно. Это я твердо знаю!

...И только одного не мог знать завоеватель: что был он всего-навсего микробом из вида стафилококков золо-

тистых, и что завоеванная страна — в прошлом единый организм — теперь обречена на смерть вместе с заселившими ее победителями...

Примечания

Г. Х. Андерсен. Капля воды

Миниатюра датского романиста, драматурга и великого сказочника Г. Х. Андерсена (1805-1875) была впервые опубликована в 1848 г. под назв. *Vandraaben*.

В. Гончаров. Жизнь невидимая

Впервые: *Красные всходы* (Тифлис). 1923. № 1 (4). Публикуется с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Данный рассказ – первая выявленная публикация В. А. Гончарова, одного из самых заметных и загадочных советских фантастов 1920-х годов, опубликовавшего в 1924-1927 гг. семь научно-фантастических повестей и романов. Какие-либо биографические сведения о нем отсутствуют. *Жизнь невидимая* тесно примыкает к изданной в 1924 г. в Москве повести В. Гончарова *Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин* (представлена в т. III наших «Приключений в микромире»).

Н. Копылов. Невидимки

Впервые: *Мир приключений*. 1926. № 9. Публикуется с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Сведениями об авторе мы не располагаем. Можно заметить, что этот рассказ предвосхищает многие ходы, использованные почти полвека спустя К. Булычевым (И. Можейко, 1934-2003) в цикле произведений о городе Великий Гусляр и его обитателях.

С. Голубь. Тайна микрокосма

Впервые: *Вокруг света* (Москва). 1927. № 9. Публикуется с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Автор в конце 1920-х гг. сотрудничал с редакциями журналов *Всемирный следопыт* и *Вокруг света*. Публикуемый рассказ, под названием *В атоме*, был удостоен премии на конкурсе *Всемирного следопыта* в 1926 г.

Б. Житков. Микроруки

Фантастический очерк советского прозаика, моряка, путешественника и известного детского писателя Б. С. Житкова (1882-1938) публиковался отдельным изданием в 1931 г. (М.-Л.: Молодая гвардия) в оформлении Л. Чупятова.

Т. Старджон. Бог микрокосмоса

Впервые: *Astounding Science Fiction*. 1941, апрель. На русском яз. впервые в альм. *На суше и на море* (М., 1961).

Т. Старджон (1918-1985) – американский писатель-фантаст, один из ведущих и наиболее влиятельных авторов «золотого века» американской НФ, автор многочисленных романов и рассказов, лауреат премий «Небьюла» и «Хьюго» (1970, 1971), Всемирной премии фэнтези (1985). За свою жизнь сменил множество профессий, в частности, был телесценаристом, рецензентом и колумнистом, работал также в жанрах ужаса и вестерна.

В. Григорьев. По законам неточных наук

Рассказ (1967) вошел в авторский сборник *Аксиомы волшебной палочки* (М., 1967).

В. В. Григорьев (1934-1999) – советский писатель-фантаст, путешественник, журналист, по профессии инженер-конструктор; наи-

более известен как автор рассказов, относящихся к юмористической и сатирической НФ.

Г. Гуревич. Глотайте хирурга

Впервые: НФ: *Альманах научной фантастики*. Вып. 8 (М., 1970). Рассказ позднее вошел в публиковавшийся с конца 1960-х гг. в виде отрывков и отдельных произв. роман *В зените* (1985).

Г. И. Гуревич (1917-1998) – советский писатель-фантаст, критик и исследователь НФ. Участник Второй мировой войны, по профессии инженер-строитель, с 1957 г. – профессиональный писатель. Автор многочисленных рассказов, повестей и романов, книг по истории фантастики и научно-популярных произведений.

И. Росоховатский. Победитель

Впервые на русском яз.: *Техника и наука*. 1979. № 5; на укр. под назв. *Завойовник* («Завоеватель») в авторском сб. *Останній сигнал* (Киев, 1989).

И. М. Росоховатский (1929-2015) – украинский писатель-фантаст, журналист, прозаик, поэт, популяризатор науки. Начал публиковаться в 1946 г. Автор нескольких романов, более двух десятков повестей, около 20 сборников рассказов, выходивших на русском и украинском языках.

Оглавление

Г. Х. Андерсен. Капля воды. <i>Пер. А. В. и П. Г. Ганзен</i>	5
В. Гончаров. Жизнь невидимая	9
Н. Копылов. Невидимки	26
С. Голубь. Тайна микрокосма	56
Б. Житков. Микроруки	68
Т. Старджон. Бог микрокосмоса. <i>Пер. Ф. Мендельсона</i>	75
В. Григорьев. По законам неточных наук	117
Г. Гуревич. Глотайте хирурга	128
И. Росоховатский. Победитель	169
Примечания	174

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.